

ISSN 2949-1134

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

Российский
центр научной
информации

«Белый список»

УРОВЕНЬ

Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований

sgjournal.ru

№ 4 (19) / 2025

ISSN 2949-1134

Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований

№ 4 (19)

Вологда 2025

Издается с июля 2021 года

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний»

Главный редактор:

В. Н. Некрасов

Все права защищены. Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой
право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по научным специальностям: 5.3.5, 5.3.9, 5.7.1, 5.7.7, 5.8.1, 5.8.7

Дата выхода в свет: 29.12.2025

Журнал представлен на сайте в свободном бесплатном доступе
в полнотекстовом формате

Адрес редакции: 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2
Телефоны: (8172) 51-46-12, (8172) 51-01-73, (8172) 51-98-70
E-mail: sgjournal@vipe.fsin.gov.ru

Сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет: sgjournal.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер Эл № ФС77-81296 от 09.06.2021

© ВИПЭ ФСИН России, 2025

ISSN 2949-1134

All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities

No. 4 (19)

Vologda 2025

Founded in July 2021

Issued four times a year

Founder:

Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education
“Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service”
(VILE of the FPS of Russia)

Editor-in-Chief:

Vasilii N. Nekrasov

All rights reserved. Journal materials can be reprinted only with the permission of the publisher.

Manuscripts are reviewed and not returned to the authors. The editor reserves the right to abridge and edit the manuscripts submitted

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of PhD., for the degree of Dsc. should be published of the following scientific specialties: 5.3.5, 5.3.9, 5.7.1, 5.7.7, 5.8.1, 5.8.7

Date of publication: December 29, 2025

The journal is available online and provides open and free-of-charge access to its content in full-text format

Address of the editorial office:
2, Shchetinin street, Vologda, 160002, Russian Federation

Phones : (8172) 51-46-12, (8172) 51-01-73, (8172) 51-98-70

E - mail : sgjournal@vipe.fsin.gov.ru

Website: sgjournal.ru

The journal is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).
Registration Number EL No. FS77-81296 of June 9, 2021

© VILE of the FPS of Russia, 2025

Редакционная коллегия

Некрасов Василий Николаевич – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, доктор юридических наук (главный редактор);

Зауорова Эльвира Викторовна – профессор кафедры юридической психологии и педагогики факультета психологии и пробации ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор (заместитель главного редактора);

Ласточкин Александр Николаевич – начальник кафедры юридической психологии и педагогики факультета психологии и пробации ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент (ответственный секретарь);

Агафонова Ольга Васильевна – начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат философских наук, доцент;

Баламут Александр Николаевич – начальник центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

Барышева Анна Викторовна – доцент кафедры общей и педагогической психологии факультета психологии и права ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук;

Белова Надежда Алексеевна – доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент;

Вахнина Виктория Владимировна – заведующий отделом психологического обеспечения прокурорской деятельности Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор;

Ганишина Ирина Сергеевна – начальник кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России, доктор психологических наук, доцент;

Голдин Владислав Иванович – профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор;

Горностаев Станислав Викторович – профессор кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России, доктор психологических наук, доцент;

Гущина Татьяна Николаевна – профессор кафедры психолого-педагогического образования Костромского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор;

Егоров Андрей Николаевич – заведующий кафедрой истории и философии Череповецкого государственного университета, доктор исторических наук, доцент;

Желтов Андрей Александрович – доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент;

Касаткина Светлана Сергеевна – профессор кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета, доктор философских наук, доцент;

Кириллова Татьяна Васильевна – главный научный сотрудник отдела психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор;

Клюева Надежда Владимировна – заведующий кафедрой консультационной психологии факультета психологии Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова, доктор психологических наук, профессор;

Кузьминых Александр Леонидович – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Лобанова Елена Сергеевна – профессор кафедры психологии и педагогики факультета психологии и пробации ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент;

Макулин Артем Владимирович – профессор кафедры философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, предсе-

датель Архангельского отделения Российского философского общества; доктор философских наук, доцент;

Малышев Константин Борисович – профессор кафедры юридической психологии и педагогики факультета психологии и пробации ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, доцент;

Масягин Владимир Павлович – доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, доктор педагогических наук, профессор;

Оботурова Наталья Сергеевна – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор философских наук, доцент;

Павлушков Александр Рудольфович – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент;

Панова Оксана Брониславовна – профессор кафедры юридической психологии и педагогики факультета психологии и пробации ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Поздняков Вячеслав Михайлович – профессор кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор;

Раитина Маргарита Юрьевна – профессор кафедры философии и социологии, ведущий научный сотрудник научно-образовательного центра гуманитарного факультета Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, доктор философских наук, профессор;

Ракитская Оксана Николаевна – доцент кафедры социальной психологии, социальной работы и пробации факультета психологии и пробации ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

Саблин Василий Анатольевич – заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики Вологодского государственного университета, доктор исторических наук, доцент;

Севальников Андрей Юрьевич – главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук;

Соболев Николай Гургенович – старший научный сотрудник отдела разработки методологии социальной, психологической, воспитательной и педагогической работы с осужденными центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

Соколова Татьяна Леонидовна – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин факультета психологии и права ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент;

Стуканов Виталий Григорьевич – заведующий лабораторией проблем воспитания личности Национального института образования Республики Беларусь, доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, профессор;

Токомбаева Айсулу Тарасовна – доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, кандидат психологических наук, доцент;

Тяпин Игорь Никифорович – профессор кафедры философии Вологодского государственного университета, доктор философских наук, доцент;

Шевченко Олег Константинович – доцент кафедры истории и философии Института педагогики, психологии и инклюзивного образования Гуманитарно-педагогической академии (филиала) Крымского федерального университета имени В. Г. Вернадского в г. Ялте, доктор философских наук, доцент;

Ястреб Наталья Андреевна – проректор по научной и инновационной деятельности Вологодского государственного университета, доктор философских наук, доцент;

Яценко Елена Федоровна – заведующий кафедрой прикладной психологии Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I, доктор психологических наук, профессор.

The Editorial Board

Vasilii N. Nekrasov – Deputy Head for Academic Affairs of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Sciences (Law);

Elvira V. Zautorova – professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Faculty of Psychology and Probation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Deputy Editor-in-Chief);

Aleksandr N. Lastochkin – Head of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Faculty of Psychology and Probation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor (Executive Secretary);

Ol'ga V. Agafonova – Head of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor;

Aleksandr N. Balamut – Head of the Center for Research of Problems of Execution of Criminal Penalties and Psychological Support of Professional Activity of Employees of the Penal System of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor;

Anna V. Barysheva – associate professor at the Department of General and Pedagogical Psychology of the Faculty of Psychology and Probation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (Pedagogy);

Nadezhda A. Belova – associate professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (History), Associate Professor;

Viktoriya V. Vakhnina – Head of the Department of Psychological Support for Prosecutorial Activities of the Research Institute of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Psychology), Professor;

Irina S. Ganishina – Head of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Academy of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor;

Vladislav I. Goldin – professor at the Department of Regional Studies, International Relations and Political Science of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Doctor of Sciences (History), Professor;

Stanislav V. Gornostaev – professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Academy of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor;

Tat'yana N. Gushchina – professor at the Department of Psychological and Pedagogical Education of the Kostroma State University, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor;

Andrei N. Egorov – Head of the Department of History and Philosophy of the Cherepovets State University, Doctor of Sciences (History), Associate Professor;

Andrei A. Zheltov – associate professor at the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (History), Associate Professor;

Svetlana S. Kasatkina – professor at the Department of History and Philosophy of the Cherepovets State University, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor;

Tat'yana V. Kirillova – Chief Researcher at the Department of Psychological Support of Professional Activity of Employees of the Penal System of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor;

Nadezhda V. Klyueva – Head of the Department of Consultation Psychology of the Psychology Faculty of P.G. Demidov Yaroslavl State University, Doctor of Sciences (Psychology), Professor;

Aleksandr L. Kuzminykh – professor at the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Sciences (History), Associate Professor;

Elena S. Lobanova – professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Faculty of Psychology and Probation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor;

Artem V. Makulin – professor at the Department of Philosophy and Sociology of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Chairman of the Arkhangelsk Branch of the Russian Philosophical Society, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor;

Konstantin B. Malyshev – professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Faculty of Psychology and Probation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor;

Vladimir P. Masyagin – associate professor at the Department of Military-Political Work in the Military (Forces) of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor;

Natal'ya S. Oboturova – professor at the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor;

Aleksandr R. Pavlushkov – associate professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (History), Associate Professor;

Oksana B. Panova – professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Faculty of Psychology and Probation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor;

Vyacheslav M. Pozdnyakov – professor at the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology of the Moscow State University of Psychology and Education, Doctor of Sciences (Psychology), Professor;

Margarita Yu. Raitina – professor at the Department of Philosophy and Sociology, Leading Researcher at the Research and Educational Center of the Faculty of Humanities of the Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor;

Oksana N. Rakitskaya – associate professor at the Department of Social Psychology, Social Work and Probation of the Faculty of Psychology and Probation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor;

Vasilii A. Sablin – Head of the Department of General History and World Politics of the Vologda State University, Doctor of Sciences (History), Associate Professor;

Andrei Yu. Seval'nikov – Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philosophy);

Nikolai G. Sobolev – Senior Researcher at the Department of Development of Methodology of Social, Psychological, Educational and Pedagogical Work with Convicts of the Center for Research of Problems of Execution of Criminal Penalties and Psychological Support of Professional Activity of Employees of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor;

Tat'yana L. Sokolova – associate professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Faculty of Psychology and Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (History), Associate Professor;

Vitalii G. Stukanov – Head of the Laboratory for Personality Education of the National Institute of Education of the Republic of Belarus, Doctor of Sciences (Pedagogy), Candidate of Sciences (Psychology), Professor;

Aisulu T. Tokombaeva – associate professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Kyrgyz-Russian Slavic University named after the First President of the Russian Federation B.N. Yeltsin, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor;

Igor N. Tyapin – professor at the Department of Philosophy of the Vologda State University, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor;

Oleg K. Shevchenko – associate professor at the Department of History and Philosophy of the Institute of Pedagogy, Psychology and Inclusive Education of the Humanities and Education Science Academy (branch) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor;

Natalia A. Yastreb – Vice-Rector for Research and Innovation Affairs of the Vologda State University, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor;

Elena F. Yashchenko – Head of the Department of Applied Psychology of Emperor Alexander I Saint Petersburg State Transport University, Doctor of Sciences (Psychology), Professor.

СОДЕРЖАНИЕ

МАСЯГИН В. П., БАЯРСАЙХАН С.-О. Патриотическое воспитание в Монголии – залог национальной устойчивости общества к современным вызовам	9
ПАНОВА О. Б. Патриотическое воспитание курсантов вузов ФСИН России	16
СОКОЛОВА Т. Л. К вопросу использования мультимедийных презентаций на лекциях в высшей школе	30
ГИНАТУЛИНА О. А. Образовательный и воспитательный потенциал философии языка и логики в работе с обучающимися ведомственных образовательных организаций ФСИН России	37
ИГУМНОВА О. В. Лингвострановедческая компетентность курсантов образовательных организаций высшего образования Федеральной службы исполнения наказаний: постановка проблемы	43
КИЧИБЕКОВА С. З., НАСЫРОВА Э. Ф. Мобильность в образовании в условиях внедрения цифровых технологий в обучение	51
ЛЕСНЫХ Е. А. Цифровизация образовательного процесса в аграрном вузе: вызовы, возможности и перспективы	56
ПОГОНЦЕВА Д. В. Лукизм, буллинг и шейминг: попытка построения схемы взаимосвязей	63
ГРЯЗНОВ С. А., КУЗНЕЦОВ М. И. Причины цифрового выгорания курсантов образовательных организаций ФСИН России	71
КУЧКАРЕВ Ю. Ю. Отношение к жизни как показатель внутренней безопасности личности у неизлечимо больных осужденных	78
СВОБОДНЫЙ Ф. К. Основные недостатки зарубежных теорий полиграфа	84
АГАФОНОВ Е. А. Онтогносеологические аспекты феномена игры в контексте философии постмодерна	89
ПОДНЕБЕСНАЯ Э. И. Эпистемологический аспект знания в искусственном интеллекте	97
ПОЗНАНСКАЯ С. А., ТИМОФЕЕВ М. Ю. Уникальность наукоградов России в контексте системного подхода	103
СТЕШУК Б. И. Цифровые технологии как инструмент политического участия	111

CONTENT

MASYAGIN V.P., BAYARSAIKHAN S.-O. Patriotic Education in Mongolia – a Key to Public Resilience to Modern Challenges.	9
PANOVA O.B. Patriotic Education of Cadets of Universities of the Federal Penitentiary Service of Russia	16
SOKOLOVA T. L. On the Use of Multimedia Presentations in Lesson in Higher Education Institutions.	30
GINATULINA O. A. Educational and Pedagogic Potential of Philosophy of Language and Logic in Working with Students of Departmental Educational Organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia.	37
IGUMNOVA O.V. Linguistic and Cultural Competence of Cadets in Higher Education Institutions of the Federal Penitentiary Service: Problem Statement	43
KICHIBEKOVA S.Z., NASYROVA E.F. Mobility in Education in the Context of Introducing Digital Technologies in Education	51
LESNYKH E.A. Digitalizing the Educational Process at an Agriculture University: Challenges, Opportunities and Prospects	56
POGONTSEVA D.V. Lookism, Bullying and Shaming: Trying to Build a Correlation Scheme	63
GRYAZNOV S.A., KUZNETSOV M.I. Causes of Digital Burnout among Cadets of Educational Institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia	71
KUCHKAREV Yu.Yu. Attitude to Life as an Indicator of the Internal Security of an Individual among Terminally Ill Convicts.	78
SVOBODNYI F.K. Key Disadvantages of Foreign Polygraph Theories	84
AGAFONOV E.A. Ontogenesiological Aspects of the Play Phenomenon in the Context of Postmodern Philosophy	89
PODNEBESNAYA E.I. Epistemological Aspect of Knowledge in Artificial Intelligence.	97
POZNANSKAYA S.A., TIMOFEEV M.Yu. Uniqueness of Russian Science Cities in the Context of a Systematic Approach	103
STESHUK B.I. Digital Technologies as a Tool for Political Participation	111

Научная статья

УДК 37.01

doi 10.46741/sgjournal.2025.19.4.001

Патриотическое воспитание в Монголии – залог национальной устойчивости общества к современным вызовам

ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ МАСЯГИН

Военный университет имени князя Александра Невского Министер-
ства обороны Российской Федерации, Москва, Россия

Автономная некоммерческая организация высшего образования «От-
крытый университет экономики, управления и права», Москва, Россия
masyagin@mail.ru

СУХ-ОЧИР БАЯРСАЙХАН

Военный университет имени князя Александра Невского Министер-
ства обороны Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются концепция национальной устойчивости и патриотизма, являющаяся основой существования Монголии, и пути укрепления государства в условиях вызовов глобализации XXI в., а также в контексте экономической и социальной безопасности. Проанализированы историческое значение патриотического воспитания в Монголии, государственная политика, система образования, а также текущее состояние патриотического воспитания, его сильные и слабые стороны, возможности и угрозы. Сделан вывод о необходимости комплексных мер для укрепления национальной устойчивости, включающей государственную политику, образование, культуру, оборонный потенциал, использование цифровой среды и международное сотрудничество. Кроме того, разработаны предложения и рекомендации, подчеркивающие важность сотрудничества между государством, образовательными организациями всех уровней и гражданским обществом для воспитания будущих поколений патриотичных и ответственных граждан.

Ключевые слова: патриотическое воспитание; национальная устойчивость Монголии; государственная политика; глобализация; опыт Российской Федерации в патриотическом воспитании; национальная безопасность.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Масыгин В. П., Баярсайхан С.-О. Патриотическое воспитание в Монголии – залог национальной устойчивости общества к современным вызовам // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2025. № 4 (19). С. 9–15. doi 10.46741/sgjournal.2025.19.4.001.

Original article

Patriotic Education in Mongolia – a Key to Public Resilience to Modern Challenges

VLADIMIR P. MASYAGIN

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

Open University of Economics, Management and Law, Moscow, Russia

masyagin@mail.ru

SUKH-OCHIR BAYARSAIKHAN

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The article considers a concept of national sustainability and patriotism, which are the basis of Mongolia's existence, and ways to strengthen it in the face of modern globalization challenges, as well as in the context of the economic, social and secure situation in the state. The historical significance of patriotic education in Mongolia, government policy, education system, as well as the current state of patriotic education, its strengths and weaknesses, opportunities and threats are analyzed. It is concluded that comprehensive measures are needed to strengthen national resilience, including public policy, education, culture, defense capabilities, the use of the digital environment, and international cooperation. In addition, the author present proposals and recommendations emphasizing the importance of cooperation between the state, educational organizations at all levels and the civil society to educate future generations of patriotic and responsible citizens.

Key words: patriotic education; national stability of Mongolia; state policy; globalization, Russian experience of patriotic education; national security.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Masyagin V.P., Bayarsaikhan S.O. Patriotic education in Mongolia – a key to public resilience to modern challenges. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2025, no. 4 (19), pp. 9–15. doi 10.46741/sgjournal.2025.19.4.001.

Тот факт, что Монголия до сих пор существует как независимое государство, неразрывно связан с государственной политикой национальной устойчивости и патриотизма всей ее истории, национальным самосознанием народа, а также с деятельностью значимых исторических личностей, что обязывает подражать их примеру, продолжать их дело, с честью наследовать их славу, преумножая свою [1].

Важно подчеркнуть, что патриотизм – это, прежде всего, любовь и уважение к своей родине, родной земле, ее истории, культуре, традициям и народу, гордость за них и стойкая борьба за интересы своей страны. Это не просто эмоция, выражаемая словами, а ценность, подтверждаемая делами. Патриотизм укрепляет национальное единство и является силой, объединяющей страну в трудные времена.

В XX в. это проявилось у монголов следующим образом:

– в 1911 г. вследствие стремления народа к обретению независимости Внешняя Монголия освободилась от владычества правившей Китаем маньчжурской династии и основала государство, вошедшее в историю под именем Богдо-ханской Монголии;

– в 1921 г. произошла народная революция с целью возрождения монгольской национальной культуры, государственности и традиционной для Монголии тибетской ветви буддизма;

– с 1990-х гг., когда зазвучали голоса демократии, началась третья волна монгольского национально-патриотического пробуждения, и граждане Монголии смогли реализовать свою цель – создали подлинно независимое и суверенное государство.

В XXI в. глобализация ставит перед монгольским государством новую цель. Это поддержание жизнеспособности нации и государственности, залогом чего является решение долгосрочных задач по воспитанию монгольских граждан в духе патриотизма и укреплению национального потенциала устойчивости к внешним и внутренним воздействиям посредством комплекса мер, направленных на личность и реализуемых на долгосрочной основе.

Для успешного выполнения этой программы необходимо изучение роли концепции патриотизма в укреплении национального потенциала устойчивости, который является основой существования Монголии, анализ текущей ситуации, оценка влияния внутренних и внешних факторов, предложение путей дальнейшей реализации с учетом опыта Российской Федерации.

Данный подход ставит перед нами следующие исследовательские задачи:

– изучить политику и правовые документы, реализуемые государством в отношении концепции патриотизма;

– провести SWOT-анализ текущего состояния патриотической воспитательной работы в Монголии;

– изучить опыт Российской Федерации в системе патриотического воспитания, развития современных военных действий и реализации мер, направленных на обеспечение национальной безопасности.

Современное цивилизационное развитие характеризуется стремительным прогрессом в технологиях, усилением напряженности в межгосударственных и региональных отношениях во всех сферах деятельности, конкуренцией ценностных ориентаций и моделей развития, а также нестабильностью экономического и политического развития в сложных условиях международных отношений.

Именно эти условия приводят к непредсказуемым новым ситуациям, которые меняют ориентацию нашего традиционного мышления и в результате оказывают большое влияние на идеалы и мировоззрение, являющиеся мотивом человеческого сознания и действий. В этой связи патриотизм становится основой существования государственности [2].

Если рассмотреть, как вопросы патриотической воспитательной работы отражены в нормативных правовых актах Монголии, то по состоянию на 2025 г. мы увидим, что данному направлению работы в общей сложности посвящены 483 статьи в 5 концепциях, 16 законах, 9 иных нормативных актах и 18 национальных программах, таких как «Концепция национальной безопасности», «Концепция устойчивого развития – 2030» и «Основы оборонной политики Монголии» [3].

С 1990 г. Правительство Монголии реализует «Национальную программу формирования патриотизма у детей и молодежи». Меры, запланированные в целях укрепления национального единства, указанного в п. 4.4.1 «Программы деятельности правительства на 2024–2028 годы», такие как укрепление национальных единых ценностей, формирование патриотического сознания у молодежи, защита национальных интересов, реализация программы «Патриотическая Монголия» и Программы для монголов за рубежом, направлены на укрепление национального единства и повышение потенциала социальной устойчивости.

SWOT-анализ показывает, что, несмотря на то что у Монголии есть прочная основа для формирования патриотического сознания и богатое культурное наследие, такие факторы, как миграция молодежи, снижение интереса к патриотическим задачам и мероприятиям,

а также социально-экономические трудности, подрывают национальное единство. В то же время есть возможности для обновления и реализации образовательной программы всех уровней на основе военно-патриотического воспитания, распространения знаний с использованием современных технологий и монгольского интернет-контента, укрепления международных отношений (табл.).

Swot-анализ текущего состояния патриотического воспитания в Монголии

Сильные стороны	Слабые стороны
Богатое историко-культурное наследие и традиции образования.	Миграция молодежи.
Материальные и нематериальные ценности, передаваемые из поколения в поколение.	Снижение активности и интереса к патриотизму.
Отражение в правовых документах.	Отсутствие долгосрочной стратегии реализации.
Стратегическое географическое положение между Россией и Китаем	Социально-экономические проблемы, такие как бедность и безработица.
Возможности	Угрозы
Внедрение содержания патриотического воспитания во все уровни образовательных программ.	Влияние глобализации, культурная ассимиляция.
Военно-патриотическое воспитание и образовательная система.	Внутренние социальные конфликты, политические спекуляции партий на «национализме».
Использование современных технологий, проведение патриотической пропаганды в цифровой среде.	Влияние негативной информации.
Укрепление позиции на международной арене через партнерство	Региональная геополитическая нестабильность

Для преодоления вызовов современности необходимо реализовать долгосрочную устойчивую политику укрепления патриотического потенциала Монголии и принять комплексные меры по совершенствованию и развитию патриотическо-воспитательной работы, направленные в том числе и на укрепление безопасности. Для этого следует определить патриотическо-воспитательную работу в качестве приоритетного направления государственной политики и образования, обеспечить координацию между государственным и частным секторами и их отраслями, улучшить правовую среду и реализовать долгосрочный стратегический план, соответствующий ей. Целесообразно, чтобы координация основывалась на суждении Чингисхана: «Исправь себя, исправь свой дом, исправь свое государство» [4].

Предлагаемая нами система патриотического воспитания представлена на рисунке.

В настоящее время, когда политическая, экономическая и социальная нестабильность возрастает, а угрозы становятся все более изощренными, первоочередной задачей является обеспечение национальной безопасности и укрепление национальной устойчивости.

Национальная устойчивость – это комплексное понятие, определяющее способность населения, экономики, инфраструктуры и государственных органов адаптироваться к неожиданным вызовам, таким как стихийные бедствия, вооруженная агрессия, террористические акты, экономические кризисы и пандемии, и продолжать свою нормальную деятельность. Она включает в себя все факторы развития общества: политику, экономику, образование, культуру и искусство, оборону, технику и технологии, энергетику. Все они тесно взаимосвязаны, и сбой одного из них может негативно повлиять на другие части, поэтому для укрепления национальной устойчивости важно рассматривать все эти факторы в комплексе.

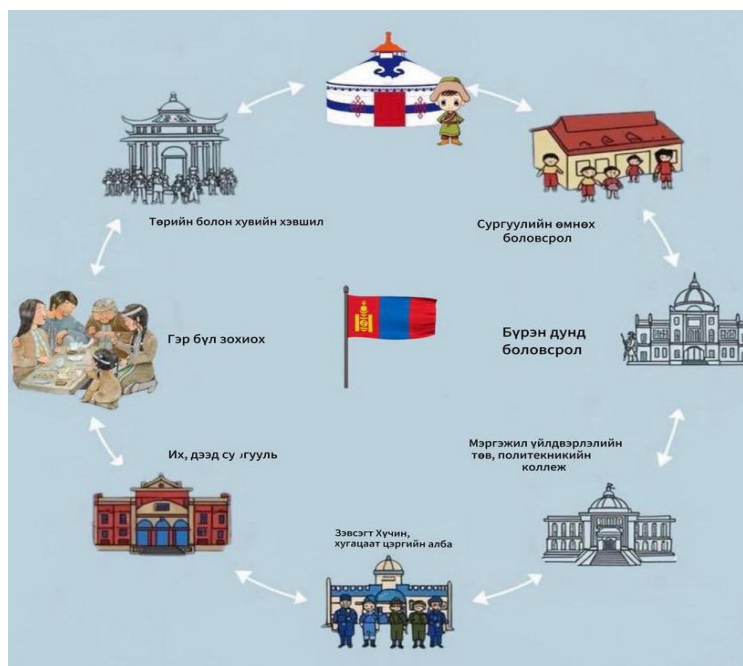

Рис. Система патриотического воспитания в Монголии

С 2000 г. Россия сделала патриотическую воспитательную работу приоритетным направлением государственной политики и внедряет систему военно-патриотического воспитания на всех уровнях образования [5, с. 128]. Также принимаются меры по контролю над информационным пространством, защите национальных идей и ценностей от негативного информационного воздействия, сохранению истории и культуры, такие как запрет онлайн-платформы «Youtube» и ограничение западной системы образования.

В то же время по инициативе Президента России в рамках политики патриотического воспитания Правительство России и Институт развития цифровой экономики сотрудничают в целях реализации задачи по созданию современных цифровых контентов и мультимедийных продуктов в новой форме. Планируется инвестировать 3,9 млрд руб. из государственного бюджета для реализации проектов, направленных на активизацию патриотического воспитания в цифровой среде, в настоящее время инвестировано 2,1 млрд руб. [6]. Свидетельством особого внимания государства к поддержке и развитию патриотизма в России и принятия комплексных мер в этом направлении являются утверждение и реализация таких документов, как «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года».

Также в структуре Вооруженных сил Российской Федерации для организации военно-политической работы с личным составом возрождено Главное военно-политическое управление.

Кроме того, созданное в 2016 г. движение «Юнармия» является всероссийским детско-юношеским военно-патриотическим общественным движением и осуществляет деятельность, направленную на привитие детям и молодежи любви к военному делу и формирование патриотизма. Оно работает при поддержке Министерства обороны Российской Федерации и в настоящее время насчитывает более миллиона членов.

Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ) является крупнейшей общественно-патриотической государственной организацией России и осуществляет деятельность в области обороны, патриотической работы с молодежью и спорта, такую как подготовка граждан к военной службе, обучение военным специальностям, развитие военно-технических видов спорта и патриотическое воспитание.

Исходя из этого политика поддержки патриотизма со стороны государства в России является комплексной и охватывает многие сферы, такие как образование, средства массовой информации, военно-патриотические воспитательные организации, искусство, культуру и религиозные организации, направлена на формирование патриотического мышления граждан России, укрепление национального единства и повышение обороноспособности страны [7].

Таким образом, для Монголии формирование патриотического сознания является долгосрочной задачей, направленной на обеспечение национальной безопасности путем укрепления национального единства и повышения обороноспособности, поддержку экономического развития и развития культуры и образования, поэтому необходимо разработать и реализовать комплексную стратегию патриотической воспитательной работы. Также считаем целесообразным перенять опыт государственной поддержки работы по патриотическому воспитанию у России и реализовывать комплексные меры, соответствующие национальным особенностям Монголии. Работа по формированию патриотического сознания должна быть направлена на укрепление национального единства, поддержку развития и процветания страны, формирование национальной устойчивости.

В настоящее время в Монголии существует свой аналог «Юнармии» – движение «Зэв», созданное в 2021 г. и названное в честь одного из соратников Чингисхана. Кроме того, по инициативе Президента Монголии Ц. Элбэгдоржа в 2010 г. в Улан-Баторе распоряжением главы города создана средняя общеобразовательная школа «Сподвижник Тэмуджина» («Тэмүүжин Өрлөг»), впоследствии вошедшая в состав Национального университета обороны Монголии и по своей сути являющаяся аналогом суворовского военного училища или кадетского корпуса в России. Ежегодно среди учащихся средних общеобразовательных школ проводятся соревнования по военно-прикладным видам спорта.

В заключение важно подчеркнуть, что работа по патриотическому воспитанию в Монголии – это долгосрочная задача, направленная на формирование будущих поколений граждан, любящих свою страну, осознающих ответственность за нее и вносящих достойный вклад в ее развитие.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Батхуяг Ж. «Монгол улсын иргэдийн эх оронч үндэсний үзэл, хүмүүжлийн зарим асуудал» // Батлан хамгаалах судлал. 2008. № 9 (19). № 10 (20).
2. Бат-Эрдэнэ Д. Үндэсний аюулгүй байдлыг хангахад хүүхэд залуучуудын эх оронч төлөвшлийн нөлөө : аюулгүй байдлын ухааны докторын зэрэг горилсон диссертации. Улан-Батор, 2024.
3. Об утверждении национальной программы : постановление Правительства Монголии от 22.05.2019 № 200. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=209842&showType=1> (дата обращения: 30.07.2025).
4. Сокровенное сказание монголов с развернутыми комментариями, V глава / ред. Ш. Чоймаа, Ц. Цэрэндорж, Л. Ганбат. Улан-Батор, 2024. 252 с.
5. Арзамаскин Ю. Н., Кепель О. Ю. Государственно-патриотическая идея как идеологическая основа военно-политической работы // Военная мысль. 2021. № 11. С. 128–138.
6. Седова К. В. Основные направления государственной политики РФ в сфере патриотического воспитания // Огарев-онлайн. 2023. № 8 (193). URL: <https://ogarev-online.ru/2311-2468/article/view/266868> (дата обращения: 10.05.2025).
7. Быков А. К. Патриотическое воспитание молодежи на уроках Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов // ЦИТИСЭ. 2025. № 3. С. 250–262.

REFERENCES

1. Batkhuyag Zh. Some problems of patriotic nationalism and upbringing of Mongolian citizens. *Batlan khamgaalakh sudlal = Defense Studies*, 2008, no. 9 (19). (In Mong.).

2. Bat-Erdene D. *Yndesnii ayuulgyi baidlyg khangakhad khyykhed zaluuchuudyn ekh oronch төлөвшлийн нөлөө: ayuulgyi baidlyn ukhaany doktoryn zereg gorilson dissertatsii* [Influence of patriotic formation of children and youth in national security: Candidate of Sciences dissertation]. Ulan-Bator, 2024.
3. *Pravitel'stvo Mongolii. Ob utverzhdanii natsional'noi programmy: Postanovlenie Pravitel'stva Mongolii ot 22 maya 2019 g. № 200* [Government of Mongolia. On the approval of the national program: Resolution of the Government of Mongolia No. 200 of May 22, 2019]. Available at: <https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=209842&showType=1> (accessed July 30, 2025).
4. *Sokrovennoe skazanie mongolov s razvernutyimi kommentariyami, V glava* [The secret legend of the Mongols with detailed comments, chapter V]. Ed. by Choimaa Sh., Tserendorzh Ts., Ganbat L. Ulan-Bator, 2024. 252 p.
5. Arzamaskin Yu.N., Kepel' O.Yu. The state-patriotic idea as the ideological basis of military-political work. *Voennaya mysl'* = *Military Thought*, 2021, no. 11, pp. 128–138. (In Russ.).
6. Sedova K.V. The main directions of patriotic education in the state policy of Russia. *Ogarev-onlain* = *Ogarev-online*, 2023, no. 8 (193). Available at: <https://ogarev-online.ru/2311-2468/article/view/266868> (In Russ.). (Accessed May 10, 2025).
7. Bykov A.K. Patriotic education of young people in the classroom victories in the great patriotic war of 1941–1945. *TsITISE* = *CITISE*, 2025, no. 3, pp. 250–262. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ МАСЯГИН – доктор педагогических наук, профессор, профессор Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия, заведующий кафедрой педагогики и психологии Автономной некоммерческой организации высшего образования «Открытый университет экономики, управления и права», Москва, Россия, masyagin@mail.ru

СУХ-ОЧИР БАЯРСАЙХАН – кандидат искусствоведения, слушатель Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

VLADIMIR P. MASYAGIN – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, professor at the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Head of the Department of Pedagogy and Psychology of the Open University of Economics, Management and Law, masyagin@mail.ru

SUKH-OCHIR BAYARSAIKHAN – Candidate of Art History, Trainee at the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

Статья поступила 20.09.2025

Научная статья

УДК 37.035.6

doi 10.46741/sgjournal.2025.19.4.002

Патриотическое воспитание курсантов вузов ФСИН России

ОКСАНА БРОНИСЛАВОВНА ПАНОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, xenia-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6096-2581>

Аннотация. В статье рассмотрено патриотическое воспитание курсантов как одно из приоритетных направлений воспитательной работы в вузах ФСИН России; выявлены историко-педагогические предпосылки патриотического воспитания и раскрыта его сущность, заключающаяся в формировании патриотического сознания; представлены и охарактеризованы основные закономерности, принципы, методы и формы организации воспитательного процесса, определяющие действенность патриотического воспитания; дано фрагментарное описание методики патриотического воспитания, учитывающей специфику будущей профессиональной деятельности курсантов. Новизна проведенного исследования заключается в уточнении понятия «патриотическое сознание», конкретизации перечня ценностей в структуре аксиосферы курсанта вуза ФСИН России; структурировании методов организации педагогического процесса в комплекс, предназначенный для патриотического воспитания курсантов вузов ФСИН России.

Ключевые слова: курсанты вузов ФСИН России; патриотическое воспитание; воспитательный процесс; патриотическое сознание; аксиосфера патриотического воспитания; методы организации воспитательного процесса; формы организации воспитательного процесса.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Панова О. Б. Патриотическое воспитание курсантов вузов ФСИН России // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2025. № 4 (19). С. 16–29. doi 10.46741/sgjournal.2025.19.4.002.

Original article

Patriotic Education of Cadets of Universities of the Federal Penitentiary Service of Russia

OKSANA B. PANOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, xenia-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6096-2581>

Abstract. The article discusses patriotic education of cadets as one of the priority areas of educational work in universities of the Federal Penitentiary Service of Russia; identifies historical and pedagogical prerequisites for patriotic education and reveals its essence, which consists in the formation of patriotic consciousness among cadets;

presents and characterizes basic patterns, principles, methods and forms of organization of the educational process that determine the effectiveness of patriotic education. The presented fragmentary description of the patriotic education methodology takes into account the specifics of future professional activities of cadets. The novelty of the research lies in clarifying a concept of "patriotic consciousness", specifying a list of values in the structure of the axiosphere of a cadet at a university of the Federal Penitentiary Service of Russia; structuring methods of organizing the pedagogical process into a complex designed for patriotic education of cadets at universities of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Keywords: cadets of universities of the Federal Penitentiary Service of Russia; patriotic education; educational process; patriotic consciousness; axiosphere of patriotic education; methods of organizing the educational process; forms of organizing the educational process.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Panova O.B. Patriotic education of cadets of universities of the Federal Penitentiary Service of Russia. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2025, no. 4 (19), pp. 16–29. doi 10.46741/sjjournal.2025.19.4.002.

На протяжении всей отечественной истории формирование государственной идентичности человека было и продолжает оставаться неотъемлемым элементом его становления и развития. Соответственно, отношение россиян к патриотизму как высшей ценности и эталону поведения гражданина представляется естественным и органичным. Патриотизм формируется и проявляется в процессе управляемой социализации человека, в том числе благодаря обучению и воспитанию. Для обеспечения функционирования системы патриотического воспитания в Российской Федерации был принят федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», в рамках которого большое внимание уделяется вопросу взаимодействия и преемственности поколений посредством организации работы патриотических клубов, масштабного военно-патриотического общественного движения, деятельности исторических парков «Россия – моя история»; популяризации истории Российского государства и др. [1].

В наиболее общем виде патриотическое воспитание представляет собой целенаправленное специально организованное взаимодействие воспитателей и воспитуемых по поводу пробуждения и актуализации у участников педагогического процесса таких личностных качеств, как верность и любовь к своему Отечеству, уважение к его истории, культуре и ценностям, готовность к защите его интересов. Важно отметить, что в словосочетании «взаимодействие воспитателей и воспитуемых» педагогическое общение выстраивается в русле субъектно-субъектного подхода, при котором каждому участнику отводится субъектная роль. Представленное определение носит унифицированный характер и нуждается в детализации с точки зрения необходимости учета особенностей субъектов воспитательного процесса. В числе таких особенностей определенное значение имеют профессиональные характеристики, отражающие разную меру социально ожидаемой активности в отношении тех или иных субъектов патриотического движения.

Особое значение патриотическое воспитание приобретает в работе с курсантами вузов ФСИН России, связавшими свой жизненный путь с профессиональным служением своей Отчизне в системе исполнения наказаний. В соответствии с Концепцией воспитательной работы с работниками уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. патриотическое воспитание включено в число приоритетных направлений воспитательной работы с курсантами [2]. Такая воспитательная политика ФСИН России является закономерной как с точки зрения верности российским традициям, так и в аспек-

те специфики профессии сотрудников, призванных обеспечивать интересы государства в пенитенциарной сфере.

Отношение к патриотическому воспитанию как важному направлению работы с тюремным персоналом начало формироваться в 60-е гг. XIX в. Ключевой особенностью данного хронологического этапа явилось переосмысление отношения к патриотизму в сознании российского общества в условиях широкого реформаторского движения. Отмена сословий, открытость в образовании и ориентированность на воспитание гармонично развитой личности привели к тому, что прежние представления о патриоте как о смиренном человеке, ориентированном на безусловное поддержание существующего порядка, стали замещаться пониманием того, что истинному патриотизму сопутствует сознательное выполнение гражданином своего долга перед государством. Большое влияние на прогрессивную педагогическую общественность в этой связи оказали труды К. Д. Ушинского, в которых он отождествлял патриотическое воспитание с воплощением в образовании принципа народности. В статье «О народности в общественном воспитании» великий педагог утверждал, что «воспитание, созданное самим народом и основанное на народных началах, имеет ту воспитательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях или заимствованных у другого народа» [3, с. 165]. Именно в этот период в учебных заведениях Российской империи впервые начали изучаться курсы патриотической направленности – «Отчизноведение» и «Отечествоведение». Разработчики программ по этим дисциплинам, в частности Н. Ф. Бунаков, основной акцент в преподавании делали на формировании у учащихся любви к Родине [4, с. 244–253].

Идеи патриотического воспитания отразились и на требованиях, предъявляемых к чиновникам тюремной системы, в перечень личностных качеств которых были включены свойства, отражающие их отношение к своему государству. Так, И. Я. Фойницкий одним из первых сформулировал идею о том, что служащие тюрем должны осознавать, что они «трудятся во имя общих государственных интересов» [5, с. 26]. Н. Ф. Лучинский при разработке Правил службы чинов тюремной стражи включил в текст Присяги «обещание и клятву верно и нелицемерно служить не щадя живота своего до последней капли крови пользе государственной» [6, с. 11]. Таким образом, уже в Российской империи были сформулированы требования к личностным качествам тюремных служащих, призванных усвоить приоритетность служения Отечеству.

Представляется важным при исследовании специфики патриотического воспитания курсантов вузов ФСИН России опираться на научные взгляды авторов, внесших существенный вклад в разработку исследуемой проблемы. В последнее время появилось немало научных трудов, связанных с темой патриотического воспитания курсантов, обучающихся в ведомственных вузах. В общей структуре диссертаций и монографий по данной тематике лидирующее положение по количественному показателю занимают труды, посвященные патриотическому воспитанию курсантов в военных вузах; далее следуют вузы правоохранительной системы; самыми малочисленными представлены работы, относящиеся к вузам ФСИН России. В числе исследований, раскрывающих вопросы патриотического воспитания в отношении курсантов ведомственных вузов, определенный интерес представляют диссертации кандидатов педагогических наук Д. М. Нуждина (2004), Р. В. Старкова (2015), О. А. Овчинникова (2016), А. А. Калекина (2019), П. В. Клименко (2020), Т. И. Алиева (2022) и др.; монографии В. И. Лесняка (2005), И. А. Кушнаренко (2018), М. В. Сябы (2019).

Патриотическое воспитание направлено на формирование патриотизма, который в общепринятом понимании означает преданность и любовь к своему Отечеству, своему народу [7, с. 496]. Задачи патриотического воспитания курсантов вузов ФСИН России получили конкретизацию в Концепции воспитательной работы с работниками уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. Они включают развитие у курсантов стремления неуклонно защищать интересы государства в служебной деятель-

ности; побуждение к выполнению священного долга по защите Родины, сохранению ее исторического и культурного наследия; формирование мировоззрения, нацеленного на противостояние деструктивным действиям, направленным на оскорбление патриотических чувств, попыткам фальсификации российской и мировой истории, искажения и забвения исторической правды и памяти, духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, норм морали, а также на защиту от негативного информационно-психологического воздействия [2].

Исходя из перечисленных задач, а также с учетом мнения большинства исследователей можно констатировать, что сущность патриотического воспитания имеет мировоззренческую природу. Она заключается в формировании у молодых людей «патриотического сознания, верности героическим традициям, готовности к выполнению гражданского долга и защиты Родины» (О. А. Овчинников) [8, с. 11], становлении государственно-патриотического мировоззрения (Т. И. Алиев, Д. М. Нуждин, Р. В. Старков, М. В. Сяба) [9, с. 12; 10, с. 11; 11, с. 13; 12, с. 40], формировании ценностных ориентаций любви к Родине, преданности своему народу, готовности к выполнению гражданского долга (А. П. Герасимов) [13, с. 10], формировании стержневого социально-личностного и базового профессионального качества, базирующегося на отечественных ценностях (А. А. Калекин) [14, с. 9], становлении осознанных мотивов к патриотической деятельности в интересах государства (П. П. Клименко) [15, с. 10].

Разделяя изложенные точки зрения относительно выделения мировоззрения в качестве ключевой сущностной характеристики патриотического воспитания, представим уточненное определение понятия «патриотическое сознание». Отметим, что на формулирование предлагаемого ниже определения существенное влияние оказали идеи И. А. Ильина, утверждавшего, что «любить Родину – это значит открыть в предмете безусловное достоинство, действительно и объективно ему присущее, и прилепиться к нему волею и чувством; открыть в самом себе подлинную жажду этого высшего и способность бескорыстно радоваться его совершенству, любить его и служить ему» [16, с. 95].

Патриотическое сознание курсанта вуза ФСИН России может быть охарактеризовано как интегративное личностное образование, обеспечивающее инициированное самим курсантом стремление к отождествлению своей судьбы с судьбой своего народа на основе знаний о достижениях и достоинствах своей страны, возвышенных эмоциональных переживаний по поводу происходящих в ней событий, готовности и способности отстаивать традиционные отечественные ценности в профессиональной деятельности сотрудника УИС и внеслужебной повседневной жизни.

Патриотическое сознание, являясь разновидностью общественного сознания, имеет такую же структуру, как и другие его виды, например нравственное сознание. Оно включает ценностно-смысловой, социально-интеллектуальный, эмоционально-оценочный и установочно-поведенческий компоненты. Содержательное наполнение каждого из перечисленных компонентов определяется системой отношений субъекта к своей стране как к Родине. Применительно к курсантам вузов ФСИН России такие отношения рассматриваются через призму их служебного долга.

Определяемый аксиосферой конкретного индивида ценностно-смысловой компонент дает возможность каждому человеку осознавать любовь к родине, поскольку «только в этом виде своем она достигает истинной высоты и зрелости» [16, с. 93]. Проведя сравнительный анализ точек зрения современных исследователей на содержание патриотических ценностей и соотнеся их с воззрениями российских мыслителей предшествующих эпох, мы обобщили полученную информацию и включили в ценностный ряд «истинного патриота» (термин И. А. Ильина) следующие универсалии: «достоинство», «долг», «честь», «признательность».

Ценность «достоинство» проявляется в достоинстве государства, определяемом его суверенитетом и самодостаточностью; особой мерой ответственности за выполнение гуманистической миссии в границах собственной страны и ее пределами. Личностный аспект достоинства государства заключается в способности его народа не допускать или преодолевать в себе безнравственные желания и намерения, реализация которых в общественном сознании воспринимается как отход от традиционных норм, сформированных в результате многовековой духовной кристаллизации с участием всего человечества.

«Долг», олицетворяя собой общественную сторону достоинства государства, определяется тем, каким образом и в какой степени государственные служащие готовы отстаивать интересы своего Отечества. В аспекте патриотического поведения сотрудника УИС долг рассматривается в первую очередь как обязывающая категория, поскольку сотрудникам нормативно определено быть достойными членами общества. Соответствующие императивы зафиксированы в Кодексе этики и служебного поведения сотрудников и федеральных государственных гражданских служащих уголовно-исполнительной системы, утвержденном приказом ФСИН России, а также другими нормативными правовыми актами.

«Честь» как патриотическая ценность означает моральное качество, связанное с внутренним нравственным стержнем человека, который своей доблестью, честностью, благородством души и чистой совестью вносит существенный вклад в прогрессивное развитие страны, совершает самоотверженные поступки на благо Отечества. Таким людям оказывается дань уважения, а их заслуги должным образом вознаграждаются. Выдающиеся достижения трудящихся, ученых, деятелей культуры и спорта становятся достоянием России. Героям-воинам оказывается особое почтение, они становятся образцом духовного величия народа. В Российской Федерации существует традиция чествовать героев в определенные дни, к которым относятся День Героев Отечества (9 декабря), День защитника Отечества (23 февраля) и др. В эти дни чествуют Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и кавалеров орденов Святого Георгия и Славы. Память о героях и их подвигах сохраняется для того, чтобы все граждане России могли видеть в них пример верного служения Родине.

«Признательность» как ценность особого рода указывает на испытываемое человеком чувство благодарности своему государству за поддержку и предоставляемые условия для достойной жизни. Признательность выражается также в ощущении гордости индивида в связи с его причастностью к своему государству, достигшему могущества и величия, а также из-за принадлежности к народу с присущими уникальными традициями, культурой и языком. Признательность Отечеству является ценностью, так как сопутствующие ей чувства благодарности и гордости укрепляют уверенность человека в необходимости служения и защиты Родины.

Наличие социально-интеллектуального компонента в структуре патриотического сознания отражает склонность человека распознавать значение высказываний и поступков при выборе того или иного варианта поведения и сопоставлять их с интересами своей страны. Социальный интеллект предполагает наличие у субъекта определенной системы знаний и способность их анализировать, оценивать, использовать в практической деятельности. Курсантам вузов ФСИН России следует знать героические факты и события в истории своей страны, в том числе с участием сотрудников УИС; знать, понимать и поддерживать государственную политику, проводимую Российской Федерацией; быть подготовленными к отстаиванию доблести и заслуг своего Отечества с опорой на знания о достижениях, успехах и открытиях россиян в различных сферах материальной и духовной культуры, вкладе российского народа в цивилизационное развитие человечества.

Эмоционально-оценочный компонент занимает важное место в структуре патриотического сознания, поскольку «патриотизм есть чувство любви к родине; и потому он, как и всякое чувство, а особенно чувство любви, уходит корнями в глубину человеческого бес-

сознательного» [17, с. 178]. Патриотически ориентированный гражданин, как правило, проявляет яркие эмоции и испытывает сильные чувства, реагируя на явления, события и факты, которые могут оказывать существенное влияние на судьбу страны. Например, он радуется по поводу успешного ведения боевых действий своей армией в справедливой войне и при этом гордится героическими подвигами своих соотечественников; восхищается достижениями государства в области развития исключительного в своем роде ледокольного флота и выражает уважение к доблестному труду создавших его специалистов; проявляет гнев и возмущение в связи с фальсификацией отечественной истории в сторону умаления ее заслуг во Второй мировой войне и т. п. Содержание и направленность патриотических эмоций и чувств того или иного субъекта в значительной мере определяются оценкой, которая выражается в признании значимости судьбоносных для страны явлений. В ходе оценивания проявляется связь человека со своим Отечеством, имеющая чувственную окраску, происходят фиксация значимости, сопоставление, выбор предпочтительных вариантов и решений.

Основу установочно-поведенческого компонента патриотического сознания курсанта вуза ФСИН России составляет его готовность соотносить свои действия и поступки с интересами государства. Специфическое свойство установки заключается в том, что это – потенциальная величина, выявляемая через реальные, общественно значимые действия. Установка находится между двумя системами: внутренним состоянием личности и объективной реальностью; она выступает регулятором взаимодействия между ними. Установка предшествует патриотической активности и характеризуется следующими взаимосвязанными элементами: осознанием курсантом своих потребностей быть частью российского народа; осознанием требований общества и государства, опосредованных служебным долгом сотрудника УИС по защите Отечества; осмысливанием и оценкой условий, в которых будут происходить предстоящие действия, направленные на отстаивание интересов своей страны; актуализацией предшествующего опыта; определением на основе опыта наиболее вероятных способов исполнения служебного долга.

Формирование патриотического сознания составляет сущность патриотического воспитания, но не исчерпывает его предназначение в полной мере. Подтверждение патриотических настроений и чувств человека обнаруживается в его поведении. Придавая большое значение практической стороне патриотического воспитания, И. А. Ильин подчеркивал, что задачей воспитателя является побуждение воспитуемых к «делам, полным энергии и преданности Родине» [17, с. 178]. Таким образом, цель, содержание и результат – элементы, составляющие структуру процесса патриотического воспитания, характеризуются направленностью на формирование личностных качеств, относящихся к двум уровням: мировоззренческому и поведенческому. Сложность структуры исследуемого процесса ориентирует на необходимость при организации патриотического воспитания опираться на определенные закономерности, отражающие объективно существующие, повторяющиеся существенные связи между образующими его элементами. Изучение современных воспитательных концепций [18, с. 13–16], преломленное через анализ специфики патриотического воспитания курсантов вузов ФСИН России, позволяет констатировать наличие следующих закономерностей.

1. Патриотическое воспитание курсантов вузов ФСИН России приносит заметные результаты, если оно осуществляется на основе патриотической активности самого курсанта в его взаимодействии с реалиями служебной деятельности, опосредованной долгом перед Отечеством. При этом решающее значение имеет гармонизация интересов общества и личных интересов курсанта. Воспитательная задача решается более эффективно, если иницируется активность курсанта, в том числе познавательная, духовная, коммуникативная, трудовая, общественная, которая существенно обогащает его и способствует личностной самореализации.

2. Существует тесная связь патриотического воспитания курсантов с обучением. В процессе обучения формируется комплекс необходимых знаний об истории своей страны, ее достижениях и успехах, проблемах; происходит интеллектуальное развитие курсантов. При грамотной организации познавательной деятельности у обучающихся возникает стремление к расширению сфер патриотической активности.

3. Эффективность патриотического воспитания определяется целостностью воспитательных влияний и совпадением декларируемых патриотических идеалов и ценностей с реальными действиями субъектов воспитания. К числу субъектов воспитания курсантов относится, наряду с сотрудниками образовательных организаций ФСИН России, государство, представленное должностными лицами – чиновниками различных уровней. Имеют место случаи, когда из разных источников, в том числе из СМИ, курсанты узнают о том, что те или иные чиновники провозглашают обязательность следования традиционным российским ценностям и нормам, но сами в определенных ситуациях игнорируют их. Данная закономерность констатирует обязательность единства требований, предъявляемых ко всем гражданам государства. В этой связи представляется уместной цитата И. А. Ильина, утверждавшего, что «опытный и тактичный воспитатель способен воспитать настоящего патриота и поддерживать в человеке постоянно патриотические чувства. Для этого он сам должен быть искренним и убежденным патриотом», «он должен не “проповедовать” любовь к родине, а увлекательно исповедовать и доказывать ее делами, полными энергии и преданности» [17, с. 179].

На основе перечисленных закономерностей сформулированы специальные принципы, то есть исходные положения, которым целесообразно следовать субъектам патриотического воспитания. К числу таких принципов отнесены: побуждение курсантов к самообразованию; направленность педагогических влияний на овладение курсантами опытом патриотической активности; включение курсантов в интерактивную деятельность, педагогическое обеспечение опережающего профессионального закалывания.

Принцип побуждения курсантов к самообразованию предусматривает их мотивирование на получение дополнительных знаний о своей стране, ее успехах и достижениях; усвоение необходимой информации, подтверждающей величие российского государства. Самообразование, кроме того, должно быть направлено на самопознание курсантов, то есть на выявление ими своих личностных потенциалов и актуализацию тех качеств и способностей, которые являются значимыми при отстаивании интересов своей страны.

Принцип направленности педагогических влияний на овладение курсантами опытом патриотической активности заключается в том, что каждый курсант вуза ФСИН России в ходе обучения приобретает определенный опыт участия в патриотической деятельности. Роль воспитателя состоит в том, чтобы, имея представления об уже сформированном опыте курсанта, включать его в зоны ближайшего и последующего развития с ориентацией на необходимость выполнения более сложных задач по отношению к своему государству. К условиям, благоприятствующим овладению курсантами опытом патриотической активности, мы относим создание ситуаций сильных переживаний по поводу обстоятельств, указывающих на нахождение Отечества в опасности, а также включение курсантов в специальные проекты, например военно-поисковые мероприятия, содействие юнармейскому движению, уход за воинскими кладбищами, шефство над ветеранами и участниками боевых действий и др. Овладение опытом патриотической активности должно осуществляться систематически и последовательно, так как каждый новый отрефлексированный уровень проявления патриотических качеств обеспечивает поступательное развитие чувства принадлежности к общности российских граждан, объединенных общей целью.

Принцип включения курсантов в интерактивную деятельность основывается на положении о том, что патриотическое сознание не может развиваться в отрыве от других сограждан. Межличностному интерактивному общению, выстраиваемому в формате диалога,

присуще равноправное положение всех участников. Особая роль диалогового взаимодействия состоит в том, что оно обеспечивает возможность свободного обмена мнениями, благодаря чему происходит соотнесение своих представлений с системой ценностных ориентиров других участников взаимодействия, активизируется самопознание.

Принцип педагогического обеспечения опережающего профессионального закаливания отражает пропедевтическую функцию педагогической деятельности. Он нацеливает педагогов на предварительную подготовку курсантов к выполнению патриотической миссии сотрудника УИС как составляющей его служебного долга. Действие данного принципа направлено на развитие эмоционально-волевых качеств личности в ходе решения задач, содержащих моделируемые ситуации патриотического характера.

Следование обозначенным закономерностям и принципам является важным условием, позволяющим обеспечить целостность и рациональность педагогического процесса, в котором определение комплекса педагогических средств имеет свою логику, подчиненную задаче формирования патриотического сознания и поведения у курсантов вузов ФСИН России.

Успешность воспитательной работы во многом определяется методами, с помощью которых она реализуется. Методы воспитательной работы представляют собой научно обоснованные способы педагогически целесообразного взаимодействия с воспитуемыми, организации и самоорганизации их жизни, психолого-педагогического воздействия на их сознание и поведение, стимулирования их деятельности и самовоспитания. Методы воспитательной работы могут быть настолько разнообразными, насколько многогранным может быть содержание взаимодействия между участниками воспитательного процесса. Логичным можно считать выделение следующих групп методов патриотического воспитания курсантов вузов ФСИН России: формирования патриотического сознания, овладения курсантами опытом патриотической активности, стимулирования патриотической активности.

Методы формирования патриотического сознания включают разновидности, относящиеся к прямым и косвенным способам организации педагогического процесса. К прямым методам относятся убеждение, пример, объяснение, разъяснение, аргументация и др., к косвенным – внушение, совет, намек, предостережение, увещание и др. Методами овладения курсантами опытом патриотической активности являются педагогическое требование, приучение, упражнение, создание воспитывающих ситуаций, дилемма, профессиональные пробы и др. В группу методов стимулирования патриотической активности входят общественное мнение, доверие, поощрение, наказание и др. Применяемый метод должен быть адресован в первую очередь всему коллективу (учебной группе, курсу, клубному сообществу и т. п.). Через коллектив каждый входящий в него участник охватывается влиянием, транслируемым с помощью того или иного метода. Проблема выбора методов патриотического воспитания курсантов вузов ФСИН России является достаточно актуальной. При выборе конкретного метода необходимо, прежде всего, исходить из содержания цели; целесообразно использовать лишь те методы воспитательной работы, которые имеют гуманистическую направленность; необходимо учитывать индивидуальные особенности воспитуемых и уровень развития коллектива; следует применять лишь такие методы воспитательной работы, которые не допускают унижение человека, а, напротив, предполагают уважение к личности воспитуемого.

Патриотическое воспитание курсантов вузов ФСИН России осуществляется в различных формах. Использование тех или иных форм определяется конкретными общественными целями и задачами, а также потребностями самих курсантов. Форма воспитательной работы представляет собой понятный внешнему восприятию образ педагогического взаимодействия субъектов в курсантском сообществе, сформировавшийся благодаря системе используемых средств, которые должны быть выстроены согласно определенной логике.

Не ставя целью перечислять все существующие формы, остановимся лишь на тех из них, которые имеют более широкое распространение в воспитательной работе с курсантами вузов ФСИН России.

Неотъемлемой частью патриотического воспитания выступают ритуалы, которые придают упорядоченность данному направлению воспитательной работы. Ритуалы предназначены для поддержания национальной идентичности, поскольку помогают сохранить и передать национальную идентичность и культурные традиции, составляющие ядро патриотизма. Ритуалы часто связаны с эмоциональными переживаниями; они могут вызвать сильные эмоции, выражающие гордость за свое Отечество. Особая роль отводится ритуалам, связанным с национальными праздниками и памятным событиями, например с празднованием Дня Победы. К ритуалам могут быть отнесены исполнение патриотических песен, проведение концертов, салюты, выступления первых лиц государства, которые актуализируют в сознании курсантов яркие страницы отечественной истории и достижения российского народа. Использование в ритуалах национальных символов, таких как флаги, гербы, гимны, подчеркивает национальную принадлежность и гордость. Флаги и гербы, в том числе и исторические, например флаги РФ, СССР или Российской империи, георгиевские ленточки, эмблемы подразделений, можно увидеть на шевронах воинов российской армии и сотрудников правоохранительных органов. Ритуалы сопровождают военные парады, митинги, публичные выступления, мероприятия, посвященные чествованию ветеранов труда, героев Отечества и тех, кто героически служил и служит своей стране.

Многие формы патриотического воспитания связаны с участием курсантов в мероприятиях по увековечиванию памяти героев-воинов посредством военно-поисковой и музейной работы, участия в шествиях «Бессмертный полк» и др.; широкое распространение получили акции, направленные на поддержку участников боевых действий и членов их семей; большой познавательный интерес представляют походы по местам боевой славы и трудовой доблести соотечественников.

Важное место в патриотическом воспитании занимают средства массовой информации. Среди популярных медиаформатов, используемых в целях патриотического воспитания молодежи, можно выделить кинофильмы, телевизионные передачи, книги, интернет-ресурсы, музыку.

Кинофильмы – это один из наиболее эффективных и популярных способов патриотического воспитания. Фильмы, посвященные истории России, ее героям и достижениям, могут вдохновлять молодежь на любовь к своей стране и стимулировать интерес к истории. Например, кинокомпания «Мосфильм» выпустила фильм «Салют-7», который повествует о героической миссии советских космонавтов. Фильм получил высокие оценки зрителей и критиков и помог молодежи лучше понять достижения России в космосе. Интересный сюжет, харизма актеров и их персонажей, привлекательный дизайн, искусство построения композиции кадра и грамотный монтаж – все это оказывает мощное воздействие на восприятие зрителем.

Одним из главных символов многих отечественных фильмов является российская армия, а сила влияния этого символа остается неизменно мощной, вне зависимости от затрагиваемой эпохи. Образ воина, бойца, защитника, патриота, цель которого делать мир и жизнь лучше, безопаснее и стабильнее, уверенного в себе, профессионального, готового выполнять задачи, которые ставит перед ним Отчизна, – один из самых любимых народом. Архетип героя, который заложен в этих персонажах, – архетип сильный не только по сути характера, но и по силе воздействия на зрителя.

Выбор фильма во многом определяется необходимостью вызвать у зрителей сильные эмоции посредством обогащения сюжета повествованием о людях, с которыми зрители могут отождествлять себя, например, в плане сходства профессии. Для иллюстрирования данного утверждения в качестве примера предложим вариант зрительской конференции,

которую мы проводили с курсантами вуза ФСИН России на основе просмотренного фильма «Перед рассветом» (1989). В основе фильма – история о молодом офицере, чья служебная деятельность была связана с конвоированием заключенных. События, отражающие сюжетную линию кинокартины, происходят в первые дни Великой Отечественной войны.

В начале фильма показано размещение заключенных в эвакуационном поезде, который направляется в глубь страны из прифронтовой зоны. Железнодорожный состав подвергается вражескому авианалету; большинство пассажиров погибают в результате бомбежки. Выжившими оказываются три человека: молодой лейтенант НКВД, «воровской авторитет» и репрессированный «враг народа». Приняв на себя неравный бой, они стараются скрыться в лесу от преследования фашистов.

В таких обстоятельствах уголовник почувствовал себя «на свободе», несмотря на то что молодой сотрудник НКВД подтверждал свое намерение доставить заключенных до места назначения. Последующее развитие ситуации объединяет киногероев на почве ненависти к оккупантам и неизбежности совместной борьбы с ними. При определенных обстоятельствах «враг народа» и конвоирующий его сотрудник осознанно сдаются фашистам, с тем чтобы быть казненными вместо приговоренных к расправе жителей деревни, которых захватчики взяли в качестве заложников с требованием выдать за их освобождение партизан. Фашистский комендант восхитился мужеством и бесстрашием двух героев. Он поставил их в пример солдатам Вермахта и принял решение заявленную вначале смертную казнь в виде повешения заменить расстрелом.

Зрительскую конференцию, основанную на просмотре данного фильма, мы назвали словами русской народной пословицы «Кто служит Родине верно, тот и долг исполняет примерно». В этой фразе заложена основная идея, которая была осмыслена курсантами в ходе обсуждения кинокартины. В ходе анализа поступков молодого лейтенанта был сделан акцент на его безграничной верности и преданности профессиональному долгу, своей стране и народу. В русле поставленной цели зрительская конференция дала возможность показать последовательные героические поступки молодого лейтенанта в качестве образца служения профессии, Родине, своим соотечественникам.

Отвечая на вопрос «Как пословица “Кто служит Родине верно, тот и долг исполняет примерно” соотносится с поведением киногероев?», курсанты давали эмоционально выраженные ответы. Например, курсант К. отметил, что в начале фильма у него сложилось снисходительно-ироничное отношение к молодому лейтенанту, который выглядел странным и даже нелепым в связи с упорным желанием во что бы то ни стало конвоировать заключенных под обстрелами врага. Но по ходу развития сюжета у курсанта К. мнение изменилось коренным образом в сторону восхищения мужеством киногероя, поскольку молодой офицер оставался во всех обстоятельствах верным профессиональному долгу. Считая приказ конвоировать заключенных незыблемым для себя, он безоговорочно выполнял его, несмотря на смертельную опасность как со стороны уголовника, так и нацистов. Выполняя свой служебный долг, он не считал нужным обращать внимание на колкие издевательские реплики бывалого заключенного. В финальных эпизодах фильма молодой лейтенант НКВД воспринимался курсантом К. как эталон чести, мужества и достоинства человека. Курсант К. констатировал: «Хотя внешность молодого лейтенанта была достаточно невзрачной, достоинство, с которым он смотрел смерти в глаза, сделало его красивым и величественным человеком». Логическим продолжением зрительской конференции стало другое воспитательное мероприятие – тематическая беседа, посвященная воинскому подвигу сотрудников исправительно-трудовой системы Народного комиссариата внутренних дел СССР в годы Великой Отечественной войны.

Телевизионные передачи также выступают действенными средствами патриотического воспитания курсантов, поскольку телевидение является одним из самых доступных источников информации для населения страны. Телепередачи, посвященные истории,

культуре и достижениям России, могут помочь молодым людям лучше понять историю и доблесть своего Отечества. Например, телеканал «Россия-1» выпустил телепроект «История России» – цикл телепередач, в которых рассматриваются ключевые события и персонажи в истории России. Телепроект завоевывает высокие рейтинги среди разновозрастной аудитории, помогая зрителям лучше понимать историю своей страны и происходящие современные события.

Аналогичную функцию выполняют и книги, чтение которых способно стимулировать интерес к истории Отчизны. Средством привлечения курсантов к чтению книг патриотического содержания может выступить читательская конференция, представляющая собой воспитательное мероприятие, посвященное определенной теме и предусматривающее обсуждение содержания книги в группе других читателей. Ее целью является не только привлечение курсантов к чтению, но и формирование общего мнения, выработка привычки осмысливать прочитанное, высказывать и отстаивать собственное мнение, учиться этому у других участников. Актуальный перечень литературных произведений может быть представлен следующими циклами: «О родной земле», «Великая Отечественная война. Историческая память и традиции», «О великих людях России», «Полководцы Святой Руси», «На страже русской земли», «За наших». В числе книг, рекомендованных Министерством просвещения Российской Федерации для обсуждения в молодежной среде, названы следующие произведения: «Первая Мировая война. Самая полная энциклопедия» (автор И. Песков), «Война. Мифы СССР. 1939–1945» (автор В. Мединский), «Подольские курсанты» (авторы И. Угольников, В. Шмелев), «За чертой» (автор А. Можаяев) и др. [19].

Интернет-ресурсы, представляя собой наиболее популярные каналы информации для молодежи, включают множество различных сайтов, посвященных значимым достижениям России; в таком качестве они содействуют молодым людям в адекватном позитивном восприятии своей Родины. Примером может служить интернет-проект «Россия в фотографиях», в рамках которого организован сбор архивных фотографий, хранящихся во многих российских семьях. Волонтеры, участники данного проекта, делятся со своими единомышленниками уникальными фотографиями, запечатлевшими фрагменты важных исторических событий.

Музыкальные произведения, посвященные России и ее достижениям, также оказывают сильное эмоциональное воздействие на слушателей, вдохновляют россиян на проявление любви к своей стране, стимулируют интерес к ее истории. Так, песня «Я русский», исполняемая Ярославом Дроновым, стала атрибутом патриотизма и хитом как в России, так и за ее пределами. Другим образцом выражения любви к России является песня «Матушка» в исполнении Татьяны Куртуковой. Песни, посвященные прославлению малой родины, также приобретают огромную популярность, среди них музыкальное произведение «Мой Дагестан» автора-исполнителя Сабины Саидовой. Песен, созвучных патриотическим настроениям россиян, в наши дни становится все больше, поскольку они востребованы народом и воспринимаются им в качестве символов национальной идентичности.

Таким образом, в статье раскрыты базовые характеристики патриотического воспитания курсантов вузов ФСИН России, в том числе его цель, задачи, сущность и средства организации воспитательного процесса. В проведенном исследовании курсанты вузов ФСИН России рассматриваются в первую очередь в качестве воспитуемых. Вместе с тем их будущая профессиональная деятельность связана с воспитанием осужденных. Существующие реалии, при которых действует правило, утверждающее, что «каждый сотрудник УИС – воспитатель», а патриотическое воспитание включено в перечень основных направлений воспитательной работы с осужденными, требует в содержание патриотического воспитания самих курсантов вузов ФСИН России включать вопросы, связанные с формированием у них качеств субъектов воспитательного процесса. Это означает, что границы патриотического воспитания курсантов вузов ФСИН России могут быть расширены в аспекте их под-

готовки к реализации функции организаторов соответствующей воспитательной работы с осужденными. В ходе проведенного исследования сформулированы следующие выводы.

Важность выделения патриотического воспитания курсантов вузов ФСИН России в качестве особого феномена связана с тем, что, с одной стороны, существует необходимость выполнения соответствующего заказа государства, адресованного сотрудникам УИС, с другой – имеет место общественный запрос на актуализацию потребности каждого курсанта в личностном развитии, сфокусированном на обретении гармоничного существования в системе взаимодействия «сотрудник УИС – государство».

Сущность патриотического воспитания курсантов вузов ФСИН России заключается в формировании у них патриотического сознания, структуру которого составляют ценностно-смысловой, социально-интеллектуальный, эмоционально-оценочный и установочно-поведенческий компоненты. Ядро патриотического сознания образуется ценностями «достоинство», «долг», «честь», «признательность» – категориями, в обобщенном виде отражающими аксиосферу патриотически ориентированной личности.

Патриотическое воспитание направлено не только на формирование патриотического сознания, но и на стимулирование активности, в ходе которой курсант вуза ФСИН России подтверждает свои патриотические взгляды, чувства и установки в конкретных поступках.

Действенность патриотического воспитания курсантов вузов ФСИН России определяется базированием воспитательного процесса на определенных закономерностях и принципах; применением системы методов и форм организации педагогического взаимодействия; соотносением содержания воспитательных мероприятий со спецификой службы в УИС.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации: федеральный проект. URL: <https://edu.gov.ru/press/10278/minprosvetsheniya-rossii-podgotovilo-spisok-patrioticheskoy-literatury-dlya-vneklassnogo-chteniya/> (дата обращения: 31.08.2025).
2. Об утверждении Концепции воспитательной работы с работниками уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : приказ ФСИН России от 30.12.2022 № 948. URL: <https://fsin.gov.ru/document/> (дата обращения: 15.08.2025).
3. Ушинский К. Д. Русская школа / отв. ред. О. А. Платонов. М., 2015. 678 с.
4. Антология педагогической мысли России второй половины XIX – начала XX в. М., 1990. 603 с.
5. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб., 1889. 504 с.
6. Лучинский Н. Ф. Правила службы чинов тюремной стражи. СПб., 1909. 91 с.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 2006. 944 с.
8. Овчинников О. А. Педагогические условия военно-патриотического воспитания курсантов вузов Федеральной службы исполнения наказаний: личностно-ориентированный подход : дис. ... канд. пед. наук. Владимир, 2016. 170 с.
9. Алиев Т. И. Государственно-патриотическое воспитание сотрудников правоохранительных органов и специальных служб России на основе аксиологического подхода : дис. ... канд. пед. наук. Майкоп, 2022. 291 с.
10. Нуждин Д. М. Педагогические условия патриотического воспитания курсантов военного вуза : дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2004. 208 с.
11. Старков Р. В. Совершенствование военно-патриотического воспитания курсантов факультетов среднего профессионального образования вузов Министерства обороны Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2015. 24 с.
12. Сяба М. В. Патриотическая направленность воспитания курсантов образовательных организаций системы МВД России: ценностно-мотивационный аспект : моногр. Белгород, 2019. 112 с.
13. Герасимов А. П. Патриотическое воспитание суворовцев на основе военно-музыкальных традиций : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2015. 24 с.

14. Калекин А. А. Патриотическое воспитание курсантов военного вуза на основе культурологического подхода : дис. ... канд. пед. наук. Майкоп, 2019. 292 с.
15. Клименко П. В. Интеграция традиций и инноваций как ресурс патриотического воспитания курсантов военного вуза : дис. ... канд. пед. наук. Краснодар, 2020. 28 с.
16. Ильин И. А. О сущности правосознания. М., 1993. 235 с.
17. Ильин И. А. Путь духовного обновления. М., 2017. 1298 с.
18. Краевский В. В. Общие основы педагогики : учеб. для студентов высш. пед. учеб. заведений. М., 2003. 256 с.
19. Минпросвещения России подготовило список патриотической литературы для внеклассного чтения. URL: <https://edu.gov.ru/press/10278/minprosvescheniya-rossii-podgotovilo-spisok-patrioticheskoy-literatury-dlya-vneklassnogo-chteniya/> (дата обращения: 31.08.2025).

REFERENCES

1. *Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossiiskoi Federatsii: federal'nyi proekt* [Patriotic education of citizens of the Russian Federation: A federal project]. Available at: <https://edu.gov.ru/press/10278/minprosvescheniya-rossii-podgotovilo-spisok-patrioticheskoy-literatury-dlya-vneklassnogo-chteniya/> (accessed August 31, 2025).
2. *Ob utverzhdenii Kontseptsii vospitatel'noi raboty s rabotnikami ugovovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda: prikaz FSIN Rossii ot 30.12.2022 No. 948* [On approval of the Concept for educational work with employees of the penal system of the Russian Federation for the period up to 2030: Order of the Federal Penitentiary Service of Russia No. 948 of December 30, 2022]. Available at: <https://fsin.gov.ru/document/> (accessed August 15, 2025).
3. Ushinskii K.D. *Russkaya shkola* [Russian school]. Ed. by Platonov O.A. Moscow, 2015. 678 p.
4. *Antologiya pedagogicheskoi mysli Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.* [Anthology of pedagogical thought in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Moscow, 1990. 603 p.
5. Foinitskii I.Ya. *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem* [Doctrine of punishment in connection with prison studies]. Saint Petersburg, 1889. 504 p.
6. Luchinskii N.F. *Pravila sluzhby chinov tyuremnoi strazhi* [Rules of service for prison guards]. Saint Petersburg, 1909. 91 p.
7. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. Moscow, 2006. 944 p.
8. Ovchinnikov O.A. *Pedagogicheskie usloviya voenno-patrioticheskogo vospitaniya kursantov vuzov Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii: lichnostno-orientirovannyi podkhod: dis. ... kand. ped. nauk* [Pedagogical conditions of military-patriotic education of university cadets of the Federal Penitentiary Service: personality-oriented approach: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Vladimir, 2016. 170 p.
9. Aliev T.I. *Gosudarstvenno-patrioticheskoe vospitanie sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov i spetsial'nykh sluzhb Rossii na osnove aksiologicheskogo podkhoda: dis. ... kand. ped. nauk* [State-patriotic education of law enforcement officers and special services of Russia based on an axiological approach: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Maikop, 2022. 291 p.
10. Nuzhdin D.M. *Pedagogicheskie usloviya patrioticheskogo vospitaniya kursantov voennogo vuzov: dis. ... kand. ped. nauk* [Pedagogical conditions of patriotic education of military university cadets: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Ekaterinburg, 2004. 208 p.
11. Starkov R.V. *Sovershenstvovanie voenno-patrioticheskogo vospitaniya kursantov fakul'tetov srednego professional'nogo obrazovaniya vuzov Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Improving military-patriotic education of cadets of secondary vocational education faculties of universities of the Ministry of Defense of the Russian Federation: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Moscow, 2015. 24 p.
12. Syaba M.V. *Patrioticheskaya napravlennost' vospitaniya kursantov obrazovatel'nykh organizatsii sistemy MVD Rossii: tsennostno-motivatsionnyi aspekt: monogr.* [Patriotic orientation of education of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia: value-motivational aspect: monograph]. Belgorod, 2019. 112 p.
13. Gerasimov A.P. *Patrioticheskoe vospitanie suvorovtsev na osnove voenno-muzykal'nykh traditsii: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Patriotic education of Suvorov soldiers on the basis of

military musical traditions: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Tambov, 2015. 24 p.

14. Kalekin A.A. *Patrioticheskoe vospitanie kursantov voennogo vuzana osnove kul'turologicheskogo podkhoda: dis. ... kand. ped. nauk* [Patriotic education of military university cadets based on a cultural approach: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Maikop, 2019. 292 p.

15. Klimenko P.V. *Integratsiya traditsii i innovatsii kak resurs patrioticheskogo vospitaniya kursantov voennogo vuzna: dis. ... kand. ped. nauk* [Integration of traditions and innovations as a resource for patriotic education of military university cadets: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Krasnodar, 2020. 28 p.

16. Il'in I. A. *O sushchnosti pravosoznaniya* [On the essence of legal consciousness]. Moscow, 1993. 235 p.

17. Il'in I. A. *Put' dukhovnogo obnoveniya* [The path of spiritual renewal]. Moscow, 2017. 1,298 p.

18. Kraevskii V.V. *Obshchie osnovy pedagogiki: uchenik dlya studentov vysshikh pedagogicheskikh uchebnykh zavedenii* [General fundamentals of pedagogy: textbook for students of higher pedagogical educational institutions]. Moscow, 2003. 256 p.

19. *Minprosveshcheniya Rossii podgotovilo spisok patrioticheskoi literatury dlya vneklassnogo chteniya* [The Ministry of Education of Russia has prepared a list of patriotic literature for extracurricular reading]. Available at: <https://edu.gov.ru/press/10278/minprosveshcheniya-rossii-podgotovilo-spisok-patrioticheskoy-literatury-dlya-vneklassnogo-chteniya/> (accessed August 31, 2025).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ОКСАНА БРОНИСЛАВОВНА ПАНОВА – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры юридической психологии и педагогики факультета психологии и пробации Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, xenia-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6096-2581>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

OKSANA B. PANOVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Psychology and Probation Faculty of the Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, <https://orcid.org/0000-0002-6096-2581>, xenia-vipe@mail.ru

Статья поступила 01.09.2025

Научная статья

УДК 371.39

doi 10.46741/sgjournal.2025.19.4.003

К вопросу использования мультимедийных презентаций на лекциях в высшей школе

ТАТЬЯНА ЛЕОНИДОВНА СОКОЛОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия

Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия

taniavol@yandex.ru

Аннотация. Мультимедийные презентации в настоящее время активно используются на лекционных занятиях во всех высших учебных заведениях России. Презентация может быть эффективным инструментом для подачи материала в аудитории и стимулирования активного обучения студентов. Мнения педагогов и обучающихся по поводу эффективности мультимедийных презентаций на занятиях разделились: одни заявляют, что мультимедийные презентации дают высокую эффективность передачи информации, в то время как другие жалуются на повсеместное распространение презентаций и указывают на недостатки использования презентаций в образовательном процессе. В данной статье предпринята попытка проанализировать преимущества и недостатки мультимедийных презентаций, а также стратегии, позволяющие наиболее эффективно использовать последние на лекциях в высшей школе.

Ключевые слова: мультимедийная презентация; PowerPoint; лекция; высшая школа; обучающиеся.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Соколова Т. Л. К вопросу использования мультимедийных презентаций на лекциях в высшей школе // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2025. № 4 (19). С. 30–36. doi 10.46741/sgjournal.2025.19.4.003.

Original article

On the Use of Multimedia Presentations in Lesson in Higher Education Institutions

TAT'YANA L. SOKOLOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia

North-Western Institute of the Kutafin Moscow State University (MSAL), Vologda, Russia

taniavol@yandex.ru

Abstract. Multimedia presentations are currently actively used in lecture classes in all higher educational institutions of Russia. A presentation can be an effective tool for presenting material to an audience and stimulating active student learning. Teachers and students are not unanimous about the effectiveness of multimedia presentations in the classroom. Some believe in their high efficiency in transmitting information, while others complain about the widespread distribution of presentations and point out disadvantages. The article tries to analyze pros and cons of using multimedia presentations, as well as strategies that make it possible to use the latter most effectively in lectures at higher schools.

Key words: multimedia presentation; PowerPoint; lecture; higher school; students.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Sokolova T.L. On the use of multimedia presentations in lesson in higher education institutions. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2025, no. 4 (19), pp. 30–36. doi 10.46741/sjournal.2025.19.4.003.

За последние два десятилетия в России произошел решительный сдвиг в сфере информационных технологий. Повсеместно в образовательном процессе педагоги наряду с мелом и доской, которые применять как средство обучения со времен возникновения университетов, стали использовать флипчарты и мультимедийные презентации. В настоящее время мультимедийная презентация является широко распространенным средством интенсификации образовательного процесса. На лекционных занятиях в высших учебных заведениях данный вид представления учебного материала используется очень активно уже более 20 лет [1, с. 172]. Исследователи отмечают устойчивую тенденцию: с одной стороны, активное внедрение презентации в образовательный процесс, а с другой – отсутствие должной теоретической основы в области дидактики, которая позволила бы научно обосновать рекомендации по эффективности применения мультимедийной презентации [2, с. 4]. Поэтому анализ современных тенденций методики использования мультимедийной презентации на лекционных занятиях в высшей школе, на наш взгляд, представляется актуальным.

Проблема использования мультимедийных презентаций на занятиях в высшей школе не получила должного отражения в научных исследованиях. В настоящее время отсутствуют фундаментальные работы, посвященные вопросам базовых принципов применения презентаций во время процесса обучения, закономерностям восприятия информации при использовании мультимедиа, эффективности использования презентаций в процессе обучения в целом. Анализ научной литературы позволяет прийти к выводу, что большинство исследований по рассматриваемой теме представлены в виде научных статей, опубликованных в русскоязычных журналах. Среди вопросов, которые находятся в центре внимания исследователей, можно выделить следующие: особенности визуального восприятия информации при использовании презентаций [3]; дидактические принципы создания и использования мультимедийных учебных презентаций [4]; особенности использования презентаций на лекциях по отдельным дисциплинам (математика, русский язык, иностранные языки, гуманитарные науки и т. д.) [5; 6]; преимущества, недостатки и перспективы использования мультимедиа в образовательном процессе [7]; особенности использования презентаций на занятиях в высшей школе [8–10]. Вместе с тем в настоящее время существует необходимость в обобщающем базовом исследовании, в рамках которого на теоретическом уровне были бы осмыслены все вышеперечисленные проблемы и разработаны методические рекомендации по созданию и использованию мультимедийных презентаций на всех уровнях образования. Новизна данного исследования заключается в попытке осмысления и обобщения применения мультимедийных презентаций на лекциях в высшей школе,

изучения положительных и негативных сторон использования презентаций в учебном процессе.

В современной научной литературе существует несколько подходов к классификации презентаций. Классификация презентаций по назначению включает в себя следующие виды:

1. Информационная – презентация, целью которой является передача большого объема информации слушателям. Особенностью содержания презентации данного вида является структурированная подача фактов, понятий и ключевых идей при помощи текста, схем, таблиц и графиков.

2. Образовательная, или обучающая, – презентация, нацеленная на обучение новым знаниям и компетенциям, в которую, как правило, включены задания, упражнения. Презентация данного вида преимущественно интерактивна, включает обсуждение и обратную связь.

3. Иллюстративная – презентация, которая используется для демонстрации наглядных примеров и иллюстраций. Такая презентация обычно содержит большое количество изображений, картинок, диаграмм, а также может включать анимационные вставки и видеоролики.

4. Рекламная (мотивационная) – презентация, имеющая целью привлечение внимания студентов к предмету изучения, мотивацию интереса. Особенностью содержания данного вида презентаций является яркий дизайн, эмоционально окрашенные слайды.

5. Практико-ориентированная – презентация, направленная на формирование практических навыков и умений.

В ряде исследований в качестве отдельного вида презентаций упоминаются научная (исследовательская), аналитическая и другие презентации. Если использовать в качестве критерия способ изложения учебного материала, то можно выделить линейную презентацию (презентация сопровождает рассказ лектора) и нелинейную, или интерактивную, презентацию (материал таких презентаций предназначен для самостоятельного освоения обучающимся) [11]. Выбор вида презентации зависит от специфики дисциплины, особенностей аудитории и учебных целей, которые ставит преподаватель.

Использование мультимедийной презентации на лекции имеет множество преимуществ перед традиционной лекцией в формате «мел, доска и беседа». Во-первых, презентация позволяет создать необходимые визуальные эффекты. Содержание научной лекции часто абстрактно, иногда его трудно объяснить с помощью традиционной подачи лекционного материала. Однако, демонстрируя слайды презентации с изображениями, блок-схемами, схемами, анимацией и даже видеоклипами, лекция может стать яркой и привлекательной для студентов. Ряд отечественных и зарубежных исследований подтвердили гипотезу о том, что графика и анимация улучшают память обучающихся. Во-вторых, в мультимедийной презентации преподаватель может донести больше информации, чем в традиционной лекции. Объем информации, передаваемой в традиционной лекции, часто ограничивается скоростью письма преподавателя на доске. Но в презентации вся необходимая информация ранее была набрана в виде слайдов. Особенно, когда преподавателю необходимо представить большой объем данных, использование презентации может значительно повысить эффективность лекции. Кроме того, файл мультимедийной презентации можно легко копировать или распечатать. Студентам файл может быть доступен в сети Интернет до или после занятий, и, таким образом, материал лекции может быть просмотрен неоднократно. С другой стороны, презентация экономит время студентов с особыми образовательными потребностями, которым требуется больше времени для конспектирования материала. В-третьих, хорошо подготовленная мультимедийная презентация может предоставить обучающимся более качественные научные знания. При подготовке к лекции, редактируя или просматривая файлы презентации, преподаватель имеет достаточно

времени для проверки правописания терминов, изложения фактов, концепций или теорий, подбора необходимого визуального ряда. Поэтому устная часть лекции будет более точной и структурированной.

Последние обзоры исследований использования мультимедийных презентаций показали, что лекции с презентациями нравятся студентам больше, чем лекции без них. Например, В. А. Яргаева утверждает: «Усваивается прежде всего то, что имеет значимый эмоциональный градус. Поэтому подача материала в мультимедийной форме с использованием информационно-коммуникационных технологий вполне соответствует стилю мышления современной молодежи». Вместе с тем исследования, сравнивающие преподавание, основанное на слайдах, с другими методами, такими как проблемное обучение, когда учащиеся развивают знания и навыки, сталкиваясь с реалистичными, сложными проблемами, преимущественно поддерживают альтернативные методы. Ряд современных исследователей отмечает, что компьютерные презентации, слайд-шоу в образовательном процессе приобретают статус по большей части не образовательных и информационных, а развлекательных средств, что категорически противоречит основному назначению занятий, тем более в высшей школе [5, с. 177]. Основная педагогическая проблема использования презентаций заключается в том, что слушатели «пассивно вовлечены» в изучение лекционного материала [12, с. 116]. В большинстве случаев лектор комментирует информацию, представленную на слайде, акцентируя внимание на наиболее значимые моменты. Обучающиеся, как правило, переписывают (срисовывают, если это схема, диаграмма и т. д.) материалы слайда и не всегда слышат объяснения преподавателя, которые, наоборот, отвлекают их от основного вида деятельности. Так, по мнению М. Ю. Малкиной, при использовании презентаций в целом возможно общее ослабление слухового восприятия из-за акцента на зрительном [13, с. 130]. Кроме того, использование слайдов презентации вынуждает преподавателей представлять сложные темы, используя пункты, лозунги, абстрактные цифры и упрощенные таблицы с минимальным количеством доказательств. Это препятствует глубокому анализу сложных ситуаций, поскольку представить неоднозначную проблемную ситуацию на слайде практически невозможно. Все это дает учащимся иллюзию ясности и понимания.

Использование мультимедийной презентации на лекции, с одной стороны, придает преподавателю уверенности в себе, своих знаниях, с другой – взгляд преподавателя, как правило, обращен больше на экран, чем на лица студентов. Таким образом, на лекции с использованием презентации может отсутствовать зрительный контакт между преподавателем и студентами. Лекция без зрительного контакта в некотором смысле похожа на «виртуальную лекцию». Пренебрежение общением со студентами также может превратить лекцию в монолог, а мультимедийная презентация может стать барьером между студентами и преподавателем. Напротив, одно из преимуществ традиционных лекций состоит в том, что при достаточном взаимодействии студенты могут легко уловить основной смысл, главную мысль лекционного материала. Закрепленный порядок слайдов презентации также может ограничить спонтанность выступления преподавателя, исключая возможность импровизации. Практика показывает, чтобы лекция была интересной и актуальной, преподавателю необходимо задавать вопросы и экспериментировать, предлагать студентам анализировать научные проблемы, а не формулировать готовые результаты.

В настоящее время мы должны помнить, что использование мультимедийных презентаций оказывает большое влияние на образовательный процесс. Физическая очная лекция потенциально является сложным и открытым мероприятием, в котором взаимодействуют обучающиеся и лектор. Мультимедийная презентация – это не только средство, которое в какой-то степени помогает преподавателю провести занятие, но и средство, меняющее способ взаимодействия с обучающимися. На наш взгляд, не нужно злоупотреблять презентациями и каждую лекцию стремиться прочитать, используя последние. Минимальный

набор слайдов или их отсутствие вполне уместны при проведении проблемной лекции или лекции в виде дискуссии.

В заключение следует отметить, что мультимедийная презентация – это мощный инструмент обучения. Важно признать как его преимущества, так и недостатки. Проанализированный потенциал мультимедийных презентаций как одной из форм и методов организации учебного процесса в высшей школе позволяет спрогнозировать большие возможности применения последних в процессе обучения, акцентируя при этом внимание на адекватности применения слайд-шоу целям и мотивации обучения в высшей школе. В настоящее время назрела необходимость проведения комплексного исследования, которое бы доказало или опровергло эффективность использования презентаций при проведении лекций и позволило бы разработать методику оптимального использования мультимедиа в учебных целях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Полянин А. Р., Коротун С. Н. Методика использования презентации на лекции в вузе: современный дискурс // Отечественная и зарубежная педагогика. 2017. Т. 1, № 4 (41). С. 172–184.
2. Жук Ю. А. Дидактические условия использования дисплейных форм наглядности в обучении студентов : автореф. ... дис. канд. пед. наук. СПб., 2010. 22 с.
3. Гаряев А. В., Гаряева Г. П. Психолого-педагогические особенности визуального восприятия информации и их учет в создании презентаций // Вестник ПГПУ. Серия: Информационные и компьютерные технологии в образовании. 2004. № 4. С. 106–113.
4. Крылова М. Н. Мультимедийная презентация к занятию: проблемы подготовки и применения // Грани познания. 2015. № 8 (42). С. 32–40.
5. Нагибина О. М. К вопросу о целесообразности применения компьютерных презентаций на занятиях по иностранному языку в высшей школе // Теория и практика современных гуманитарных и естественных наук. Вып. 2. Петропавловск-Камчатский, 2012. С. 177–183.
6. Лузина О. И. Анализ специфики визуального кодирования учебной информации гуманитарных дисциплин // Международный журнал экспериментального образования. 2012. № 1. С. 73–75.
7. Малаховская В. В., Воробьева А. А. Мультимедийные презентации: преимущества и недостатки, этапы создания, практическое применение // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е: Педагогические науки. 2013. № 7. С. 57–64.
8. Семенов В. И., Семенова Е. В., Семенова Н. И. Возможности мультимедийных презентаций в образовательном процессе высшей школы // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. С. 229. URL: www.science-education.ru/111-10458 (дата обращения: 05.10.2025).
9. Чупров Л. Ф., Щукин А. С. PowerPoint в лекционной работе // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2012. № 4. С. 54–58.
10. Яргаева В. А. Мультимедийное представление учебного материала как способ повышения эффективности вузовской лекции // Проблемы высшего образования. 2013. № 1. С. 228–230.
11. Грибан О. Н. Применение учебных презентаций в образовательном процессе: виды, этапы и структура презентаций // Воспитание и обучение истории в школе и вузе: исторический опыт, современное состояние и перспективы развития. Ежегодник. XX Всероссийские историко-педагогические чтения. 2016. № 20–3. Ч. 3. С. 23–32.
12. Москаленко О. В. Использование презентаций в преподавании учебных дисциплин в высшей школе // Образовательные технологии. 2015. № 2. С. 112–118.
13. Малкина М. Ю. Использование презентаций и компьютерных симуляций в процессе преподавания микроэкономики и макроэкономики // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 3 (4). С. 128–133.

REFERENCES

1. Polyaniin A.R., Korotun S.N. Methods of using presentations at lectures in higher education institutions: modern discourse. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika = Domestic and Foreign Pedagogy*, 2017, vol. 1, no. 4 (41), pp. 172–184. (In Russ.).
2. Zhuk Yu.A. *Didakticheskie usloviya ispol'zovaniya displeynykh form naglyadnosti v obuchenii studentov: avtoref. ... dis. kand. ped. nauk* [Didactic conditions for the use of display forms of visibility in teaching students : Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Saint Petersburg, 2010. 22 p.
3. Garyaev A.V., Garyaeva G.P. Psychological and pedagogical features of visual perception of information and their consideration in creating presentations. *Vestnik PGPU. Seriya: Informatsionnye i komp'yuternye tekhnologii v obrazovanii = Vestnik PGPU. Series: Information and computer technologies in education*, 2004, no. 4, pp. 106–113. (In Russ.).
4. Krylova M.N. Multimedia presentation for the lesson: problems of preparation and application. *Grani poznaniya = Facets of Cognition*, 2015, no. 8 (42), pp. 32–40. (In Russ.).
5. Nagibina O.M. *On the question of the expediency of using computer presentations in foreign language classes in higher education. In: Teoriya i praktika sovremennykh gumanitarnykh i estestvennykh nauk. Vyp. 2* [Theory and Practice of Modern Humanities and Natural Sciences. Issue 2]. Petropavlovsk-Kamchatskii. 2012. Pp. 177–183. (In Russ.).
6. Luzina O.I. Analysis of the specifics of visual coding of educational information in the humanities. *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya = International Journal of Experimental Education*, 2012, no. 1, pp. 73–75. (In Russ.).
7. Malakhovskaya V.V., Vorob'eva A.A. Multimedia presentations: advantages and disadvantages, stages of creation, practical application. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya E: Pedagogicheskie nauki = Bulletin of Polotsk State University. Series E: Pedagogical Sciences*, 2013, no. 7, pp. 57–64. (In Russ.).
8. Semenov V.I., Semenova E.V., Semenova N.I. The possibilities of multimedia presentations in the educational process of higher education. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern Problems of Science and Education*, 2013, no. 5, p. 229. Available at: www.science-education.ru/111-10458 (In Russ.). (Accessed October 5, 2025).
9. Chuprov L.F., Shchukin A.S. PowerPoint in lecture work. *Vestnik po pedagogike i psikhologii Yuzhnoi Sibiri = Bulletin on Pedagogy and Psychology of Southern Siberia*, 2012, no. 4, pp. 54–58. (In Russ.).
10. Yargaeva V.A. Multimedia presentation of educational material as a way to increase the effectiveness of university lectures. *Problemy vysshego obrazovaniya = Problems of Higher Education*, 2013, no. 1, pp. 228–230. (In Russ.).
11. Griban O.N. The use of educational presentations in the educational process: types, stages and structure of presentations. In: *Vospitanie i obuchenie istorii v shkole i vuze: istoricheskii opyt, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik. XX Vserossiiskie istoriko-pedagogicheskie chteniya. Ch. 3* [Education and teaching of history in schools and universities: historical experience, current state and development prospects. Yearbook. XX All-Russian historical and pedagogical readings]. 2016. No. 20–3. Pp. 23–32. (In Russ.).
12. Moskalenko O.V. The use of presentations in teaching academic subjects in higher education. *Obrazovatel'nye tekhnologii = Educational Technologies*, 2015, no. 2, pp. 112–118. (In Russ.).
13. Malkina M.Yu. The use of presentations and computer simulations in the teaching of microeconomics and macroeconomics. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Bulletin of the Lobachevsky Nizhny Novgorod University*, 2014, no. 3 (4), pp. 128–133. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ТАТЬЯНА ЛЕОНИДОВНА СОКОЛОВА – кандидат исторических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин факультета психологии и права Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, доцент кафедры теоретико-правовых и исторических наук Северо-Западного института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, taniavol@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

TAT'YANA L. SOKOLOVA – Candidate of Sciences (History), associate professor at the Civil Law Department of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, associate professor at the Department of Theoretical, Legal and Historical Sciences of the North-Western Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vologda, Russia, taniavol@yandex.ru

Статья поступила 14.10.2025

Научная статья

УДК 378

doi 10.46741/sjjournal.2025.19.4.004

Образовательный и воспитательный потенциал философии языка и логики в работе с обучающимися ведомственных образовательных организаций ФСИН России

ОЛЬГА АМИНОВНА ГИНАТУЛИНА

Пермский институт ФСИН России, Пермь, Россия, pifsin_gised@59.fsin.gov.ru

Аннотация. В современном постиндустриальном обществе существуют огромное информационное давление на сознание людей и вырастающие на данной почве многочисленные манипуляции. Цель статьи – выявление потенциала философии языка и логики в формировании логической грамотности будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы. Показаны риски, связанные с неумением курсантов логически мыслить, распознавать противоречия в аргументации собеседника. Приведены классические логические ошибки, а также шаблоны ложной аргументации, которые умышленно используются для введения собеседника в заблуждение, в том числе осужденными в процессе общения с молодыми сотрудниками. Продемонстрировано, что логика служит особым инструментом. На основе изучения формальных структур мышления она позволяет учитывать и сохранять логическую правильность рассуждений. Рассмотрены законы, вызывающие наибольшее затруднение с точки зрения логической грамотности при коммуникации в процессе служебной деятельности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы. Как показывает практика, не всегда мыслительные конструкции облачены в надлежащую правильную форму. Встречается неясное выражение, затрудняющее понимание, а иногда и откровенные ошибки, которые могут повлечь за собой серьезные последствия на практике. Научная и практическая значимость заключается в разработке методических рекомендаций, включающих определенные правила, соблюдение которых позволит выражать мысль четко, логично, непротиворечиво. Это необходимое условие для повышения качества выполняемых служебных задач.

Ключевые слова: образовательный потенциал логики и философии языка; преподавание логики и философии языка; методология профессионального образования; логика в ведомственном образовании; прогрессивизм в преподавании логики и философии языка; обучающиеся; ведомственные образовательные организации ФСИН России.

5.8.7. Методология и технология профессионального образования.

Для цитирования: Гинатулина О. А. Образовательный и воспитательный потенциал философии языка и логики в работе с обучающимися ведомственных образовательных организаций ФСИН России // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2025. № 4 (19). С. 37–42. doi 10.46741/sjjournal.2025.19.4.004.

Original article

Educational and Pedagogic Potential of Philosophy of Language and Logic in Working with Students of Departmental Educational Organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia

OL'GA A. GINATULINA

Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia,
pifsin_gised@59.fsin.gov.ru

Abstract. Modern post-industrial society is characterized by a huge information pressure on people's consciousness and numerous manipulations that grow on this basis. The purpose of the article is to identify capacities of philosophy of language and logic in the formation of logical literacy of future employees of the penal system. Method: practice-oriented approach, humanistic approach, progressivism. The risks associated with the students' inability to think logically and recognize contradictions in the interlocutor's argumentation are shown. Classical logical errors are presented, as well as patterns of false argumentation that are deliberately used to mislead the interlocutor, including by convicts in the process of communicating with young employees. It is demonstrated that logic serves as a special tool. Based on the study of formal structures of thinking, it helps maintain logical correctness of reasoning. Laws that cause the greatest difficulty in terms of logical literacy in communication in the course of official activity in institutions and bodies of the penal system are considered. As practice shows, mental constructions are not always dressed in the proper correct form. There is an obscure expression that makes it difficult to understand, and sometimes outright mistakes that can have serious consequences in practice. The scientific and practical significance lies in the development of methodological recommendations that include certain rules, compliance with which help express one's thoughts clearly, logically, and consistently. This is a necessary condition for improving the quality of performed official tasks.

Keywords: educational potential of logic and philosophy of language; teaching logic and philosophy of language; methodology of professional education; logic in departmental education; progressivism in teaching logic and philosophy of language; students; departmental educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia.

5.8.7. Methodology and technology of vocational education.

For citation: Ginatulina O.A. Educational and pedagogic potential of philosophy of language and logic in working with students of departmental educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2025, no. 4 (19), pp. 37–42. doi 10.46741/sjjournal.2025.19.4.004.

Философия языка и логика играют огромную роль в образовании и воспитании обучающихся ведомственных образовательных организаций. Умение анализировать информацию, строить аргументацию и понимать логические конструкции является необходимым навыком в повседневной жизни, в том числе в контексте профилактики противоправных действий. Часто вновь прибывшие сотрудники оказываются подверженными провокациям со стороны осужденных с целью склонения неопытных молодых людей к нарушению закона. Знание логики и приемов аргументации помогает распознавать попытки манипулирования сознанием и поведением людей, тогда как незнание приводит к различным негативным последствиям – от мелких разногласий по службе и до серьезных проблем с законом.

С точки зрения практико-ориентированного подхода в педагогике изучение непрофильных дисциплин, таких как логика и философия, должно строиться не на основе абстрактных и оторванных от реальной жизни положений, а раскрывать ценность теоретического материала в будущей служебной деятельности [1, с. 140].

Таким образом, тема весьма актуальна: основы логики и теории аргументации имеют огромный потенциал в формировании законопослушного поведения, воспитании сотрудника в духе уважения к нормам права [2]. В рамках данной статьи постараемся кратко рассмотреть суть и значение философии языка и логики, их важность в образовании и возможность применения в работе с обучающимися ведомственных образовательных организаций.

Философия языка – это раздел философии, занимающийся изучением языка как средства познания и коммуникации. Один из основных вопросов философии языка – это вопрос о том, каким образом язык влияет на наше мышление и понимание мира. Мышление и язык неразрывно связаны друг с другом и, как отмечал Л. Витгенштейн в своем «Логико-философском трактате», «мысль – осмысленное предложение. Целокупность предложений – язык... Язык переодевает мысли» [3, с. 18], «цель философии – логическое прояснение мыслей» [3, с. 24]. Отсюда вытекает необходимость обогащения словарного запаса для развития мышления, в том числе путем чтения хорошей, качественной литературы.

Опираясь на труды теоретиков прогрессивного образования [4] (отбросив излишние прагматизм и утилитаризм, не совместимые с отечественной традицией), можно сделать вывод о том, что философия языка и логика преподаются не только и не столько затем, чтобы удовлетворить общегносеологические потребности обучающихся, но и с целью применения полученных компетенций в будущей профессиональной деятельности.

Обучение основам философии языка и логики в рамках соответствующих дисциплин будет способствовать развитию критического мышления и способности к анализу информации [5]. Помимо изучения специализированных дисциплин можно формировать навыки при помощи межпредметных форм обучения и интегрировать часть материала в занятия по истории, русскому языку, в лекции по общественно-государственной подготовке или кураторские часы. Так, например, изучение романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» можно подать через призму философии языка, логики и теории аргументации. Если задуматься, почему именно молодой студент Родион Раскольников пошел на такое преступление, поразмышлять о том, какие мотивы им двигали, то в поле зрения окажутся идеи об избранности, сверхчеловеке (вспомним из истории XX в., к чему приводят такие убеждения и насаждение идеологии избранности, что есть, по сути, истоки фашизма и вседозволенности).

Молодежь часто становится жертвой манипуляторов, ибо юношеский максимализм, духовная незрелость, отсутствие внятных моральных ориентиров, а также несформированность критического мышления являют собой благодатную почву для внедрения чуждой (подчас откровенно преступной) идеологии. Именно поэтому мир криминала делает ставку на молодежь, вовлекая ее в преступную деятельность, чему необходимо противостоять в том числе при помощи обучения курсантов основам логики.

Логика – это дисциплина, изучающая законы правильного мышления. Она учит анализировать информацию, выделять основные аспекты и строить доводы на основе логических правил. История логики насчитывает тысячелетия, начиная с античной философии. Древнегреческий философ Аристотель сформулировал три основных закона логики, ставшие ее фундаментом:

1) закон тождества утверждает, что все предметы, понятия или утверждения равны себе самим;

2) закон противоречия гласит, что нельзя одновременно утверждать и отрицать одно и то же;

3) закон исключенного третьего утверждает, что из двух противоречащих высказываний лишь одно является истинным [6, с. 97].

В XVII в. Г. В. Лейбниц сформулировал еще один логический закон – закон достаточного основания, согласно которому ни одно утверждение не может быть признано истинным без достаточного на то основания. Так, следователи в поисках причины преступления отработывают различные версии, постепенно отклоняя ложные. Врачи при постановке диагноза собирают анамнез, тщательно анализируют его, исключая те диагнозы, для которых не находится достаточных оснований [7, с. 41]. При работе над темой можно предложить обучающимся почитать примеры того, как работают эти логические законы и какие могут быть логические ошибки, а также попросить их придумать собственные примеры. С точки зрения прогрессивного подхода в образовании любая интеллектуальная активность интерпретируется как средство, которое позволяет решить конкретную практическую жизненную задачу и тем самым повышает эффективность функционирования [8, с. 172].

Законы логики являются базой для построения доказательств, анализа утверждений, формирования обоснованных аргументов, проверки правильности умозаключений, иными словами, теории аргументации. Среди приемов аргументации следует назвать следующие логические доводы [9] (использование логических законов и правил для построения аргументации), доказательства (представление фактов, статистики, авторитетных мнений или экспертных заключений для подтверждения утверждений), аналогии (то есть установление аналогии между ситуациями или объектами для подтверждения точки зрения), а также контраргументацию (опровержение противоположного мнения или возражения).

Правильные приемы аргументации помогают убедительно обосновать, доказать аудитории свою точку зрения. Ошибочные приемы аргументации, напротив, ослабляют позицию говорящего и подрывают доверие подготовленной аудитории. Мы говорим о подготовленной аудитории, то есть о тех слушателях, которые могут отличить грамотную аргументацию от несостоятельной. Важно научиться распознавать ошибочные приемы аргументации, поскольку они бывают не только непреднамеренными, но и преднамеренными [10]. В последнем случае имеет место умысел говорящего, то есть он имеет целью ввести аудиторию в заблуждение, получить возможность манипулировать ею.

Среди ошибочных приемов аргументации наиболее часто встречаются следующие:

- 1) ложные доказательства, то есть использование недостоверной или искаженной информации для подтверждения своего утверждения;
- 2) аргументы *ad hominem* (дословно с латинского – «к личности»), то есть нападки на личность оппонента вместо аргументации по сути вопроса;
- 3) апелляция к эмоциям, то есть использование эмоционального воздействия вместо аргументации на основе фактов и логики;
- 4) установление логически некорректных или бессмысленных связей.

Разумеется, эти приемы часто переплетаются, и неверная аргументация может содержать полный набор перечисленных ошибок. Вот некоторые из них: «психоактивные вещества можно попробовать, с одного или нескольких раз ничего страшного не случится» (это первая ошибка, то есть ложные доказательства); «закладчики сидят почти ни за что» (ошибка четвертая – некорректные связи, вытекает из нарушения закона исключенного третьего, поскольку «почти» – это сидеть и за что-то, и ни за что одновременно); «очень хороший мальчик, с ним-то точно ничего не должно было случиться» (ошибка третья – апелляция к эмоциям, то есть эмоционально положительно окрашенное «хороший» считается родителями достаточным основанием (тут и нарушение одноименного логического закона), чтобы с ребенком ничего не случилось, а потом в результате усыпленной бдительности – нарушение уже не только логического закона, но закона, предусматривающего уголовную ответственность).

По нашему мнению, целесообразно систематическое обучение основным законам логики и приемам аргументации на учебных занятиях, а также в рамках воспитательных мероприятий. Это также соответствует вектору, заданному современной педагогикой: междисциплинарность, полипарадигмальность, интеграция методологий [11]. Человек, умеющий мыслить логично, видеть противоречия, нарушения аргументации, является более эффективным в профессиональной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Карпова А. Б. Практико-ориентированный подход в преподавании учебной дисциплины педагогика // *Инновационная наука*. 2019. № 11. С. 140–142.
2. Гинатулина О. А. Логическая грамотность сотрудников уголовно-исполнительной системы // *Право и образование*. 2020. № 8. С. 104–109.
3. Витгенштейн Л. *Философские работы* : [в 2 ч.] / пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М., 1994. Ч. I. 554 с.
4. Мамина Н. В. Труды американских теоретиков и практиков прогрессивного образования в отечественной педагогической печати начала XX века // *Аллея науки*. 2018. Т. 5, № 4 (20). С. 303–305.
5. Замощанский И. И., Коношкова А. М., Пырьянова О. А. Технология развития критического мышления как средство актуализации учебного процесса по философии // *Общество: философия, история, культура*. 2021. № 2. С. 27–33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-razvitiya-kriticheskogo-myshleniya-kak-sredstvo-aktualizatsii-uchebnogo-protsessa-po-filosofii?ysclid=m4az0pf1mk165180128> (дата обращения: 05.12.2024).
6. Ивин А. А. *Логика: элементарный курс : учеб. пособие*. М., 2001. 224 с.
7. Гетманова А. Д. *Логика. Словарь и задачник : учеб. пособие для студентов вузов*. М., 1998. 336 с.
8. Рубцова Т. С. Прагматизм как методологическая основа прогрессивного образования и педагогики Френсиса У. Паркера // *Успехи современной науки и образования*. 2017. Т. 2, № 4. С. 172–176.
9. Ивлев Ю. В. Основы логической теории аргументации // *Логические исследования : ежегодник*. 2003. № 10. С. 50–60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-logicheskoy-teorii-argumentatsii?ysclid=m4ayb5l38f274673714> (дата обращения: 05.12.2024).
10. Нгуен Тху Тху. Уловки в споре как корректные/некорректные приемы аргументации // *Мир русского слова*. 2018. № 4. С. 45–50.
11. Северин С. Н. Постнеклассическая педагогика как объект трансдисциплинарной и методологической рефлексии: риски суверенизации // *Непрерывное образование: XXI век*. 2024. № 3 (47). С. 67–79.

REFERENCES

1. Karpova A.B. practice-oriented approach in teaching the academic discipline of pedagogy. *Innovatsionnaya nauka = Innovative Science*, 2019, no. 11, pp. 140–142. (In Russ.).
2. Ginatulina O.A. Logical literacy of employees of the penal enforcement system. *Pravo i obrazovanie = Law and Education*, 2020, no. 8, pp. 104–109. (In Russ.).
3. Wittgenstein L. *Filosofskie raboty: v 2 ch. Ch. I* [Philosophical works: in 2 parts. Part 1]. Moscow, 1994. 554 p.
4. Maminova N.V. The works of American theorists and practitioners of progressive education in the Russian pedagogical press of the early 20th century. *Alleya nauki = Alley of Science*, 2018, vol. 5, no. 4 (20), pp. 303–305. (In Russ.).
5. Zamoshchanskii I.I., Konashkova A.M., Pyr'yanova O.A. Technology of critical thinking development as a means of updating the educational process in philosophy. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura = Society: Philosophy, History, Culture*, 2021, no. 2, pp. 27–33. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-razvitiya-kriticheskogo-myshleniya-kak-sredstvo-aktualizatsii-uchebnogo-protsessa-po-filosofii?ysclid=m4az0pf1mk165180128> (In Russ.). (Accessed December 5, 2024).
6. Ivin A.A. *Logika: elementarnyi kurs: ucheb. posobie* [Logic: elementary course: study guide]. Moscow, 2001. 224 p.

7. Getmanova A.D. *Logika. Slovar' i zadachnik: ucheb. posobie dlya studentov vuzov* [Logic. Dictionary and task book: study guide for university students]. Moscow, 1998. 336 p.
8. Rubtsova T.S. Pragmatism as the methodological basis of progressive education and pedagogy by Francis W. Parker. *Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniya = Successes of Modern Science and Education*, 2017, vol. 2, no. 4, pp. 172–176. (In Russ.).
9. Ivlev Yu.V. Fundamentals of the logical theory of argumentation. *Logicheskie issledovaniya: ezhegodnik = Logical Research: Yearbook*, 2003, no. 10, pp. 50–60. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-logicheskoy-teorii-argumentatsii?ysclid=m4ayb5138f274673714> (In Russ.). (Accessed December 5, 2024).
10. Nguyen Thu Thu. Tricks in an argument as correct/incorrect argumentation techniques. *Mir russkogo slova = World of the Russian Word*, 2018, no. 4, pp. 45–50. (In Russ.).
11. Severin S.N. Post-non-classical pedagogy as an object of transdisciplinary and methodological reflection: the risks of sovereignization. *Nepreryvnoe obrazovaniya: XXI vek = Continuing Education: XXI Century*, 2024, no. 3 (47), pp. 67–79. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ОЛЬГА АМИНОВНА ГИНАТУЛИНА – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Пермского института ФСИН России, Пермь, Россия, pifsin_gised@59.fsin.gov.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

OL'GA A. GINATULINA – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, associate professor at the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia, pifsin_gised@59.fsin.gov.ru

Статья поступила 23.04.2025

Научная статья

УДК 372.881.1

doi 10.46741/sjournal.2025.19.4.005

Лингвострановедческая компетентность курсантов образовательных организаций высшего образования Федеральной службы исполнения наказаний: постановка проблемы

ОЛЬГА ВИКТОРОВНА ИГУМНОВА

Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия,
o.igumnova2010@mail.ru

Аннотация. Статья актуализирует вопрос необходимости формирования лингвострановедческой компетентности в образовательных организациях высшего образования в качестве преемственности целей изучения иностранного языка в школе и вузе. Автором приводится специфика лингвострановедения в высшей школе и его взаимосвязь с иностранным языком для специальных целей. В статье предложена рабочая формулировка понятия лингвострановедческой компетентности курсантов образовательных организаций высшего образования, подведомственных ФСИН России. Представлена характеристика данной компетентности с позиции наличия у обучающихся опыта иноязычного общения (когнитивных уровней и механизмов их реализации). Предпринята попытка определить базовые компоненты искомой компетентности. В статье обозначен ряд проблем, связанных с введением в научный и методический оборот данной компетентности. Автор формулирует первостепенную методологическую задачу для профессорско-преподавательского состава образовательных организаций высшего образования, подведомственных ФСИН России, формирующих лингвострановедческую компетентность курсантов.

Ключевые слова: иностранный язык; лингвострановедческая компетентность курсантов; компоненты лингвострановедческой компетенции; уголовно-исполнительная система.

5.8.7. Методология и технология профессионального образования.

Для цитирования: Игумнова О. В. Лингвострановедческая компетентность курсантов образовательных организаций высшего образования Федеральной службы исполнения наказаний: постановка проблемы // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2025. № 4 (19). С. 43–50. doi 10.46741/sjournal.2025.19.4.005.

Original article

Linguistic and Cultural Competence of Cadets in Higher Education Institutions of the Federal Penitentiary Service: Problem Statement

OL'GA V. IGUMNOVA

Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russia, o.igumnova2010@mail.ru

Abstract. The article highlights the necessity of developing linguistic and cultural competence in higher education institutions as a means of ensuring continuity between foreign language learning objectives in secondary school and university. The author outlines the specifics of linguistic and cultural studies in higher education and its relationship with the foreign language for specific purposes. The article proposes a working definition of the linguistic and cultural competence for cadets in higher education institutions subordinated to the Federal Penitentiary Service of Russia. It also characterizes this competence from the perspective of students' experience in foreign language communication (cognitive levels and mechanisms of their implementation). An attempt is made to identify basic elements of the desired competence. The article identifies a number of problems associated with introducing this competence into scientific and methodological discourse. The author formulates a primary methodological task for the teaching staff of higher education institutions subordinated to the Federal Penitentiary Service of Russia, who are responsible for developing the cadets' linguistic and cultural competence.

Keywords: foreign language; cadets' linguistic and cultural competence; elements of linguocultural competence; penal system.

5.8.7. Methodology and technology of vocational education.

For citation: Igumnova O.V. Linguistic and cultural competence of cadets in higher education institutions of the Federal Penitentiary Service: problem statement. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2025, no. 4 (19), pp. 43–50. doi 10.46741/sgjournal.2025.19.4.005

Иностранный язык является способом познания мира. Эта знаковая система дает человеку возможность идентифицировать себя как представителя собственной страны и осознать особенности восприятия окружающей его действительности представителями иных культур. Изучение иностранного языка связано с получением сведений о стране данного языка, ее прошлом и настоящем, особенностях географического положения и социально-экономических характеристиках, быте и речевом этикете, ценностях носителей языка. На современном этапе все перечисленные аспекты объединены понятием «лингвострановедение» и представлены лексическими единицами (далее – ЛЕ), знание которых необходимо для квалифицированного общения представителей разных лингвокультур.

Следует отметить, что лингвострановедению уделяется значительное внимание именно в школьном курсе иностранного языка [1; 2]. Оно используется для развития общего кругозора учащихся и выявления национального колорита страны. Как правило, такие знания появляются на основе знакомства школьников с топонимами, антропонимами, этнографическими и культурными реалиями в рамках общеобразовательных тем и чтения отрывков художественных произведений, а также текстов, непосредственно описывающих реалии стран изучаемого языка.

В высшем образовании лингвистического профиля иностранный язык также нацелен на расширение представлений обучающихся о странах изучаемого языка, при этом лингвострановедческая информация является способом совершенствования навыков устной речи в рамках социокультурной компетенции (например, для ведения переговоров или инициации и поддержания общего диалога с носителем языка) [3; 4].

Анализ современных публикаций [5–9] показывает, что в лингвистических образовательных организациях высшего образования дисциплина «Иностранный язык» («Иностранный язык в сфере юриспруденции») тяготеет к иностранному языку для специальных целей (Foreign Language for Specific Purposes, далее – FLSP), поскольку он является инструментом познания сущности осваиваемой профессии. В связи с этим ряд исследователей указывает на то, что использование в рамках FLSP текстов преимущественно информационного характера приводит к утрате большого объема национально-маркированной лексики в учебном материале [10]. Нейтральность информации рассматривается в качестве преграды совершенствования лингвострановедческой компетентности обучающихся высшей школы.

Тем не менее можно утверждать, что лингвострановедческий компонент присутствует в новой (специализированной) ипостаси, которая раскрывает профессионально ориентированную специфику иноязычной коммуникации представителей разных культур. Указанная специфика широко представлена в публикациях, посвященных преподаванию иностранного языка в педагогическом вузе [7], сфере туризма [8], а также технических [9] и образовательных организациях высшего образования военного и юридического профилей [3; 5; 11]. В сфере юридической деятельности лингвострановедение раскрывается в работах, характеризующих гражданско-правовые и уголовно-правовые отношения. В то же время характеристика лингвострановедческой компетентности обучающихся, осваивающих программы уголовно-исполнительного профиля, обсуждается реже. Авторы статей в основном рассматривают данную проблему с точки зрения преподавания иностранного языка, например, при изучении терминологии [6; 12], повышении мотивации изучения иностранного языка в целом [13] или поиске ресурсов, отражающих специфику профессионального языка [14; 15]. Нам представляется крайне недостаточным количество работ, посвященных конкретизации сущности лингвострановедческой компетентности обучающихся образовательных организаций высшего образования, подведомственных ФСИН России. Мы полагаем, что говорить о такого рода компетентности можно в том случае, если уточнено понятие «лингвострановедческая компетентность обучающихся образовательных организаций высшего образования, подведомственных ФСИН России», определены инвариантные компоненты данной компетентности и факторы, влияющие на ее формирование.

Для формулировки рабочего варианта трактовки предложенного понятия воспользуемся идеями Дж. Равена [16; 17], Т. С. Финаевой [18] и К. О. Малько [19]. Под лингвострановедческой компетентностью обучающихся образовательных организаций высшего образования, подведомственных ФСИН России, будем понимать готовность обучающихся осуществлять межкультурную коммуникацию по вопросам, связанным с профессиональной деятельностью коммуникантов – сотрудников пенитенциарных служб, с использованием системы лингвострановедческих знаний, отражающих специфику предметной деятельности УИС и ее зарубежных аналогов, и умений их применения для достижения взаимопонимания в ситуациях опосредованного и непосредственного межкультурного профессионально ориентированного общения.

Формирование указанной компетентности возможно при наличии соответствующего мотивирующего фактора, инициирующего эмоциональную предрасположенность курсантов к участию в межкультурном общении в целом и профессионально-ориентированном в частности. В рамках образовательного процесса в высшей школе таким мотивирующим фактором являются ситуации общения, стимулирующие когнитивную активность курсан-

тов и желание вступить в разговор с целью обмена опытом, идеями или мнением по поводу профессионально и ценностно значимой информации. Полагаем, что создание условных ситуаций общения является критическим инструментом формирования и развития лингвострановедческой компетентности. Как показывает педагогическая практика, подобные ситуации обязательно содержат в своей основе проблему, ради решения которой участники и вступают в диалог. Именно в этом случае обучающиеся готовы проявить свои волевые качества для реализации собственного коммуникативного намерения (например, преодолеть страх быть непонятым собеседником или продуцировать речевое высказывание с лексико-грамматическими ошибками; брать на себя ответственность и инициативу за переговорный процесс и др.).

По мнению Дж. Равена, любая компетентность может быть структурирована по трем уровням приобретаемого обучающимся опыта – когнитивному, метакогнитивному и интенциональному [19].

На уровне когнитивного опыта общения курсантов лингвистическая компетенция представлена индивидуальным опытом переработки информации, содержащей лингвострановедческие сведения (интерпретация смысла соответствующих лексических единиц и создание на их основе концепта, отражающего фрагмент профессионально ориентированной действительности, запоминание лексических единиц в рамках сформированного концепта).

Метакогнитивный опыт общения, как нам видится, соответствует механизмам более высокого порядка: узнавания соответствующих лексических единиц в процессе восприятия высказывания партнера, припоминания смысла этих единиц, синтез и интерпретация целого высказывания воспринятой профессионально ориентированной информации на основе знакомых концептов.

Интенциональный опыт общения свидетельствует о наличии опыта участия в диалоге и готовности курсанта к вступлению в разговор с иноязычным/условно иноязычным собеседником по поводу воспринятой устной/письменной информации с целью достижения взаимопонимания по предмету диалога и разрешения проблемной или интересующей задачи профессионально ориентированного характера с использованием имеющегося лингвистического багажа (включающего лингвострановедческие знания), социокультурных навыков и компенсаторных умений общения.

Приведенные характеристики опыта иноязычного общения обучающихся образовательных организаций высшего образования, подведомственных ФСИН России, позволяют определить инвариантные компоненты личного кабинета. К ним следует отнести:

1. Лингвострановедческие знания, отражающие специфику деятельности зарубежных пенитенциарных систем, и языковые средства, адекватно передающие профессионально ориентированную информацию об отечественной УИС на иностранном языке. Лингвострановедческие знания включают:

- безэквивалентную, фоновую и коннотативную лексику;
- фразеологизмы и фразовые глаголы;
- лексические единицы, отражающие профессиональный и социальный узусы, принятые в УИС и ее зарубежных аналогах;
- реалии (топонимы, антропонимы и т. п.) стран изучаемого языка, связанные или описывающие профессиональную деятельность сотрудников пенитенциарных служб;
- юридические термины и понятия, относящиеся к частотным для сферы правоприменительной практики в учреждениях, ассоциированных с УИС.

2. Лексические умения, позволяющие:

- распознавать в речевом потоке лексических единиц лингвострановедческого характера единицы, передающие предметное содержание высказывания партнера, воссоздавать общий контекст сообщения и вычленять из него профессионально и/или ценностно значимую информацию;

– отбирать наиболее подходящие для ситуации общения лексические единицы, передающие лингвострановедческую информацию профессионально ориентированного характера;

– корректно включать отобранную лексику в предложения.

3. Социокультурные умения, необходимые:

– для построения речевого высказывания, отвечающего нормам общения, принятым в стране изучаемого языка (использование социального и профессиональных узусов);

– сравнения сходств и различий в производственной сфере (в функционировании УИС и ее зарубежных аналогов, в профессиональных обязанностях сотрудников этих систем);

– правильной интерпретации выявленных феноменов в деятельности пенитенциарных служб и их сотрудников.

4. Коммуникативные умения, предполагающие умение курсантов:

– выстраивать связное, логическое высказывание на иностранном языке, раскрывающее суть профессионально ориентированной информации;

– прогнозировать ход устной/письменной коммуникации;

– описывать факты и информацию профессионально ориентированного характера, высказывать собственное мнение, приводить аргументы и контраргументы, опираясь на имеющиеся лингвострановедческие знания, лексические и социокультурные умения.

5. Компенсаторные умения, свидетельствующие о том, что курсанты могут:

– использовать языковую и контекстуальную догадку для распознавания интенций речевого партнера;

– игнорировать лексические и смысловые трудности при восприятии иноязычной устной речи или письменного высказывания, не влияющие на общее понимание информации;

– использовать переспрос, синонимию или антонимичный ряд, перифраз для реализации собственного коммуникативного намерения.

Таким образом, личный кабинет предполагает наличие у курсантов образовательных организаций высшего образования, подведомственных ФСИН России, сформированных лингвострановедческих навыков извлекать из воспринимаемой на слух или зрительно иноязычной информации те же сведения, что и носители языка и использовать их для полноценного (содержательно и процессуально) общения.

Предложенная трактовка и базовые компоненты личного кабинета курсантов образовательных организаций высшего образования, подведомственных ФСИН России, влияет:

– на цели изучения FLSP в образовательных организациях высшего образования, подведомственных ФСИН России;

– формулировку индикаторов достижения компетенции УК-4 (Коммуникация), формирование которой закреплено за дисциплиной (модулем) «Иностранный язык» («Иностранный язык в сфере юриспруденции»);

– методологические основания преподавания дисциплины (модуля) «Иностранный язык» («Иностранный язык в сфере юриспруденции»): на принципы отбора учебного контента, структурирование материала, выстраивание системы его отработки и критериев оценивания сформированности личного кабинета курсантов;

– методическую систему работы профессорско-преподавательского состава с обучающимися, включая приемы актуализации лингвострановедческих знаний, введения, закрепления, автоматизации лексических единиц лингвострановедческого характера, а также создания условий для активного их использования в ситуациях общения – обсуждения профессионально ориентированных тем;

– выбор учебных пособий/учебников, отражающих специфику профессиональной сферы деятельности сотрудников УИС.

Как ранее нами было указано, на рынке учебной литературы присутствует недостаток источников, посвященных обучению FLSP применительно к уголовно-исполнительной сфе-

ре деятельности. Ликвидация имеющейся лакуны осуществляется силами профессорско-преподавательского состава образовательных организаций высшего образования, подведомственных ФСИИ России, путем разработки собственных учебных пособий. Вместе с тем данный способ не говорит о том, что профессорско-преподавательский состав реализует идею формирования личного кабинета обучающихся в полном объеме. Тенденция к унификации учебных материалов для целых потоков обучающихся (например, по одному направлению обучения или специальности) требует от профессорско-преподавательского состава образовательных организаций высшего образования, подведомственных ФСИИ России, объединения усилий и определения базового сегмента лексических единиц лингвострановедческого характера, который должен быть сформирован у всех курсантов образовательных организаций высшего образования, подведомственных ФСИИ России, без учета направленности подготовки или их специализации.

Подводя итог нашим рассуждениям, отметим, что уточнение понятия «личный кабинет курсантов образовательных организаций высшего образования, подведомственных ФСИИ России» и его инвариантных компонентов актуализирует дальнейшие исследования в области лингводидактики и выявления ядра лексических единиц, характеризующих данную компетентность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Копосова О. Б., Малёв А. И. Реализация лингвострановедческого аспекта обучения иностранному языку в старшей школе в условиях межкультурной парадигмы // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 68-2. С. 167–171.
2. Каменская А. А., Подпалова М. А. Технология обучения чтению в рамках лингвострановедческого подхода (профильная школа, английский язык) // Наука в мегаполисе. 2019. № 4 (12). URL: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-12/philological-science/technology-learning-read.html> (дата обращения: 12.02.2024).
3. Крюкова Л. С. Лингвострановедческий подход в обучении иностранному языку курсантов военного вуза // Universum: психология и образование. 2019. № 4 (58). С. 4–6.
4. Шилина Н. В. Формирование иноязычной социокультурной компетенции курсантов образовательных организаций ФСИИ России в условиях применения интерактивных технологий : дис. ... канд. пед. наук. Воронеж, 2021. 183 с.
5. Нестерова В. Е. Профильно ориентированное обучение иностранному языку: лингвострановедческий подход // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2019. № 1 (36). С. 16–17.
6. Калашникова С. В. Формирование иноязычного профессионального тезауруса сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Теория и практика социогуманитарных наук. 2025. № 2 (30). С. 31–35.
7. Демьянова Ж. В. Интеграция профильно-ориентированного и лингвострановедческого подходов в рамках процесса обучения иностранному языку на отделении педагогики и методики начального обучения педагогического факультета // Мир науки. 2018 № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/92PDMN618.pdf> (дата обращения: 12.05.2025).
8. Кистанова Л. П. Формирование межкультурной компетенции специалиста сферы туризма средствами иностранного языка // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2011. № 7. С. 62–65.
9. Чалова О. А. Формирование лингвострановедческой компетенции в процессе профессиональной подготовки будущих инженеров средствами иностранного языка // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Т. 7, № 1. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/90PDMN119.pdf> (дата обращения: 12.05.2025).
10. Лойченко К. А., Токарева О. Ю. Лингвострановедческий подход в обучении иностранному языку // Диалог культур – диалог о мире и во имя мира. 2014. № 1. С. 51–55.
11. Гуляева Н. А., Проценко О. Н. Элементы профессионального военного лингвострановедения на занятиях по иностранному языку в военном вузе // Сибирский педагогический журнал. 2018. № 4. С. 75–84.

12. Пушкарева И. А. Обучение юридической терминологии на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2025. № 1 (16). С. 35–42.
13. Суфянова Д. А. Повышение мотивации к изучению иностранного языка: опыт Пермского института ФСИН России // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2024. № 4 (15). С. 18–23.
14. Пушкарева И. А. Страноведческий материал как основа реализации лингвострановедческого подхода в процессе обучения иностранному языку // Теория и практика научных исследований: психология, педагогика, экономика и управление. 2019. № 3 (7). С. 36–43.
15. Жебряткина И. Я. Электронные мобильные сервисы как инструмент формирования иноязычной компетенции курсантов Академии ФСИН России // Теория и практика социогуманитарных наук. 2025. № 2 (30). С. 22–26.
16. Равен Дж. Педагогическое тестирование: проблемы, заблуждения, перспективы / [пер. с англ. Ю. И. Турчаниновой и Э. Н. Гусинского]. М., 1999. 142 с.
17. Ярыгин О. Н., Коростелев А. А. «Приключения» компетентности в современном обществе: трилогия Джона Равена // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2023. Т. 12, № 4 (45). С. 178–186.
18. Финаева Т. С. Лингвострановедческая компетентность будущего учителя иностранного языка // Казанский педагогический журнал. 2007. № 2. С. 44–49.
19. Малько К. О. Формирование лингвострановедческой компетенции в процессе обучения иностранным языкам // Инновационная наука. 2015. № 6-1. С. 224–226.

REFERENCES

1. Kopusova O.B., Malev A.I. Implementation of the linguistic and foreign studies aspect of teaching a foreign language in high school in the context of an intercultural paradigm. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education*, 2020, no. 68-2, pp. 167–171. (In Russ.).
2. Kamenskaya A.A., Podpalova M.A. The technology of teaching reading in the framework of linguistic-cultural approach (specialized school, English). *Nauka v megapolise = Science in Megapolice*, 2019, no. 4 (12). Available at: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-12/philological-science/technology-learning-read.html> (In Russ.) (Accessed February 12, 2024).
3. Kryukova L.S. Linguistic approach in teaching a foreign language to military university cadets. *Universum: psikhologiya i obrazovanie = Universum: Psychology and Education*, 2019, no. 4 (58), pp. 4–6. (In Russ.).
4. Shilina N.V. *Formirovanie inoyazychnoi sotsiokul'turnoi kompetentsii kursantov obrazovatel'nykh organizatsii FSIN Rossii v usloviyakh primeneniya interaktivnykh tekhnologii: dis. ... kand. ped. nauk* [Formation of foreign-language socio-cultural competence of cadets of educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia in the context of the use of interactive technologies: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Voronezh, 2021. 183 p.
5. Nesterova V.E. Profile-oriented teaching of a foreign language: a linguistics approach. *Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 1 (36), pp. 16–17. (In Russ.).
6. Kalashnikova S.V. Formation of a foreign-language professional thesaurus of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation. *Teoriya i praktika sotsiogumanitarnykh nauk = Theory and Practice of Socio-Humanitarian Sciences*, 2025, no. 2 (30), pp. 31–35. (In Russ.).
7. Dem'yanova Zh.V. The integration of professional-oriented and lingua-cultural approaches in the process of language studying at pedagogy and methodic of primary education department of pedagogical faculty. *Mir nauki = World of Science. Pedagogy and Psychology*, 2018, no. 6. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/92PDMN618.pdf> (In Russ.). (Accessed May 12, 2025).
8. Kistanova L.P. Formation of intercultural competence of a specialist in the field of tourism by means of a foreign language. *Alma Mater (Vestnik vysshei shkoly) = Alma Mater (Bulletin of Higher School)*, 2011, no. 7, pp. 62–65. (In Russ.).
9. Chalova O.A. Formation of linguistic and cultural competence in the process of professional training of future engineers by means of the foreign language. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya = World of Science. Pedagogy and Psychology*, 2019, vol. 7, no. 1. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/90PDMN119.pdf> (In Russ.). (Accessed May 12, 2025).

10. Loichenko K.A., Tokareva O.Yu. Linguistic approach in teaching a foreign language. *Dialog kul'tur – dialog o mire i vo imya mira = The Dialogue of cultures – Dialogue about Peace and for the Sake of Peace*, 2014, no. 1, pp. 51–55. (In Russ.).
11. Gulyaeva N.A., Protsenko O.N. Elements of professional military linguistics in foreign language classes at a military university. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal = Siberian Pedagogical Journal*, 2018, no. 4, pp. 75–84. (In Russ.).
12. Pushkareva I.A. Legal terminology training in foreign language classes in non-linguistic university. *Vserossiiskii nauchno-prakticheskii zhurnal sotsial'nykh i gumanitarnykh issledovanii = All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2025, no. 1 (16), pp. 35–42. (In Russ.).
13. Sufyanova D.A. Increasing motivation to learn a foreign language: experience of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Vserossiiskii nauchno-prakticheskii zhurnal sotsial'nykh i gumanitarnykh issledovanii = All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2024, no. 4 (15), pp. 18–23. (In Russ.).
14. Pushkareva I.A. Cross-cultural material as the basis for the implementation of linguistic-cultural approach in the process of learning a foreign language. *Teoriya i praktika nauchnykh issledovanii: psikhologiya, pedagogika, ekonomika i upravlenie = Theory and Practice of Scientific Research: Psychology, Pedagogy, Economics and Management*, 2019, no. 3 (7), pp. 36–43. (In Russ.).
15. Zhebratkina I.Ya. Electronic mobile services as a tool for the formation of foreign language competence of cadets of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Teoriya i praktika sotsiogumanitarnykh nauk = Theory and Practice of Socio-Humanitarian Sciences*, 2025, no. 2 (30), pp. 22–26. (In Russ.).
16. Raven J. *Pedagogicheskoe testirovanie: problemy, zabluzhdeniya, perspektivy* [Pedagogical testing: problems, misconceptions, prospects]. Moscow, 1999. 142 p.
17. Yarygin O.N., Korostelev A.A. The “Adventures” of competence in modern society: the John Raven trilogy. *Azimut nauchnykh issledovanii: pedagogika i psikhologiya = Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 2023, vol. 12, no. 4 (45), pp. 178–186. (In Russ.).
18. Finaeva T.S. Linguistic competence of a future teacher of a foreign language. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal = Kazan Pedagogical Journal*, 2007, no. 2, pp. 44–49. (In Russ.).
19. Mal'ko K.O. Formation of linguistic competence in the process of teaching foreign languages. *Innovatsionnaya nauka = Innovative Science*, 2015, no. 6-1, pp. 224–226. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ОЛЬГА ВИКТОРОВНА ИГУМНОВА – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных, социально-экономических дисциплин и информационных технологий управления Кузбасского института ФСИН России, Новокузнецк, Россия, o.igumnova2010@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

OL'GA V. IGUMNOVA – Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, associate professor at the Department of Humanities, Socio-Economic Disciplines and Information Technologies of the Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russia, o.igumnova2010@mail.ru

Статья поступила 04.09.2025

Научная статья

УДК 378

doi 10.46741/sjournal.2025.19.4.006

Мобильность в образовании в условиях внедрения цифровых технологий в обучение

САБИНА ЗАУРОВНА КИЧИБЕКОВА

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия, ki4ibekova@yandex.ru

ЭЛЬМИРА ФАНИЛЕВНА НАСЫРОВА

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия, elm.n@mail.ru

Аннотация. В стремительно развивающемся мире, где преобладают цифровые технологии, которые находятся в постоянной эволюции, образование нуждается в обновлении средств, форм, методов и содержания. На сегодняшний день существует ряд цифровых технологий, онлайн-средств, электронных платформ для погружения обучающихся в цифровое образовательное пространство. В статье обсуждается то, каким образом мобильность в образовании позволяет расширить возможности для движения по платформам, приложениям, курсам, программам при помощи внедрения цифровых средств в обучение с целью трансформации традиционных подходов в более персонализированные, гибкие и доступные всем формы с возможностью обретать знания, умения, компетенции в любое время, из любой географической точки. Цель статьи – проведение анализа ключевых элементов мобильности в образовании в условиях внедрения цифровых технологий в обучение, а также выявление преимуществ электронной маневренности в образовании.

Ключевые слова: мобильность образования; цифровизация; образование; образовательный процесс; цифровые технологии; цифровое обучение; онлайн-средства; образовательная среда.

5.8.7. Методология и технология профессионального образования.

Для цитирования: Кичибекова С. З., Насырова Э. Ф. Мобильность в образовании в условиях внедрения цифровых технологий в обучение // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2025. № 4 (19). С. 51–55. doi 10.46741/sjournal.2025.19.4.006.

Original article

Mobility in Education in the Context of Introducing Digital Technologies in Education

SABINA Z. KICHIBEKOVA

Surgut State University, Surgut, Russia, ki4ibekova@yandex.ru

EL'MIRA F. NASYROVA

Surgut State University, Surgut, Russia, elm.n@mail.ru

Abstract. In the rapidly developing world dominated by digital technologies, education needs to update its means, forms, methods and content. Today, there are a number of digital technologies, online tools, and electronic platforms for immersing students in the digital educational space. The article discusses how mobility in education makes it possible to expand opportunities for movement across platforms, applications, courses, and programs by introducing digital tools into learning in order to transform traditional approaches into more personalized, flexible, and accessible forms with the ability to acquire knowledge, skills, and competencies at any time, from any geographical point. The purpose of the article is to analyze key elements of mobility in education in the context of the introduction of digital technologies in education, as well as to identify advantages of electronic maneuverability in education.

Key words: educational mobility; digitalization; education; educational process; digital technologies; digital learning; online tools; educational environment.

5.8.7. Methodology and technology of vocational education.

For citation: Kichibekova S.Z., Nasyrova E.F. Mobility in education in the context of introducing digital technologies in education. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2025, no. 4 (19), pp. 51–55. doi 10.46741/sgjournal.2025.19.4.006.

В современных условиях, учитывая стремительный прогресс цифровых технологий, образование сталкивается с достаточным количеством вызовов и возможностей. Мобильность в обучении приобретает не только трендовый характер, но и становится необходимым элементом для выстраивания эффективного и современного образовательного процесса. Возможность выстраивать обучение вне зависимости от времени и местоположения, свободный доступ к образовательным ресурсам, персонализация обучения, международная интеграция – данные аспекты являются центром концепции мобильности. Мобильный формат включает в себя не только физическое передвижение обучающихся, но и использование цифровых инструментов с целью приобретения навыков в любом месте и в любое время.

На сегодняшний день мобильные устройства и цифровые платформы дают обучающимся возможность приобретать знания «на ходу», адаптируя образовательный процесс под свои индивидуальные особенности/потребности, стиль жизни, предпочтения. В новой реальности цифровизация приносит огромное количество преимуществ в построение образовательного процесса, позволяет эволюционировать традиционным подходам к обучению, расширяет горизонты учебного опыта обучающихся, дает доступ к уникальным ресурсам, способным значительно обогатить их образовательный путь [1].

Однако, несмотря на все вышеперечисленные преимущества, цифровизация образования также бросает нам и ряд вызовов: различный уровень цифровой грамотности, неравномерный доступ к технологиям, недостаточность разработки методик и подходов, способствующих эффективному процессу обучения. Выстраивание образовательного процесса в условиях мобильного формата требует от образовательных учреждений предоставления внимания данным аспектам.

Актуальность данной статьи заключается в том, что имеется необходимость в адаптации образовательных систем с учетом современных реалий. В быстро меняющемся мире, где обучающийся не ограничен классными комнатами и традиционными формами обучения, цифровые технологии и мобильность открывают возможности для персонализированного, более гибкого, доступного каждому из любой точки мира обучению. Множество

онлайн-курсов, цифровых платформ, площадок для дистанционного обучения развиваются и требуют переосмысления форм, методов, подходов и содержания образовательного процесса.

Мобильностью в условиях цифровизации образования называют процесс взаимодействия преподавателя и студента посредством онлайн-ресурсов, предоставляющих возможность персонализировано проводить занятия, не опираясь на географическое расположение субъектов образовательного процесса [2].

Объектом исследования является мобильность образования в условиях внедрения цифровых технологий в образовательный процесс. Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении потенциала мобильности в образовании, в возможности использования результатов анализа в образовательной среде, способствующей формированию конкурентоспособных качеств обучающихся.

В настоящее время активно развивается дистанционное и смешанное обучение, толчком таких нововведений послужил COVID-19. Данные форматы ведения образовательного контента имеют ряд преимуществ, позволяют преподавателям и обучающимся расширять свои возможности в процессе формирования компетенций. Образовательные ресурсы стали многообразны и доступны. Цифровые платформы, открытые курсы как платные, так и бесплатные, видеоуроки, электронные библиотечные системы – все это способствует мобильности образования в условиях цифровизации. Обучающиеся ранних лет используют смартфоны, становятся активными пользователями ноутбуков, планшетов. Устанавливают мобильные приложения для обучения и коммуникации. Помимо всего вышеперечисленного внедряется искусственный интеллект, виртуальная и дополненная реальности, геймификация, адаптивные системы обучения, интерактивность, облачные технологии. Благодаря цифровизации образования усовершенствовалась мобильность в образовании, делая обучения более гибким и персонализированным [3].

Несмотря на некоторые недостатки в цифровизации, в частности неравномерный доступ к выходу в Интернет, недостаточность компетенций в области цифровой грамотности у педагогов и обучающихся, вопросы конфиденциальности и безопасности данных, цифровизация в образовании сделала значительный прорыв, чем позволила получать знания, компетенции, дала возможность образованию стать мобильным, вседоступным и персонализированным.

Преимуществами мобильности образования являются:

1. Расширение географических границ доступа к качественным образовательным программам.
2. Увеличение возможностей для непрерывного профессионального развития.
3. Снижение затрат на обучение за счет исключения необходимости физического присутствия.
4. Возможность быстрого реагирования на изменения рынка труда и потребности в новых компетенциях [4].

До настоящего времени мобильностью в образовании называли возможность преподавателей и обучающихся перемещаться между учебными заведениями, из корпуса в корпус, участвовать в стажировках, программах обмена. Сейчас же в связи с развитием цифровых технологий определение мобильности образования изменилось, расширилось и несет в себе иной характер, а именно виртуальную мобильность – мобильность по цифровым платформам, онлайн-курсам, мессенджерам. Виртуальная мобильность – это необходимый в современном мире инструмент, который позволяет обмениваться знаниями через Интернет и цифровые платформы, дополняет традиционные формы мобильности и предоставляет новые возможности для международного сотрудничества и обмена знаниями [5].

Ключевыми аспектами мобильности в образовании являются:

1. Доступность онлайн-образования – обучающиеся могут учиться из любой точки мира, используя интернет-сервисы, платформы дистанционного обучения и мобильные приложения.

2. Гибкость графика и формата обучения – возможность совмещать учебу с работой или другими обязанностями, выбирать удобное время и место для занятий.

3. Международная интеграция – участие в международных образовательных программах, вебинарах, онлайн-курсах и конференциях без необходимости физического перемещения.

4. Персонализация обучения – использование адаптивных платформ, которые подстраиваются под уровень знаний и интересы каждого студента.

5. Обмен знаниями и ресурсами – создание глобальных сообществ обучающихся и преподавателей, обмен учебными материалами через облачные сервисы [6].

Можно сделать вывод о том, что мобильность в образовании посредством внедрения цифровых технологий в образовательный процесс помогает обучающимся получать знания, умения, компетенции из разных точек мира, позволяет передавать и получать информацию через электронные ресурсы, цифровые платформы, онлайн-курсы. Проанализированы актуальность и цель исследования, выявлены ключевые аспекты виртуальной мобильности, положительные и отрицательные стороны мобильности образования.

Цифровые технологии, платформы, устройства значительно упрощают и расширяют возможности обучения, обеспечивают доступ к всевозможным образовательным ресурсам независимо от географического положения субъектов образовательного процесса, социально-экономического статуса обучающихся и временного пространства.

Мобильность образования также способствует развитию индивидуализированного подхода к обучению, позволяет персонализировать обучение позволяет адаптировать образовательный контент под уровень, потребности и особенности каждого обучающегося. При помощи цифровых технологий и мобильности в образовании преподаватели могут изменять формы, методы и способы работы на занятиях, тем самым повысив заинтересованность обучающихся в получении знаний, мотивацию к обучению и качество получения знаний [7].

Мобильность образования – не тренд, а необходимое условие современного образовательного пространства.

Выявленные в ходе исследования основные вызовы, с которыми сталкиваются субъекты образовательного процесса при построении обучения, используя виртуальную мобильность, – цифровое неравенство, необходимость повышения цифровой грамотности преподавателей и обучающихся, недостаточная техническая оснащенность, вопросы безопасности данных – нуждаются в системном подходе и комплексных решениях.

Таким образом, мобильность образования посредством внедрения цифровых технологий в образовательный процесс является перспективным направлением, способным существенно повысить доступность и качество образования в условиях стремительно развивающегося мира. Цифровые технологии оказывают влияние на мобильность образования, делая его более персонализированным, удобным, доступным, универсальным и адаптивным к современным требованиям общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алиева Э. Ф., Алексеева А. С., Ванданова Э. Л., Карташова Е. В., Резапкина Г. В. Цифровая переподготовка: обучение руководителей образовательных организаций // Образовательная политика. 2020. № 1 (81). С. 54–61.
2. Антонова Д. А., Оспенникова Е. В., Спиринов Е. В. Цифровая трансформация системы образования. Проектирование ресурсов для современной цифровой учебной среды как одно из ее основных направлений // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2023. № 1. С. 10–15.

ческого университета. Серия: Информационные компьютерные технологии в образовании. 2021. № 14. С. 5–37.

3. Бороненко Т. А., Кайсина А. В., Федотова В. С. Развитие цифровой грамотности школьников в условиях создания цифровой образовательной среды // Перспективы науки и образования. 2020. № 2 (38). С. 167–193.

4. Буцык С. В. «Цифровое» поколение в образовательной системе российского региона: проблемы и пути решения // Открытое образование. 2022. № 1. С. 27–33.

5. Гэйбл Э. Цифровая трансформация школьного образования. Международный опыт, тренды, глобальные рекомендации / пер. с англ. ; под науч. ред. П. А. Сергоманова. М., 2020. 108 с.

6. Дидактическая концепция цифрового профессионального образования и обучения / П. Н. Биленко, В. И. Блинов, М. В. Дулинов [и др.] ; под науч. ред. В. И. Блинова. М., 2020. 98 с.

7. Маниковская М. А. Цифровизация образования: вызовы традиционным нормам и принципам морали // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 2 (87). С. 100–106.

REFERENCES

1. Alieva E.F., Alekseeva A.S., Vandanova E.L., Kartashova E.V. Digital retraining: training of heads of educational organizations. *Obrazovatel'naya politika = Educational Policy*, 2020, no. 1 (81), pp. 54–61. (In Russ.).

2. Antonova D.A., Ospennikova E.V., Spirin E.V. Digital transformation of the education system. Designing resources for the modern digital learning environment as one of its main directions. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Informatsionnye komp'yuternye tekhnologii v obrazovanii = Bulletin of the Perm State Humanitarian Pedagogical University. Series: Information Computer Technologies in Education*, 2021, no. 14, pp. 5–37. (In Russ.).

3. Boronenko T.A., Kaisina A.V., Fedotova V.S. Development of digital literacy of schoolchildren in the context of creating a digital educational environment. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science and Education*, 2020, no. 2 (38), pp. 167–193. (In Russ.).

4. Butsyk S.V. "Digital" generation in the educational system of the Russian region: problems and solutions. *Otkrytoe obrazovanie = Open Education*, 2022, no. 1, pp. 27–33. (In Russ.).

5. Gabel E. *Tsifrovaya transformatsiya shkol'nogo obrazovaniya. Mezhdunarodnyi opyt, trendy, global'nye rekomendatsii* [Digital transformation of school education. International experience, trends, global recommendations]. Moscow, 2020. 108 p.

6. Bilenko P.N., Blinov V.I., Dulinov M.V. *Didakticheskaya kontseptsiya tsifrovogo professional'nogo obrazovaniya i obucheniya* [The didactic concept of digital vocational education and training]. Moscow, 2020. 98 p.

7. Manikovskaya M.A. Digitalization of education: challenges to traditional norms and principles of morality. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii = Power and Management in the East of Russia*, 2021, no. 2 (87), pp. 100–106. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

САБИНА ЗАУРОВНА КИЧИБЕКОВА – аспирант Сургутского государственного университета, Сургут, Россия, ki4ibekova@yandex.ru

ЭЛЬМИРА ФАНИЛЕВНА НАСЫРОВА – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики профессионального и дополнительного образования Сургутского государственного университета, Сургут, Россия, elm.n@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

SABINA Z. KICHIBEKOVA – Postgraduate Student at the Surgut State University, Surgut, Russia, ki4ibekova@yandex.ru

EL'MIRA F. NASYROVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, professor at the Department of Pedagogy of Professional and Additional Education of the Surgut State University, Surgut, Russia, elm.n@mail.ru

Статья поступила 10.09.2025

Научная статья

УДК 004.37.09

doi 10.46741/sjjournal.2025.19.4.007

Цифровизация образовательного процесса в аграрном вузе: вызовы, возможности и перспективы

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА ЛЕСНЫХ

Алтайский государственный аграрный университет, Барнаул, Россия,
lesnyh74@mail.ru

Аннотация. В условиях стремительного развития цифровых технологий аграрные вузы сталкиваются с необходимостью прогрессивного образовательного процесса. Отрасль сельского хозяйства, несмотря на свою консервативность, становится высокотехнологичной отраслью. Очевидна актуальность исследования, поскольку тенденция к глобальной цифровой трансформации современной экономики и образования обуславливают необходимость формирования цифровых компетенций у педагогов и студентов аграрных вузов. Статья посвящена анализу текущего состояния цифровизации, перспектив цифровой трансформации в аграрном образовании. Рассмотрены ключевые аспекты цифровых технологий, особое внимание уделено использованию цифровых платформ, систем управления образованием, элементов искусственного интеллекта, больших данных и элементов геймификации в образовательном процессе. Освещены нюансы цифровой трансформации с учетом теории поколений и интересов личности. Изложены трудности, сдерживающие цифровую трансформацию региональных аграрных вузов.

Ключевые слова: цифровизация; образовательный процесс; цифровые технологии; цифровая трансформация; искусственный интеллект; система управления образованием; большие данные.

5.8.7. Методология и технология профессионального образования.

Для цитирования: Лесных Е. А. Цифровизация образовательного процесса в аграрном вузе: вызовы, возможности и перспективы // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2025. № 4 (19). С. 56–62. doi 10.46741/sjjournal.2025.19.4.007.

Original article

Digitalizing the Educational Process at an Agriculture University: Challenges, Opportunities and Prospects

ELENA A. LESNYKH

Altai State Agrarian University, Barnaul, Russia, lesnyh74@mail.ru

Abstract. In the context of rapid development of digital technologies, agriculture universities face the need for a progressive educational process. The agricultural sector, despite its conservatism, is becoming a high-tech industry. The relevance of the study

is obvious, since the trend towards global digital transformation of the modern economy and education necessitates the formation of digital competencies in teachers and students of agriculture universities. The article analyzes a current state of digitalization and prospects for digital transformation in agricultural education. The key aspects of digital technologies are considered, special attention is paid to the use of digital platforms, educational management systems, artificial intelligence elements, big data and gamification elements in the educational process. The specifics of digital transformation is highlighted with regard to the theory of generations and the interests of an individual. Obstacles to digital transformation of regional agriculture universities are outlined.

Keywords: digitalization; educational process; digital technologies; digital transformation; artificial intelligence; education management system; big data.

5.8.7. Methodology and technology of vocational education.

For citation: Lesnykh E.A. Digitalizing the educational process at an agriculture university: challenges, opportunities and prospects. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2025, no. 4 (19), pp. 56–62. doi 10.46741/sjjournal.2025.19.4.007.

Агропромышленный комплекс России нуждается в специалистах, которые свободно используют цифровые инструменты в профессиональной деятельности. Цифровая трансформация агропромышленного комплекса (АПК) не возможна без цифровой трансформации аграрного образования. Для успешной трансформации аграрных вузов и конкурентоспособности выпускников необходимо использовать новейшие достижения в области цифровых онлайн-средств.

Современное ведение хозяйства все больше становится высокотехнологичной отраслью. Внедрение цифровых решений – от точного земледелия до автоматизированных систем управления животноводством – требует от специалистов новых компетенций. Аграрные университеты, являющиеся ключевыми платформами подготовки кадров для АПК, адаптируются к этим изменениям, трансформируя образовательный процесс. Цифровизация становится не просто модным трендом, а стратегической необходимостью для обеспечения конкурентоспособности выпускников и соответствия образовательных программ требованиям рынка труда.

Актуальность исследования очевидна, поскольку цифровизация и цифровая трансформация аграрного образования обусловлена основными трендами в сфере аграрного производства.

Целью исследования является определение ключевых нюансов внедрения цифровых технологий в образовательный процесс.

Вопрос использования цифровых технологий в образовательном процессе поднимали такие ученые, как А. Зайцева, М. Ковалев, С. Хедли, К. Шварц, Л. Шмелькова. М. Ковалев отмечал важность использования цифровых инструментов в образовательном пространстве для изменения подходов к обучению – переход от традиционных методов к интерактивным, доступности образования – увеличение доступа к онлайн-ресурсам (возможность проходить обучение студентам из разных местоположений), подготовки кадров [1, с. 168].

Цифровая трансформация образования представляет собой ключевое стратегическое направление в современном образовательном развитии. Она предполагает интеграцию цифровых технологий как в учебную деятельность на всех уровнях, так и управление образованием [2, с. 11].

В России цифровизация вузов активно реализуется в рамках национального проекта «Образование», в частности направления «Цифровая образовательная среда». В аграрной сфере главную роль играет федеральная программа «Цифровое хозяйство», которая стимулирует интеграцию цифровых решений в образовательные программы.

Объектом исследования являются цифровые технологии. Предмет исследования – применение цифровых технологий в образовательном процессе. Научная новизна работы заключается в исследовании возможностей цифровой трансформации современного регионального аграрного образования, с учетом теории поколений и потребностей личности современного студента.

На практике очевиден дисбаланс между ведущими аграрными вузами и региональными вузами. Региональные вузы сталкиваются с нехваткой финансирования и вследствие этого неактивно внедряют цифровые технологии. Недостаточное финансирование региональных аграрных вузов также влияет на нехватку высококвалифицированных кадров, которые при малейшей возможности перебираются в ведущие вузы страны.

Для успешного внедрения цифровизации и цифровой трансформации современных аграрных вузов необходимо внедрение информационных технологий в учебную, научную и административную деятельность. В образовательном процессе необходим переход на электронные образовательные ресурсы. С этой задачей вузы успешно справились во времена пандемии, и одним из первых шагов цифровой трансформации в большинстве аграрных вузов стало внедрение систем управления образованием (LMS) (например, Moodle, Edbee, iSpring Learn, LMS Odin, LPWAN.DLMS, Mirapolis LMS и др.).

Данные платформы позволяют не только размещать научные материалы, но и проводить исследования, отслеживать прогресс студентов, организовывать дистанционные консультации и зачеты.

Достижения современной науки необходимо применять в образовательном процессе с учетом психических особенностей студентов, поскольку необходимо использовать те формы работы, методы и средства обучения, которые будут адекватны и целям образовательных программ конкретных дисциплин, и интересам, особенностям современных студентов. Образовательные стандарты нового поколения ориентируются не только и не столько на академические знания, сколько на формирование целостных компетенций выпускников, включающих навыки критического мышления, готовность работать в команде, участвовать в реализации проектов, коммуникативные умения и т. д. [3, с. 41].

Поколение, которое появилось в период становления Интернета и мобильной связи, начинает опережаться. Дети, рожденные после 1993 г., имеют определенный «ник» – «Z-поколение», «поколение зуммеров», «цифровое поколение», «поколение коммуникаций», «поколение Гугл». Данное поколение развивалось на пике очередной информационной революции. Сотовая связь и повсеместное внедрение Интернета как системы коммуникаций оставляют свой революционный след на ментальном, а затем и других (включая физическое, ценностное и идеальное) полях [4, с. 168]. Данное поколение, с точки зрения теории поколений, имеет свои особенности восприятия, внимания, мышления.

Исходя из этого цифровизация аграрного образования требует новых подходов к образовательному процессу. Помимо презентаций, которые используются в учебном процессе лет пятнадцать, необходимо использовать другие возможности программного обеспечения: слайды-образы, видеосюжеты, тематические ролики, схемы и диаграммы (как динамические объекты). На лекциях и практических занятиях следует предоставлять возможность изучения интерфейса специализированного программного обеспечения, проводить демонстрацию инструментов и приборов, используемых в агропромышленном комплексе. Задачи, задания, кейсы и тесты разрабатывать с учетом реальных ситуаций в агропромышленном комплексе.

Однозначную перспективу в подготовке агрономов, зоотехников и инженеров-механизаторов имеют технологии виртуальной реальности и дополненной реальности. Например, виртуальная ферма, виртуальные экскурсии на агропредприятия, симуляция посева с учетом данных (о погоде, почве, вносимых удобрениях, вредителях и т. д.), 3D-модели сельскохозяйственной техники и т. д. Включение таких инструментов в учебный процесс

позволяет студентам осваивать современные практики, востребованные в современных сельскохозяйственных организациях.

В аграрных вузах необходимо использовать возможности искусственного интеллекта (ИИ). Возможности ИИ уже применяются для анализа спутниковых приборов, диагностики заболеваний растений по фотографиям и прогнозирования урожайности. Также помогает преподавателю в анализе поведения студентов в LMS, прогнозировании академической устойчивости и формировании индивидуальных траекторий. Например, система может оставить дополнительные материалы слабо успевающему студенту или предложить углубленный курс одаренному.

Для цифровой трансформации аграрного образования необходимо использовать возможность работы с большими данными и возможности проведения аналитики. В организации образовательного процесса это очень важно. Сбор и анализ данных о посещаемости, активности в онлайн-курсах помогают преподавателям выявлять проблемные темы, корректировать методику преподавания и повышать эффективность образовательного процесса. На уровне вуза аналитика позволяет корректировать расписание, планировать работу преподавателей и оценивать эффективность программ.

Необходимо использовать технологии облачных вычислений. Работа с облачными технологиями позволяет студентам и преподавателям рентабельно выполнять текущие операции, иметь доступ к большим объемам защищенных данных и обеспечивает доступность образовательных ресурсов.

В образовательном процессе можно использовать склонность современной молодежи к геймификации. Для этого необходимо создать игровое поле, правильно выбрать инструменты и поменять сленг. Как правило, сленг традиционного обучения чаще всего вызывает стресс (контрольная работа, самостоятельная работа, тест, домашнее задание). Все эти слова вызывают напряжение. Игровой сленг более приватный (ивент, лаг, кейс, баф, хп и т. д.), в сознании русскоязычного человека эти выражения не вызывают напряжения.

Внедрение игры как инструмента повышения эффективности образовательного процесса предполагает построение методики на основе так называемого офлайн обучения. При такой форме обучения (очной) развиваются следующие блоки компетенций: коммуникативные навыки; работа с аудиоинформацией; умение доносить свои мысли и др. [5, с. 52].

Результаты внедрения элементов геймификации, действительно, показали положительный эффект. Мы апробировали формат геймификации при обучении информатике на базе Алтайского государственного аграрного университета. Результаты исследования показали, что в экспериментальных группах успеваемость и заинтересованность были выше. В данном формате у студентов проявляются воодушевление и азарт. Экспериментальные группы при итоговом тестировании имели результат в пределах 5–10 % выше, чем контрольные группы.

Ключевыми преимуществами использования цифровых технологий в образовательном пространстве являются: оперативная обратная связь преподавателя, наглядность материалов, повышение мотивации обучающихся, мобильность выполнения заданий, персонализация, студентоориентированность, дифференциация, обеспечение моментального доступа студентов к результатам по окончании выполнения упражнения [6, с. 25].

Будущая цифровая трансформация аграрного образования предполагает создание интегрированной экосистемы, объединяющей вузы, предприятия, научные центры, государство, студентов, выпускников [7, с. 28].

Такая экосистема позволяет не только обучать, но и постоянно адаптироваться к изменениям в отрасли, что приводит к инновациям и выводу российского аграрного образования на международный уровень.

Несмотря на то что цифровая трансформация аграрного образования позволяет автоматизировать рутинные моменты работы преподавателя, упрощает взаимодействие пре-

подавателя и студента, дает возможность проводить виртуальные лабораторные работы и экскурсии, представляет доступ к гигантскому количеству информации, есть ряд нюансов, которые требуют преодоления.

Требуется преодолеть так называемый цифровой разрыв (digital divide), возникающий из-за наличия неравенства в доступе к цифровым ресурсам и технологиям [8, с. 22].

Цифровизация требует постоянного обучения и саморазвития учащихся и педагогов, быстрой реакции на общественные трансформации и готовности постоянно наращивать компетенции в профессиональном цифровом инструментарии.

Нюансом является снижение культурологической составляющей образования. В погоне за цифровым развитием необходимо помнить, что ориентация образования на интересы личности, формирование ее компетентности, развитие творческих начал и общей культуры являются приоритетными направлениями реформирования системы образования [9, с. 12]. И обращаясь к информационным технологиям без цели и достаточной мотивации, очень легко погрязнуть в информационном потоке и потерять самое ценное – время – и замедлить свой личностный рост [10, с. 121].

На пути к цифровой трансформации препятствием могут стать недостаток методических материалов, отсутствие готовых электронных учебников и лабораторных работ по узкоспециализированным аграрным дисциплинам.

Одной из задач является налаживание связей между аграрными вузами и агробизнесом. Для качественного обучения необходим доступ к данным и цифровым технологиям, применяемым на современных агропредприятиях. При ведении экономических дисциплин многие студенты и преподаватели сталкиваются с проблемой получения данных из реального сектора экономики. Отсутствие доступа к цифровым технологиям в период обучения у студентов региональных аграрных вузов сказывается на их конкурентноспособности при дальнейшем трудоустройстве.

Все перечисленные задачи должны решаться и с учетом особенностей аграрного сектора экономики. Ведущими вузами цифровой трансформации должны стать региональные аграрные вузы, так как они сосредоточены в аграрных регионах страны, которые отвечают за продовольственную безопасность нашей страны.

Финансовая поддержка региональных вузов не должна ограничиваться только помощью в цифровой трансформации. Важным аспектом является финансовая поддержка преподавателей аграрных вузов.

Необходимо продолжать внедрять в учебный процесс, научную и административную деятельность системы управления образованием. Внедрять цифровые технологии в учебный процесс с учетом особенностей поколения современных студентов. Включать в учебные курсы технологии виртуальной реальности и дополненной реальности, возможности ИИ, возможности работы с большими данными и технологии облачных вычислений. Необходимо использовать склонность современной молодежи к геймификации и внедрять элементы игры в учебный процесс.

Безусловно, успешная реализация цифровых инициатив требует комплексного подхода, включающего техническое оснащение, методическую поддержку, повышение квалификации кадров и активное привлечение всех участников образовательного процесса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бороненко Т. А., Кайсина А. В., Федотова В. С. Развитие цифровой грамотности школьников в условиях создания цифровой образовательной среды // Перспективы науки и образования. 2020. № 2 (38). С. 167–193.
2. Афонина Р. Н., Маркин В. В., Скопа В. А. Информатизация и цифровая трансформация образования: проблемы и перспективы // Глобальный научный потенциал. 2025. № 3-1 (168). С. 10–14.

3. Кузнецова Е. В. Методы формирования познавательной активности и мотивации обучающихся на лекционных занятиях: опыт конкурса педагогического мастерства // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2024. № 2 (13). С. 40–46.
4. Лесных Е. А. Зависимость от сети интернет как путь деструкции современной молодежи // Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук : сб. ст. X Всерос. науч.-практ. конф. (Пенза, 18–19 сентября 2024 года). Пенза, 2024. С. 167–173.
5. Геймификация в современном педагогическом образовании : атлас лучших практик. Новосибирск, 2021. 152 с.
6. Кичибекова С. З., Насырова Э. Ф. Использование цифровых технологий в образовательном пространстве // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2025. № 2 (17). С. 24–29.
7. Буцык С. В. «Цифровое» поколение в образовательной системе российского региона: проблемы и пути решения // Открытое образование. 2022. № 1. С. 27–33.
8. Терещенкова Е. В., Сорокина М. Ф. Цифровая трансформация образования: проблемы и перспективы // Форум. 2021. № 2 (22). С. 21–24.
9. Афонина Р. Н. Культурно-антропологическая направленность тенденций обновления высшего профессионального образования // Новые образовательные технологии в вузе (НОТВ – 2014, 18–20 февраля 2014г.) : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. URL: <http://www.urfu.ru> свободный (дата обращения: 07.07.2025).
10. Лесных Е. А. Информационные технологии в активизации личного творческого начала // Педагогическое образование на Алтае. 2016. № 2. С. 120–125.

REFERENCES

1. Boronenko T.A., Kaisina A.V., Fedotova V.S. Development of digital literacy of schoolchildren in the context of creating a digital educational environment // *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science and Education*, 2020, no. 2 (38), pp. 167–193. (In Russ.).
2. Afonina R.N., Markin V.V., Skopa V.A. Informatization and digital transformation of education: problems and prospects. *Global'nyi nauchnyi potentsial = Global Scientific Potential*, 2025, no. 3-1 (168), pp. 10–14. (In Russ.).
3. Kuznetsova E.V. Methods to form cognitive activity and motivation of students during lecture classes: experience of the pedagogical skill contest. *Vserossiiskii nauchno-prakticheskii zhurnal sotsial'nykh i gumanitarnykh issledovaniy = All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2024, no. 2 (13), pp. 40–46. (In Russ.).
4. Lesnykh E.A. Dependence on the Internet as a path of destruction of modern youth. In: *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk : sb. st. X Vseros. nauch.-prakt. konf. (Penza, 18–19 sentyabrya 2024 goda)* [Actual problems of the humanities and social sciences: collection of articles of the X All-Russian Scientific and Practical Conference (Penza, September 18–19, 2024)]. Penza, 2024. Pp. 167–173. (In Russ.).
5. *Geimifikatsiya v sovremennom pedagogicheskom obrazovanii: atlas luchshikh praktik* [Gamification in modern teacher education: an atlas of best practices]. Novosibirsk, 2021. 152 p.
6. Kichibekova S.Z., Nasyrova E.F. Applying digital technologies in the educational space. *Vserossiiskii nauchno-prakticheskii zhurnal sotsial'nykh i gumanitarnykh issledovaniy = All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2025, no. 2 (17), pp. 24–29. (In Russ.).
7. Butsyk S.V. “Digital” generation in the educational system of the Russian region: problems and solutions. *Otkrytoe obrazovanie = Open Education*, 2022, no. 1, pp. 27–33. (In Russ.).
8. Tereshchenkova E.V., Sorokina M.F. Digital transformation of education: problems and prospects. *Forum*, 2021, no. 2 (22), pp. 21–24. (In Russ.).
9. Afonina R.N. Cultural and anthropological orientation of trends in the renewal of higher professional education. In: *Novye obrazovatel'nye tekhnologii v vuze (NOTV – 2014, 18–20 fevralya 2014 g.): materialy XI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf* [New educational technologies in higher education (NOTV – 2014, February 18–20, 2014): proceedings of the XI International scientific and practical conference]. Available at: <http://www.urfu.ru> svobodnyi (In Russ.) (Accessed June 7, 2025).
10. Lesnykh E.A. Information technologies in the activation of personal creativity. *Pedagogicheskoe obrazovanie na Altae = Pedagogical Education in Altai*, 2016, no. 2, pp. 120–125. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА ЛЕСНЫХ – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, доцент кафедры экономики, анализа и информационных технологий Алтайского государственного аграрного университета, Барнаул, Россия, lesnyh74@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ELENA A. LESNYKH – Candidate of Sciences (Agriculture), Associate Professor, associate professor at the Department of Economics, Analysis and Information Technologies of the Altai State Agrarian University, Barnaul, Russia, lesnyh74@mail.ru

Статья поступила 09.09.2025

Научная статья

УДК 159.9

doi 10.46741/sjournal.2025.19.4.008

Лукизм, буллинг и шейминг: попытка построения схемы взаимосвязей

ДАРЬЯ ВИКТОРОВНА ПОГОНЦЕВА

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,
pogoncevadv@sfedu.ru

Аннотация. В статье рассматривается соотношение понятий «дискриминация», «агрессия», «буллинг», «шейминг» и «лукизм». На фоне появления новых англицизмов возникает проблема их интерпретации и взаимосвязи, в работе анализируются некоторые терминологические особенности, приводится вариант схемы взаимоотношения данных терминов. Делается вывод о том, что ключевой особенностью буллинга является его повторяющийся характер и широкий спектр триггеров, лукизма – однократное или повторяющееся взаимодействие, однако триггером выступает исключительно внешний облик, оценка высказывания субъектом взаимодействия имеет негативную модальность. Шейминг представляет собой частную форму проявления лукизма (а также может существовать в формате буллинга), однако основной особенностью является формирование чувства стыда, в бодишейминге из-за особенностей внешнего облика.

Ключевые слова: дискриминация; агрессия; буллинг; лукизм; шейминг.

5.3.5. Социальная психология; политическая и экономическая психология.

Для цитирования: Погонцева Д. В. Лукизм, буллинг и шейминг: попытка построения схемы взаимосвязей // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2025. № 4 (19). С. 63–70. doi 10.46741/sjournal.2025.19.4.008.

Original article

Lookism, Bullying and Shaming: Trying to Build a Correlation Scheme

DAR'YA V. POGONTSEVA

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, pogoncevadv@sfedu.ru

Abstract. The article considers the relationship between concepts of “discrimination”, “aggression”, “bullying”, “shaming” and “lookism”. Against the background of the emergence of new Anglicisms, the problem of their interpretation and interrelation arises, some terminological features are analyzed in the work, and a scheme of their correlation is proposed. It is concluded that the key feature of bullying is its repetitive nature and a wide range of triggers. Lookism is a single or repeated negative assessment of person's appearance. Shaming is a form of bullying, the main feature of which is the formation of a sense of shame in a person due to the specifics of his/her appearance.

© Погонцева Д. В., 2025

Keywords: discrimination; aggression; bullying; lookism; shaming.

5.3.5. Social psychology; political and economic psychology.

For citation: Pogontseva D.V. Lookism, bullying and shaming: trying to build a correlation scheme. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2025, no. 4 (19), pp. 63–70. doi 10.46741/sjournal.2025.19.4.008.

В современном психологическом категориальном аппарате возникает все больше англианизмов, которые, с одной стороны, кажутся синонимами, но различные авторы по-разному описывают их взаимоотношения и дают существенно различные определения. В поле дискриминационного отношения мы видим появления таких терминов, как «буллинг», «лукизм», «шейминг» (в том числе «бодишейминг», «фетшейминг», «скинишейминг» и др). Авторы отмечают [1], что подобные термины претендуют на статус «устойчивых глобализмов, возникших в эпоху киберкультуры в условиях неограниченного потока онлайн-новостей», при этом авторы отмечают, что сами феномены существуют давно, но выделение их и называние происходит здесь и сейчас как реакция на имеющуюся систему коммуникации. В целом появление новых терминов обусловлено, на наш взгляд, развитием науки, уточнением и систематизацией имеющихся явлений и феноменов. Как отмечает М. Каминский с соавторами [2], в последние годы такие термины, как «фэтфобия» (страх ожирения) и «бодишейминг» (критика или унижение кого-либо за его форму или размер тела), стали активно распространяться, при этом авторы связывают частоту использования терминов с ростом осведомленности и признанием неблагоприятных последствий дискриминации по признаку веса. Однако несмотря на большое количество работ, посвященных буллингу, лукизму и другим проявлениям дискриминационного отношения, их различие до конца непонятно. В связи с этим целью данной работы является попытка сформулировать представление о соотношении данных категорий.

Первым из данной группы терминов в российской науке появился «буллинг»: впервые он встречается в 1993 г. в работе норвежского психолога Д. Ольвеуса и звучит следующим образом: «буллинг (травля) – это преднамеренное, систематически повторяющееся агрессивное поведение, включающее неравенство социальной власти или физической силы» [3, с. 149]. Синонимами буллинга в российских исследованиях могут быть «травля», «насилие» и «издевательства», однако, как отмечает В. Р. Петросянц [4], одним из основных ключевых признаков буллинга является «систематичный и длительный характер». При этом в работе Т. Клеринкс, Х. Шайне, Р. Спаай [5] отмечается, что психологически агрессивное поведение детей рассматривается в двух отдельных аспектах: психологическое насилие (ПН) и психологическое буллинг-поведение, подобное разделение как на терминологическом, так и на эмпирическом уровнях привело к тому, что эти феномены (психологическое насилие и буллинг) стали изолированными друг от друга, что также приводит к определенному непониманию общей картины данных явлений.

Близким к понятию буллинга также является термин «агрессия», что требует определенного разделения данных феноменов. Так, рассматривая проблему кибербуллинга и киберагрессии, Г. У. Солдатова и А. Н. Ярмина [6] отмечают, что при соотношении понятий киберагрессия представляется как более широкое явление, и вслед за Д. В. Григг рассматривают ее как «намеренный вред, причиняемый посредством использования электронных устройств одному человеку или группе людей, вне зависимости от возраста, и воспринимаемый как оскорбительный, уничижительный, приносящий ущерб или нежеланный». Таким образом, Г. У. Солдатова и А. Н. Ярмина [6] определяют кибербуллинг как имеющий свою специфику один из видов киберагрессии наряду с троллингом, флеймингом, хейтингом, киберсталкингом и др. В то же время в работе С. С. Антипиной отмечается, что «в ранних работах, проведенных за рубежом, понятия «киберагрессия» («cyber-aggression»)

и «кибербуллинг» («cyberbullying») были равнозначны» поскольку наблюдалась неопределенность и расплывчатость понятия «кибербуллинг», что в свою очередь способствовало тому, что данный термин трактовался в широком контексте [7]. Говоря о буллинге, чаще мы встречаем позицию, что буллинг является формой проявления агрессии [8; 9].

Еще одним видом дискриминационного отношения считается лукизм. Так, в работах А. Н. Кононова, А. А. Шаклеина [10] лукизм понимается как «предубеждение или дискриминация по внешнему виду». В своей работе, посвященной этнолукизму, В. А. Лабунская отмечает, что этнолукизм – это «обыденная» дискриминационная практика, направленная на представителей этнокультурных групп с определенным типом внешнего облика [11]. Таким образом, этнолукизм рассматривается как частная форма лукизма, при этом отмечается «обыденность» данной дискриминационной практики. В некоторых исследованиях по буллингу указывается, что особенности внешнего облика могут являться пусковым механизмом [12, 13]. В критериях оценки явление как проявление лукизма не предполагает обязательный «систематичный и длительный характер», однако в тех случаях, когда пусковым механизмом буллинга является внешний облик жертвы, данный вид буллинга правильнее назвать лукизмом. Таким образом, лукизм можно рассматривать как частный случай буллинга [14]. В свою очередь А. В. Демичева [15], изучая «язык вражды», рассматривает лукизм как партикулярную идеологию, то есть идеологию неравенств, которая легитимизирует и оправдывает дискриминационные практики. С этой точки зрения важно понимать, что хотя мы склоняемся рассматривать лукизм именно как дискриминационное отношение, существует позиция, согласно которой лукизм – это «позитивная дискриминация», при которой преимущество получает человек с привлекательным внешним обликом [10].

Так же как и буллинг, лукизм может проявляться в разных формах: на физическом уровне (толчки, пинки и т. д.), в вербальной форме (прозвища, дразнилки, оскорбления, высмеивающие внешний облик), в виде социальной изоляции, а также в виде киберлукизма. Однако одной из особенностей лукизма является его проявление на социальном уровне, что в основном касается людей с нестандартным ростом, весом или пропорциями тела. В этом случае дискриминация выражается в социальном пространстве, не адаптированном под запросы людей с подобными особенностями. Подобную ситуацию мы видим в магазинах готовой одежды и обуви. Таким образом, лукизм является более широким феноменом, затрагивающим все уровни повседневной жизни человека.

На ряду с лукизмом возник еще термин «шейминг», то есть выражение публичного осуждения, и его производные (бодишейминг, фетшейминг, скинни-шейминг и т. д.). Относительно самого феномена в широком смысле есть также определенное смешение категориального аппарата с точки зрения его соотнесения с разными схожими терминами. Так, А. Н. Новоселова, В. С. Подковырина, Д. В. Санникова [16] шейминг описывают как публичное осуждение в форме высмеивания, унижения и травли (кибербуллинга) лица за поведение или поступок, признаваемый некоторым сообществом неподобающим или недопустимым, направленное на более конкретные и приземленные вещи – одежду, пищевые привычки, внешний вид. Авторы рассматривают шейминг как одну из «дискриминационных практик», а далее называют «одной из форм речевой агрессии», и данная тенденция наблюдается в большинстве рассматриваемых нами работ. В работе И. В. Кожуховой и К. Б. Шаровой [17] предлагается заменить «шейминг» термином «публичное или общественное порицание», который также связан с осуждением поступка, находящимся в противоречии с принятыми общественными нормами. Однако подробный разбор данных лексем приводит авторов к выводу о том, что замена невозможна, поскольку хотя эти феномены во многом схожи, но особенности слишком существенны. Так И. В. Кожухова и К. Б. Шарова приходят к выводу, что публичное порицание носит скорее воспитательный характер, в то время как шейминг не имеет конкретного адресата и высмеивает некие общие пороки. Примером шейминга могут выступать мемы или иной сарказм [18].

В статье В. А. Мельничук [19] приводятся такие термины, как «лукизм», «слимшейминг», «бодишейминг», «эйджизм», «фэтфобия», «жирофобия», «фэтшейминг» в рамках анализа тематической группы «дискриминация по определенному признаку». С. В. Шустова, А. А. Шипицин [1], анализируя феномен бодишейминга, определяют его как дискриминацию людей, основанную на том, как выглядит их тело, несоответствии стандартам красоты. Исходя из этого определения фэтшейминг, или фэтфобия, является дискриминацией людей, основанной на субъективном мнении о том, что они обладают избыточным весом, а также подразумевающей оскорбления за излишнюю, нездоровую полноту, которая является результатом неухоженности, лени, несбалансированной диеты, компульсивного переедания и распущенности. В противовес им С. В. Шустова, А. А. Шипицин приводят скинни-шейминг, или слимшейминг, который представляет собой дискриминацию людей, выстраиваемую на мнении о том, что тело человека выглядит слишком худым, тощим, что также свидетельствует об отсутствии здоровья [1]. И хотя, исходя из данных определений, мы можем считать шейминг частной формой проявления лукизма как более широкой дискриминационной практики (а не только пристыжающей), Г. Р. Дабаева [20] указывает, что лукизм и бодишейминг являются видами шейминга, тем самым расширяя понятие шейминга, что, на наш взгляд, не совсем корректно. Скорее, мы можем говорить об определенном совпадении, то есть лукизм, пересекаясь с шеймингом, формирует новое направление «бодишейминг» с подвидами (фэт, скини – по весу, хеир – по цвету волос и т. д.). При этом важно понимать, что в большинстве работ для описания разных видов шейминга авторы относят его к дискриминационному отношению [21]. Как подчеркивает О. В. Лутовинова [22], в современном интернет-пространстве бодишейминг (включая все его подвиды) занимает более 26 % случаев (среди зафиксированных случаев различного шейминга).

Таким образом, дискриминационное отношение представляет собой более широкое понятие, которое основываясь на системных ограничениях, может включать в себя лукизм, шейминг и отчасти буллинг. При этом зарубежными учеными [23] дискриминация определяется как жестокое обращение, или унижение, при котором к людям относятся по-разному в зависимости от их личных качеств. Авторы отмечают, что дискриминация может принимать различные формы, начиная с явного буллинга и заканчивая невежливостью. Это в очередной раз доказывает, насколько плотно переплетены данные феномены. При этом буллинг является формой насилия, которая проявляется в агрессии и часто носит дискриминационный характер.

В попытке визуализировать соотношение данных феноменов нами была разработана следующая схема (рис.).

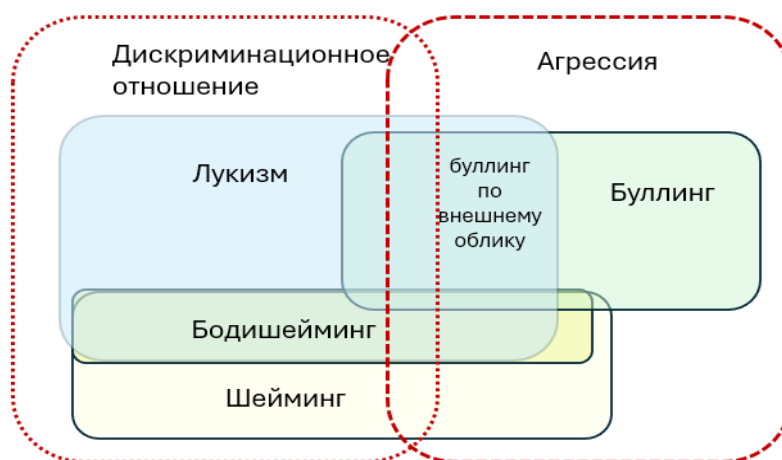

Рис. Соотношение понятий «дискриминационное отношение», «агрессия», «лукизм», «буллинг», «шейминг» и «бодишейминг»

Представленная нами схема отображает наше видение проблемы лукизма и соотношения лукизма с такими феноменами, как «буллинг» и «шейминг». Анализ различных подходов указывает на то, что отнесение того или иного поведенческого акта или вербального проявления о внешнем облике человека к тому или иному феномену требует отдельного исследования. Мы предполагаем, что если в буллинге (и буллинге по внешнему облику в частности) мы будем ориентироваться на «повторяющиеся» действия, то отделить бодишейминг и лукизм мы можем, только основываясь на субъективной оценке «жертвы», то есть вызвало ли то или иное высказывание чувство стыда, или эти эмоции можно описать как обиду, злость, разочарование в ситуации и собеседнике.

Однако для понимания феномена лукизма необходимо определить, какие именно оценочные высказывания считать его проявлением. Оценочность, являясь смыслообразующей категорией, часто делат на позитивную, нейтральную и негативную. В связи с лукизмом нас будут интересовать отрицательные оценочные суждения, при этом важным параметром будет субъективность данной оценки как объектом, так и субъектом взаимодействия. Рассматривая проблему клеветы, С. И. Луценко отмечает, что категория клеветы в уголовной плоскости является недостаточно определенной, поскольку она больше имеет характер субъективного оценочного суждения [24]. Так и высказывания, содержащие лукизм, часто находятся в плоскости субъективной оценки, и определить, является ли это высказывание истинным оценочным суждением или клеветой, зачастую не представляется возможным. И если с текстовыми выражениями (вербально озвученными или текстовыми) мы можем воспользоваться словарями бранной речи для оценки фразы как оскорбительной, то в интернет-взаимодействии подобные высказывания могут скрываться за изображениями, которые трансформируют нейтральный текст в субъективно-обидный, а также использование смайликов и gif-файлов также трансформирует смысловое значение и меняет модальность суждения на негативно-оценочную, как мы это видели в шутках про лишний вес [18].

На этом фоне актуальной становится проблема возможной терапии жертв лукизма, поскольку те методы терапевтического взаимодействия, которые имеются относительно буллинга и дискриминации, необходимо корректировать. В то же время частичное совпадение данных терминов дает нам возможность адаптации имеющихся подходов для работы с внешним обликом и лукизмом.

Таким образом, данная статья является попыткой согласовать и продемонстрировать тесное переплетение представленных феноменов, а представленная схема является одним из возможных вариантов визуализации соотношения таких феноменов, как лукизм, буллинг и шейминг. Ключевой особенностью лукизма (в сравнении с буллингом) является однократное или повторяющееся взаимодействие; триггером выступает исключительно внешний облик; субъективная оценка как оскорбительная или вызывающая чувство стыда (во втором случае бодишейминг будет являться частной формой лукизма).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шустова С. В., Шипицин А. А. Новая лексика в дискурсивной практике «культуры отмены» // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Т. 9, № 3. С. 203–217.
2. Kamiński M., Wieczorek T., Kręgielska-Narożna M., Bogdański P. Tweeting about fatphobia and body shaming: A retrospective infodemiological study // Nutrition. 2024. Vol. 125. Pp. 112–497.
3. Бочавер А. А., Хломов К. Д. Буллинг как объект исследований и культурный феномен // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10, № 3. С. 149–159.
4. Петросянц В. Р. Психологические характеристики старшеклассников, участников буллинга в образовательной среде // Письма в Эмиссия.Оффлайн. 2010. № 11. С. 1479.
5. Clerincx T., Schailleé H., Spaaij R. Psychological violence and psychological bullying among children in sports: A systematic review // Aggression and Violent Behavior. 2025. Vol. 82. Pp. 1–25.

6. Солдатова Г. У., Ярмина А. Н. Кибербуллинг: особенности, ролевая структура, детско-родительские отношения и стратегии совладания // Национальный психологический журнал. 2019. Т. 3, № 3 (35). С. 17–31.
7. Антипина С. С. Социально-психологические детерминанты киберагрессии у подростков : автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2025. 27 с.
8. Корзун С. А., Страпко О. В. Буллинг как форма проявления агрессии в подростковом возрасте // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2017. Т. 11, № 8. С. 107–111.
9. Мовчан О. А. Буллинг как форма проявления агрессии в подростковом возрасте // Личность в образовательном пространстве: вариативность подходов к содержанию и технологиям психолого-педагогического сопровождения : сб. науч. тр. (Хабаровск, 20–21 ноября 2019 года). Хабаровск, 2020. С. 292–298.
10. Кононов А. Н., Шаклеин А. А. Внешняя красота и привлекательность человека как психологические детерминанты лукизма // Актуальные проблемы теории и практики психологических, психолого-педагогических, педагогических и лингводидактических исследований : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Мытищи, 13–14 апреля 2022 года). М., 2022. С. 708–712.
11. Лабунская В. А. Этнолукизм как фактор понижения психологической безопасности этнокультурных групп с различными типами внешнего облика // Вопросы безопасности. 2018. № 6. С. 1–8.
12. Нихаева Я. М. Проблема подросткового буллинга в современном обществе // Современные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации : сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 6 июля 2019 года). Пенза, 2019. С. 323–325.
13. Ногерова М. Т., Шогенцукова М. А. Причины и последствия буллинга в образовательной среде // Педагогика, образование, инновации : сб. науч. тр. Нальчик, 2024. С. 24–31.
14. Погонцева Д. В. Внешний облик как основание для буллинга // Социальная психология внешнего облика: теоретические подходы и эмпирические исследования. Ростов н/Д., 2019. С. 135–139.
15. Демичева А. В. Дискримінаційні ідеології: як -ИЗМИ визначають наші дії // Colloquium-Journal. 2023. № 7-1 (166). Рр. 47–49.
16. Новоселова А. Н., Подковырина В. С., Санникова Д. В. Шейминг как форма речевой агрессии в интернет-коммуникации // Трибуна ученого. 2023. № 5. С. 187–193.
17. Кожухова И. В. Жанры «шейминг» и «социальное порицание»: две стороны одной медали? // Язык, текст и культура: проблемы лингвистики и изучения русского языка как иностранного : III Междунар. науч.-практ. конф. (Майкоп, 8–9 июня 2023 года). Майкоп, 2023. С. 27–31.
18. Погонцева Д. В. Шутки про внешний облик в соцсетях: к вопросу классификации // Мир науки. Педагогика и психология. 2024. Т. 12, № 1. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/103PSMN124.pdf> (дата обращения: 10.06.2025).
19. Мельничук В. А. Функционирование слов со значением «дискриминация по определенному признаку» в русском языке (на примере лексических единиц фэтфобия и фэтшейминг) // Неология. Неография. 2021 : сб. науч. ст. междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 1–2 декабря 2021 года). СПб., 2022. С. 115–123.
20. Дабаева Г. Р. Шейминг в Интернете как негативная тенденция в современном медиапространстве // Перспективные научные исследования: опыт, проблемы и перспективы развития : сб. науч. ст. по материалам X Междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 4 апреля 2023 года). Уфа, 2023. Ч. 2. С. 116–123.
21. Кузнецова Н. Н. О тематической группе «межличностные отношения» среди новых слов // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 4 (89). С. 498–501.
22. Лутовинова О. В. Шейминг как речевой жанр // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 3 (35). С. 212–219.
23. MacMillan A., Hohenschurz-Schmidt D., Migliarini V., Draper-Rodi J. Discrimination, bullying or harassment in undergraduate education in the osteopathic, chiropractic and physiotherapy professions: A systematic review with critical interpretive synthesis // International Journal of Educational Research Open. 2022. Vol. 3. Pp. 100–105.
24. Луценко С. И. Клевета – категория оценочных суждений // Государство и право. 2019. № 7. С. 173–178.

REFERENCES

1. Shustova S.V., Shipitsin A.A. New vocabulary in the discursive practice of “cancel culture”. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika = Theoretical and Applied Linguistics*, 2023, vol. 9, no. 3, pp. 203–217. (In Russ.).
2. Kamiński M., Wieczorek T., Kręgielska-Narożna M., Bogdański P. Tweeting about fatphobia and body shaming: A retrospective infodemiological study. *Nutrition*, 2024, vol. 125, pp. 112–497.
3. Bochaver A.A., Khlomov K.D. Bullying as an object of research and a cultural phenomenon. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2013, vol. 10, no. 3, pp. 149–159. (In Russ.).
4. Petrosyants V.R. Psychological characteristics of high school students, bullying participants in the educational environment. *Pis'ma v Emissiya. Offlain = Letters to the Issue. Offline*, 2010, no. 11, p. 1,479. (In Russ.).
5. Clerincx T., Schaillée H., Spaaij R. Psychological violence and psychological bullying among children in sports: A systematic review. *Aggression and Violent Behavior*, 2025, vol. 82, pp. 1–25.
6. Soldatova G.U., Yarmina A.N. Cyberbullying: features, role structure, child-parent relations and coping strategies. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2019, vol. 3, no. 3 (35), pp. 17–31. (In Russ.).
7. Antipina S.S. *Sotsial'no-psikhologicheskie determinanty kiberagressii u podrostkov: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Socio-psychological determinants of cyber aggression in adolescents: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation abstract]. Saint Petersburg, 2025. 27 p.
8. Korzun S.A., Strapko O.V. Bullying as a form of aggression in adolescence. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk = Actual Problems of Humanities and Socio-Economic Sciences*, 2017, vol. 11, no. 8, pp. 107–111. (In Russ.).
9. Movchan O.A. Bullying as a form of aggression in adolescence. In: *Lichnost' v obrazovatel'nom prostranstve: variativnost' podkhodov k sodержaniyu i tekhnologiyam psikhologo-pedagogicheskogo soprovozhdeniya: sb. nauch. tr. (Khabarovsk, 20–21 noyabrya 2019 goda)* [Personality in the educational space: variability of approaches to the content and technologies of psychological and pedagogical support: collection of scientific papers (Khabarovsk, November 20–21, 2019)]. Khabarovsk, 2020. Pp. 292–298. (In Russ.).
10. Kononov A.N., Shaklein A.A. External beauty and attractiveness of a person as psychological determinants of lookism. In: *Aktual'nye problemy teorii i praktiki psikhologicheskikh, psikhologo-pedagogicheskikh, pedagogicheskikh i lingvodidakticheskikh issledovaniy : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Mytishchi, 13–14 aprelya 2022 goda)* [Actual problems of theory and practice of psychological, psychological-pedagogical, pedagogical and linguodidactic research: materials of the international scientific and practical conference (Mytishchi, April 13-14, 2022)]. Moscow, 2022. Pp. 708–712. (In Russ.).
11. Labunskaya V.A. Ethnolookism as a factor in reducing the psychological safety of ethno-cultural groups with different types of appearance. *Voprosy bezopasnosti = Security Issues*, 2018, no. 6, pp. 1–8. (In Russ.).
12. Nikhaeva Ya.M. The problem of adolescent bullying in modern society. In: *Sovremennye nauchnye issledovaniya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii: sb. st. VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Penza, 6 iyulya 2019 goda)* [Modern scientific research: current issues, achievements and innovations: collection of articles of VIII International scientific and practice conference (Penza, July 6, 2019)]. Penza, 2019. Pp. 323–325. (In Russ.).
13. Nogerova M.T., Shogentsukova M.A. Causes and consequences of bullying in the educational environment. In: *Pedagogika, obrazovanie, innovatsii: sb. nauch. tr.* [Pedagogy, education, innovation: collection of scientific works]. Nalchik, 2024. Pp. 24–31. (In Russ.).
14. Pogontseva D.V. Appearance as a basis for bullying. In: *Sotsial'naya psikhologiya vneshnego oblika: teoreticheskie podkhody i empiricheskie issledovaniya* [Social psychology of appearance: theoretical approaches and empirical research]. Rostov-on-Don, 2019. Pp. 135–139. (In Russ.).
15. Demicheva A.V. Discrediting religion: the meaning of science. *Colloquium-Journal*, 2023, no. 7-1 (166), pp. 47–49. (In Russ.).
16. Novoselova A.N., Podkovyrina V.S., Sannikova D.V. Shaming as a form of speech aggression in internet communication. *Tribuna uchenogo = Tribune of the Scientist*, 2023, no. 5, pp. 187–193. (In Russ.).
17. Kozhukhova I.V. Genres of “heiming” and “public censure”: two main themes? In: *Yazyk, tekst i kul'tura: problemy lingvistiki i izucheniya russkogo yazyka kak inostrannogo: III Mezhdunar. nauch. -*

prakt. konf. (Maikop, 8–9 iyunya 2023 goda) [Language, technology and culture: problems of linguists and learning Russian as a foreign language: III month of scientific and practical conference (Maikop, June 8–9, 2023)]. Maikop, 2023. Pp. 27–31. (In Russ.).

18. Pogontseva D.V. Jokes about appearance on social networks: on the issue of classification. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya = World of Science. Pedagogy and Psychology*, 2024, vol. 12, no. 1. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/103PSMN124.pdf> (In Russ.). (Accessed June 10, 2025).

19. Mel'nichuk V.A. The functioning of words with the meaning "discrimination on a certain basis" in the Russian language (on the example of lexical units fatphobia and fatshaming). In: *Neologiya. Neografiya. 2021: sb. nauch. st. mezhdunar. nauch. konf. (Sankt-Peterburg, 1–2 dekabrya 2021 goda)* [Neologiya. Neographics. 2021: collection of scientific articles of the International scientific conference (Saint Petersburg, December 1–2, 2021)]. Saint Petersburg, 2022. Pp. 115–123. (In Russ.).

20. Dabaeva G.R. Heiming in the inner world as a negative trend in modern medicine. In: *Perspektivnye nauchnye issledovaniya: opyt, problemy i perspektivy razvitiya: sb. nauch. st. po materialam X Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Ufa, 4 aprelya 2023 goda). Ch. 2* [Scientific research: experience, problems and development prospects: Senior researcher in the materials of the X International Scientific and Practical Conference (Ufa, April 4, 2023). Part 2]. Ufa, 2023. Pp. 116–123. (In Russ.).

21. Kuznetsova N.N. About the thematic group "interpersonal relationship" among new words. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = World of Science, Culture, Education*, 2021, no. 4 (89), pp. 498–501. (In Russ.).

22. Lutovinova O.V. Shaping as a speech genre. *Zhany rech'i = Genres of speech*, 2022, vol. 17, no. 3 (35), pp. 212–219. (In Russ.).

23. MacMillan A., Hohenschurz-Schmidt D., Migliarini V., Draper-Rodi J. Discrimination, bullying or harassment in undergraduate education in the osteopathic, chiropractic and physiotherapy professions: A systematic review with critical interpretive synthesis. *International Journal of Educational Research Open*, 2022, vol. 3, pp. 100–105.

24. Lutsenko S.I. The defamation - a category of value judgment. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2019, no. 7, pp. 173–178. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ДАРЬЯ ВИКТОРОВНА ПОГОНЦЕВА – кандидат психологических наук, доцент, доцент Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия, pogontsevad@sfedu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

DAR'YA V. POGONTSEVA – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, associate professor at the Academy of Psychology and Pedagogy of the Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, pogontsevad@sfedu.ru

Статья поступила 20.08.2025

Научная статья

УДК 159.9

doi 10.46741/sgjournal.2025.19.4.009

Причины цифрового выгорания курсантов образовательных организаций ФСИН России

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГРЯЗНОВ

Самарский юридический институт ФСИН России, Самара, Россия,
sagryaznov@yandex.ru

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ КУЗНЕЦОВ

Академия ФСИН России, Рязань, Россия, mikhail_kuznetsov_1962@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются причины и условия, способствующие цифровому выгоранию сотрудников уголовно-исполнительной системы. Исследование проведено на материалах анкетирования курсантов старших курсов факультета психологии и пробации Академии ФСИН России, имеющих опыт работы в цифровой среде не только в рамках образовательной деятельности, но и при прохождении практик в исправительных учреждениях различных регионов России. Целью исследования является анализ особенностей работы в цифровой среде, ускоряющих развитие синдрома выгорания: дистанционные коммуникации, информационная доступность и перегрузка, сниженная физическая активность, технологический стресс и неопределенность, сложности в управлении временем курсантов. Сделан вывод о необходимости учета рисков работы в цифровой сфере и возникновения выгорания, осуществления мер по профилактике психологического здоровья работников пенитенциарной системы.

Ключевые слова: образовательные организации ФСИН России; курсанты; цифровая среда; выгорание; психологическое здоровье.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

Для цитирования: Грязнов С. А., Кузнецов М. И. Причины цифрового выгорания курсантов образовательных организаций ФСИН России // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2025. № 4 (19). С. 71–77. doi 10.46741/sgjournal.2025.19.4.009.

Original article

Causes of Digital Burnout among Cadets of Educational Institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia

SERGEI A. GRYZANOV

Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara,
Russia, sagryaznov@yandex.ru

MIKHAIL I. KUZNETSOV

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia,
mikhail_kuznetsov_1962@list.ru

Abstract. The article considers causes and conditions contributing to digital burnout of employees of the penal system. The study was conducted on the basis of a survey of senior cadets of the Faculty of Psychology and Probation of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, who have experience working in the digital environment not only in the framework of educational activities, but also during internships in correctional institutions in various regions of Russia. The purpose of the study is to analyze the features of working in a digital environment that accelerate the development of burnout syndrome: remote communications, information accessibility and overload, reduced physical activity, technological stress and uncertainty, difficulties in managing cadets' time. It is concluded that it is necessary to take into account the risks of working in the digital sphere and the occurrence of burnout, and to take measures to prevent the psychological health of prison system workers.

Key words: educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia; cadets; digital environment; burnout; psychological health.

5.3.9. Legal psychology and accident psychology.

For citation: Gryaznov S.A., Kuznetsov M.I. Causes of digital burnout among cadets of educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2025, no. 4 (19), pp. 71–77. doi 10.46741/sjjournal.2025.19.4.009.

На нынешнем этапе цифровой революции существует насущная потребность в осмыслении профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС), в том числе и курсантов ведомственных вузов, с учетом новых аспектов, прежде всего негативных, отражающихся на функциональных возможностях обучающихся, состоянии их психологического здоровья.

Целью нашего исследования является анализ особенностей работы в цифровой среде, ускоряющих развитие синдрома выгорания у обучающихся в вузах пенитенциарного ведомства. Объектом исследования стал феномен цифрового выгорания, а предметом – специфика цифрового выгорания курсантов образовательных организаций ФСИН России.

Мы разделяем мнение Н. Е. Водопьяновой о том, что в связи с цифровизацией общества и трудовой деятельности исследовательские акценты все более перемещаются на рассмотрение рисков синдрома выгорания специалистов, ежедневно работающих в цифровой информационной среде, обнаруживаются факты выгорания также среди специалистов профессий «человек – знак» или профессий «субъект – цифрового взаимодействия» [1–3]. Выявлены корреляции выгорания с проявлениями различных стресс-синдромов – прокрастинации, одиночества, депрессии, сниженной работоспособности, утомления и др. [4].

Одним из первых симптомы выгорания описал американский ученый немецкого происхождения Герберт Фройденбергер. Этот термин в его первоначальной интерпретации отражал невротическое расстройство у здоровых людей, возникающее в результате интенсивного и эмоционально нагруженного общения в процессе профессионального взаимодействия с клиентами, пациентами и учениками [5].

Феномен цифрового выгорания исследуется в психологической науке на современном этапе ее развития [6–8]. Оно понимается как эмоциональное и когнитивное истощение, связанное с продолжительной работой в виртуальной среде. Оно связано с отсутствием живой коммуникации, постоянной доступностью и переизбытком информации [8].

Различные аспекты психологического выгорания сотрудников УИС и курсантов вузов ФСИН России рассматривались в ряде научных работ [9; 10]. Однако специфика цифрового выгорания вышеназванных категорий сотрудников в достаточной степени пока еще не исследована.

Отметим, что для индивида, осуществляющего деятельность в цифровой среде, крайне важна смысловая регуляция работы в условиях применения резервных психических усилий, вспомогательных временных затрат для освоения дополнительных операций по сравнению с доцифровой средой или другими технологиями [11]. Иными словами, если смысловая нагрузка ежедневной цифровой деятельности не предоставляется курсанту своевременно и в достаточном объеме, время работы не определено, цифровые коммуникации осуществляются под давлением, то работа в цифровой среде приобретает отрицательный, или регрессивный, оттенок. Например, обязательность обратной связи в любое время суток под угрозой штрафных санкций либо вербальная агрессия со стороны руководителя.

Индикаторами процессов выгорания могут являться переживания, связанные с преобладанием потерянных ресурсов над приобретенными и их ценностным аспектом [4].

Обратим внимание на особенности работы в цифровой среде, ускоряющие развитие синдрома выгорания.

1. Дистанционные коммуникации. Они могут восприниматься как косвенные, не задействованные в глубоком человеческом общении. Не включают в себя физические ощущения нахождения в социальной среде. Например, запах, являющийся первичным способом оценки физического тела человека, с которым мы общаемся. Запах подает нашему мозгу не только сигналы страха или скрытой агрессии, но и общих интересов. Во время перерыва происходит оценка культурной либо национальной общности предпочтений. Подчеркнем, что межличностные коммуникации в большой мере создают психологический климат коллектива. Их отсутствие приводит к дефициту положительных реакций собеседника – поддержки, одобрения, повышает уровень социально-психологического стресса.

2. Информационная доступность и перегрузка создают режим работы, когда количество данных, поступающих для обработки и анализа в мозг, превышает качественные пределы. Когнитивная система вынуждена ограничивать время на каждую информацию, процесс становится более поверхностным, периферийным, затрудняется концентрация на главных задачах. Динамичность процесса вызывает информационный стресс, умственное утомление.

3. Сниженная физическая активность наращивает риск лишнего веса, проблем с позвоночником и кровеносной системой.

4. Сложности в управлении временем перерастают в ощущение непрерывного рабочего процесса, мыслительной деятельности. В отсутствие четких временных ограничений баланс между периодом работы и отдыхом нарушается.

5. Технологический стресс и неопределенность связаны с беспокойством о недостаточной личной технологичной компетентности. На освоение нового программного обеспечения уходит большой ресурс времени и психической энергии, возникает боязнь стать «технологически старым», невостребованным на профессиональном поприще [4].

На границе ответственности специалистов психологической сферы, занимающихся проблемами людей, профессионально зависимых от цифровой среды, субъектов социально-экономических профессий и IT-сферы, возникают новые ориентиры, связанные с переживаниями профессионального неблагополучия.

Специалисты поясняют, что «наиболее осознаваемыми симптомами профессионального неблагополучия субъектов, работающих в цифровой среде, являются психоэнергетические, психоневротические, темпоральные переживания. Далее идут симптомы нарушения деловых и межличностных коммуникаций, пространственно-временной ориентации». При-

чинами выгорания могут являться высокие требования к большому ряду профессионально важных качеств технической направленности; особенности коммуникаций и ролевые конфликты в рабочей среде; высокая когнитивная сложность и многозадачность работы специалистов; выгорание как следствие истощения от карьерного опыта и обезличивания «цифровых» специалистов; «ловушки» пространственной и временной гибкости работы и жизни в тесном взаимодействии с цифровой средой; технострессы; высокая гиподинамия и «экранная» работа, ухудшение здоровья; снижение ценностного отношения к личности в группе или полное его игнорирование [4].

В рамках исследования обозначенной проблемы мы провели анкетный опрос 78 курсантов старших (3–5) курсов, обучающихся на факультете психологии и пробации Академии ФСИН России.

На первый вопрос о наличии в поведении окружающих людей проявления цифрового выгорания 55 % респондентов ответили положительно, 40 % – отрицательно, 5 % затруднились с ответом.

Затем было предложено проанализировать личные проявления различных аспектов цифрового выгорания. Для обобщения были сформулированы признаки выгорания: «усталость, психоэнергетическое истощение, невротизация (тревожность, страхи, опасения нарушения здоровья)»; «утрата многообразия профессиональных взаимодействий и социальных отношений»; «социальная отчужденность», «сетевое одиночество – снижение желания реального общения в пользу дистанционного»; «ограничение возможностей социальной жизни»; «искажение чувства времени, стирание границ между работой и отдыхом, снижение профессиональной мотивации».

35 % респондентов подтверждают наличие у себя перечисленных проявлений. Особенно курсантов тревожат позиции «снижение стрессоустойчивости», «внимательность к деталям» в контексте требований к профессионально важным качествам сотрудника уголовно-исполнительной системы. Отметим, что стремление к совершенствованию профессионального мастерства является неотъемлемой частью карьерного роста. Следует отметить внимательность к собственной личности, изменению индивидуальных психологических и физических параметров, стремление к идеальным характеристикам. 50 % респондентов отрицают индивидуальное цифровое выгорание по результатам самонаблюдений. 15 % респондентов затруднились ответить.

Также нами были исследованы особенности работы в цифровой среде, которые могут способствовать выгоранию. 45 % опрошенных признали, что опосредованные и дистанционные коммуникации вызывают ощущение одиночества и изоляции при дефиците личных контактов, 35 % респондентов отрицают данный фактор, 15 % не ответили.

С тем, что информационная доступность и перегрузка затрудняют выбор информационных приоритетов, концентрацию на главных задачах, согласны 70 % респондентов, 25 % респондентов отрицают данный фактор, 5 % затрудняются с ответом.

Подтвердили снижение физической активности и формирование привычки к сидячему образу жизни 60 % респондентов, 40 % опрошенных считают это не существенным для курсантов ведомственных вузов ФСИН России.

Также были изучены особенности управления временем и рабочим процессом за пределами служебного места без регламентации периода деятельности. Отметим, что эти особенности могут стать доминирующими в процессе цифрового выгорания, поскольку у индивидуума может сформироваться ощущение, что он не принадлежит самому себе. В нашем опросе 55 % респондентов дали положительный ответ, 40 % – отрицательный, 5 % – затруднились в ответе.

Причина «ловушки» пространственной и временной гибкости работы, когда деловые и личные контакты не ограничены временем суток, рабочим местом, в контексте цифрового выгорания определена большинством (60 % респондентов) как существенная.

В ходе исследования нами также выявлены признаки технологического стресса и неопределенности курсантов, возникшие на фоне беспокойства о проблемах с новым оборудованием и программным обеспечением. Бурное развитие IT-области вынуждает специалистов, работающих в цифровой среде, внимательно отслеживать технологические новинки, изучать новое программное обеспечение. 50 % респондентов отметили технологический стресс как причину цифрового выгорания, 45 % участвующих в опросе не считают ее существенной, 5 % затрудняются с ответом.

Причина «снижение ценностного отношения к личности в группе или полное его игнорирование» признана наиболее вероятной в контексте цифрового выгорания (60 % респондентов дали утвердительный ответ, 35 % – отрицательный, 5 % респондентов затруднились ответить). Высказаны мнения, что «в больших группах личность воспринимается незначительной на фоне коллективных целей или ценностей», «когда человек исключается из общения в группе (буллинг), его мнение и личность игнорируются».

Следует подчеркнуть, что участвующие в исследовании считают личностные и ролевые проблемы в группе более существенной причиной, чем технострессы, возникающие из-за использования цифровых технологий.

Таким образом, для курсантов ведомственного вуза как сотрудников УИС наиболее сложными в служебной деятельности представляются проблемы коммуникации в коллективе, ценностного отношения к личности в группе, недопустимость психологического игнорирования. Это напрямую связано с угрозами жизни, вербальной агрессией, сопровождающими служебную деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы. В служебной среде коллективов УИС ценится взаимная психологическая поддержка.

В связи с высокой загруженностью курсантов и сотрудников территориальных органов и учреждений УИС актуальной представляется сложность в управлении временем, поскольку оно влияет на полноценный отдых после работы, отражающийся на физическом и психологическом восстановлении, профилактике нервного истощения, эмоционального выгорания.

Вместе с тем отметим, что технострессы не представляются курсантам слишком существенными. Молодым людям в возрасте 20–23 лет интересно изучение компьютерных программ, технических новинок, если это не связано с цейтнотом – острой нехваткой времени для выполнения задач или принятия решений, достижением идеального результата за короткий промежуток времени. Кроме того, выявлена заинтересованность курсантов и в изучении последствий влияния цифровой среды, новых технологий, внимательное отношение к личному физическому и психологическому состоянию.

Таким образом, в рамках проведенного исследования нами выделены факторы и причины, способствующие цифровому выгоранию курсантов образовательных организаций, осуществляющих подготовку кадров в интересах уголовно-исполнительной системы, в процессе их учебной и служебной деятельности. Учитывая вышеизложенное, в ближайшей перспективе предполагается разработка рекомендаций, направленных на профилактику цифрового выгорания курсантов и сотрудников УИС, чему будет посвящена отдельная статья.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Джанерьян С. Т., Забара И. В. Особенности эмоционального выгорания у программистов с различными типами ценностно-смыслового отношения к профессиональной деятельности // Педагогика и просвещение. 2019. № 2. С. 32–40.
2. Карпов А. В. Методологические основы психологического анализа деятельности субъектно-информационного класса // Ярославский психологический вестник. 2022. № 1 (52). С. 7–24.

3. Лисакова А. А., Иоффе Н. В., Сафина А. С., Курляндская Н. В. Исследование выраженности синдрома выгорания у представителей ИТ-профессий // *Обществознание и социальная психология*. 2022. № 12 (42). С. 47–56.
4. Водопьянова Н. Е. Выгорание – психологическая цена работы в субъект-регрессирующих цифровых средах // *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*. 2024. Т. 9, № 2. С. 36–64.
5. Фройденбергер Г. Выгорание персонала // *Социальные проблемы*. 1974. № 30. С. 159–165.
6. Кузнецова Н. В. Цифровое выгорание: влияние развития информационных технологий на психологическое здоровье практикующих психологов // *Медицинский научный экспериментариум : сб. науч. ст. по материалам науч.-практ. конф. с междунар. участием*. М., 2025. С. 107–113.
7. Шагидаева А. Б. Синдром цифрового выгорания. Методы диагностики, профилактики и коррекции в разных возрастных группах // *Человек, субъект, личность: перспективы психологических исследований : материалы Всерос. науч. конф., посв. 90-летию со дня рождения А. В. Брушлинского и 300-летию основания Российской академии наук*. М., 2023. С. 1418–1423.
8. Пак С. Н. Современные тенденции в исследовании профессионального выгорания педагогов: цифровое выгорание и онлайн-обучение // *Вестник Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева*. 2025. № 3/1. С. 274–282.
9. Зауторова Э. В., Корепанова Ю. Н. Проблема профессионального выгорания сотрудников уголовно-исполнительной системы: гендерный аспект // *Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований*. 2025. № 1 (16). С. 104–109.
10. Кулакова А. М., Крюкова Д. Ю. Особенности эмоционального выгорания у курсантов ведомственного вуза // *Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований*. 2025. № 1 (16). С. 60–66.
11. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания. Диагностика и профилактика : *практ. пособ.* М., 2021. 299 с.

REFERENCES

1. Dzhaner'yan S.T., Zabara I.V. Features of emotional burnout among programmers with different types of value-semantic attitude to professional activity. *Pedagogika i prosveshchenie = Pedagogy and Education*, 2019, no. 2, pp. 32–40. (In Russ.).
2. Karpov A.V. Methodological foundations of psychological analysis of the activity of the subject-information class. *Yaroslavskii psikhologicheskii vestnik = Yaroslavl Psychological Bulletin*, 2022, no. 1 (52), pp. 7–24. (In Russ.).
3. Lisakova A.A., Ioffe N.V., Safina A.S., Kurlyandskaya N.V. study of the severity of burnout syndrome in representatives of IT professions. *Obshchestvoznaniye i sotsial'naya psikhologiya = Social Studies and Social Psychology*, 2022, no. 12 (42), pp. 47–56. (In Russ.).
4. Vodop'yanova N.E. Burnout – the psychological price of work in subject-regressing digital environments. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda = Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational psychology and labor psychology*, 2024, vol. 9, no. 2, pp. 36–64. (In Russ.).
5. Freudenberg G. Staff burnout. *Sotsial'nye problemy = Social Problems*, 1974, no. 30, pp. 159–165. (In Russ.).
6. Kuznetsova N.V. Digital burnout: the impact of information technology development on the psychological health of practicing psychologists. In: *Meditsinskii nauchnyi eksperimentarium: sb. nauch. st. po materialam nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem* [Medical scientific experimentarium : collection of scientific articles based on the materials of the scientific and practical conference with the international with participation]. Moscow, 2025. Pp. 107–113. (In Russ.).
7. Shagidaeva A.B. Digital burnout syndrome. Methods of diagnosis, prevention and correction in different age groups. In: *Chelovek, sub'ekt, lichnost': perspektivy psikhologicheskikh issledovaniy: materialy Vseros. nauch. konf., posv. 90-letiyu so dnya rozhdeniya A.V. Brushlinskogo i 300-letiyu osnovaniya Rossiiskoi akademii nauk* [Person, subject, personality: perspectives of psychological research: proceedings of the All-Russian scientific conference dedicated to the 90th anniversary

of the birth of A.V. Brushlinsky and the 300th anniversary of the founding of the Russian Academy of Sciences]. Moscow, 2023. Pp. 1,418–1,423. (In Russ.).

8. Pak S.N. Modern trends in the study of professional burnout of teachers: digital burnout and online learning. *Vestnik Kyrgyzskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I. Arabaeva = Bulletin of the Kyrgyz State University named after I. Arabaev*, 2025, no. 3/1, pp. 274–282. (In Russ.).

9. Zautorova E.V., Korepanova Yu.N. On professional burnout of penal system employees: gender aspect. *Vserossiiskii nauchno-prakticheskii zhurnal sotsial'nykh i gumanitarnykh issledovaniy = All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2025, no. 1 (16), pp. 104–109. (In Russ.).

10. Kulakova A.M., Kryukova D.Yu. Features of emotional burnout of among cadets of a departmental university. *Vserossiiskii nauchno-prakticheskii zhurnal sotsial'nykh i gumanitarnykh issledovaniy = All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2025, no. 1 (16), pp. 60–66. (In Russ.).

11. Vodop'yanova N.E., Starchenkova E.S. *Sindrom vygoraniya. Diagnostika i profilaktika: prakt. posob.* [Burnout syndrome. Diagnosis and prevention: practical guide]. Moscow, 2021. 299 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГРЯЗНОВ – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры юридической психологии, педагогики и организации воспитательной работы с осужденными Самарского юридического института ФСИН России, Самара, Россия, sagryaznov@yandex.ru

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ КУЗНЕЦОВ – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры юридической психологии и педагогики факультета психологии и пробации Академии ФСИН России, Рязань, Россия, mikhail_kuznetsov_1962@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

SERGEI A. GRYAZNOV – Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, associate professor at the Department of Legal Psychology, Pedagogy and Organization of Educational Work with Convicts of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara, Russia, sagryaznov@yandex.ru

MIKHAIL I. KUZNETSOV – Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, associate professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Psychology and Probation Faculty of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, mikhail_kuznetsov_1962@list.ru

Статья поступила 06.10.2025

Научная статья

УДК 159.9.07

doi 10.46741/sgjournal.2025.19.4.010

Отношение к жизни как показатель внутренней безопасности личности у неизлечимо больных осужденных

ЮРИЙ ЮРЬЕВИЧ КУЧКАРЕВ

Межобластная больница № 10 УФСИН России по Вологодской области, Вологда, Россия, kuchkarev_adunktura@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-7194-6037>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности отношения к жизни у неизлечимо больных осужденных, специфика психологического и экзистенциального отношения к жизни лиц данной категории, уделено внимание вопросу внутренней, личностной безопасности неизлечимо больных осужденных. Цель исследования – выявить взаимосвязь между отношением к жизни и уровнем внутренней безопасности неизлечимо больных осужденных, а также определить особенности жизненных установок неизлечимо больных осужденных в условиях пенитенциарных учреждений. Сделан вывод о том, что наличие у осужденных неизлечимого заболевания и осознание собственной скорой смерти способны приводить к нарушению социально значимых связей, режима, поведенческим нарушениям и деструкциям. Отношение к жизни раскрывается как аспект профилактики суицидального поведения у осужденных изучаемой категории.

Ключевые слова: отношение к жизни; неизлечимо больные осужденные; внутренняя безопасность личности; исправительное учреждение; пенитенциарная система; отношение к смерти; экзистенциальный кризис.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

Для цитирования: Кучкарев Ю. Ю. Отношение к жизни как показатель внутренней безопасности личности у неизлечимо больных осужденных // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2025. № 4 (19). С. 78–83. doi 10.46741/sgjournal.2025.19.4.010.

Original article

Attitude to Life as an Indicator of the Internal Security of an Individual among Terminally Ill Convicts

YURII YU. KUCHKAREV

Interregional Hospital for Convicts No. 10 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Vologda Oblast, Vologda, Russia, kuchkarev_adunktura@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-7194-6037>

Abstract. The article considers the specifics of an attitude towards life among terminally ill convicts, the specifics of a psychological and existential attitude towards life

among persons in this category, and focuses on the issue of internal, personal security of terminally ill convicts. The purpose of the study is to identify the relationship between the attitude to life and the level of internal security of terminally ill convicts, as well as to identify features of attitudes of terminally ill convicts in penitentiary environment. It is concluded that the presence of an incurable disease and the awareness of imminent death can lead to the violation of socially significant relationships, regime, behavioral disorders and destructions on the part of this category of convicts. The attitude to life is revealed as an aspect of the prevention of suicidal behavior among convicts of the studied category.

Key words: attitude to life; terminally ill convicts; internal security of an individual; correctional institution; penitentiary system; attitude to death; existential crisis.

5.3.9. Legal psychology and accident psychology.

For citation: Kuchkarev Yu.Yu. Attitude to life as an indicator of the internal security of an individual among terminally ill convicts. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2025, no. 4 (19), pp. 78–83. doi 10.46741/sjjournal.2025.19.4.010.

В настоящее время в условиях совершенствования деятельности отечественной уголовно-исполнительной системы актуализируется проблема работы с осужденными различных категорий, в частности с категорией осужденных с неизлечимыми заболеваниями, рост числа которых наблюдается в последнее время. Данные ФСИН России показывают, что на конец декабря 2024 г. в пенитенциарных учреждениях уровень заболеваемости туберкулезом составлял 78,8 на 100 тыс. чел., причем на терапии от туберкулеза находились 9209 чел. Общее число осужденных с ВИЧ-инфекцией на конец декабря 2024 г. составляло 51 627 чел. [1].

К неизлечимым заболеваниям относят вирус иммунодефицита человека (ВИЧ), онкологические заболевания (рак), синдром приобретенного иммунодефицита (СПИД), вирусы гепатита (A, B, C, D, E). В этой связи исследование отношения к жизни как показателя внутренней безопасности личности у неизлечимо больных осужденных даст возможность более полно рассмотреть изучаемую проблему и найти пути к построению программ социально-психологического сопровождения данной категории осужденных в пенитенциарных учреждениях [2].

Отметим, что четко выстроенная система работы пенитенциарной медицины и пенитенциарной психологической помощи во взаимодействии органов ФСИН России с контингентом осужденных с неизлечимыми заболеваниями наиболее полно отражает уровень нравственности, культуры общества, уровень его цивилизованности.

Изучаемая проблема позволяет понять особенности человеческого сознания, внутренний мир личности, находящейся в условиях существования, близких к экстремальным. Вопрос отношения к жизни неизлечимо больных осужденных характеризует проблему, остро стоящую перед современной пенитенциарной системой и отражающую всю сложность психологического и экзистенциального состояния индивидов, отбывающих наказание в виде лишения свободы, перед лицом смерти. Такие осужденные встают перед проблемой – они должны примириться с неизбежностью собственной смерти и одновременно осознать свою социальную вину в полной мере.

Важнейшей целью наказания в виде лишения свободы является создание условий для осознания осужденным собственной вины, раскаяния за содеянное, изменение отношения к собственным поступкам, выстраивание собственного социально приемлемого жизненного пути после освобождения. Однако осуществление указанных условий в отношении осужденных в значительной мере осложняется наличием диагноза неизлечимого заболевания [3].

Таким осужденным сложно планировать свое будущее. Они не могут спрогнозировать даже на ближайшее время, чтобы не затронуть собственное психологическое состояние. У них даже такое событие, как освобождение, не вызывает положительных эмоций. Они не желают видеть грустных событий, вспоминать свой диагноз. Такие осужденные в качестве решения проблем видят собственную смерть из-за отчаяния.

Неизлечимая болезнь, ее течение и близкие перспективы смерти способны привести осужденного к утрате социальных связей, нарушению внутреннего распорядка, возникновению поведенческих отклонений, развитию агрессивности, усилению тревожности, падению самооценки, концентрации на себе как на больном, утрате социальных навыков, ведению аморального образа жизни, алкоголизации, потере самообладания и утрате жизненных ориентиров. Все отмеченное выше может в значительной мере осложнить процесс ресоциализации осужденных.

Отношение к жизни и смерти характеризует систему, в основе которой лежат определенные эмоциональные и рациональные компоненты: это степень принятия жизни и смерти, принятие себя, видение смысла, ответственность, психологическая защищенность, стремление к саморазвитию. Смерть представляется как переход в иное состояние либо как конец всему. При различном соотношении эмоциональных и рациональных компонентов отношения к жизни и смерти в критических ситуациях включаются те или иные стратегии совладания с ними [4].

У осужденных отношение к жизни выражается различным образом и во многом определяется их индивидуальностью, сложившимся мировоззрением, наличием той или иной системы ценностей, взглядов и убеждений, тяжестью симптоматики заболевания, а также возрастом, наличием деструктивных привычек в виде алкоголизма или наркомании. Осужденные могут достаточно правильно и адекватно относиться к собственному заболеванию, могут переоценивать собственное заболевание либо недооценивать его тяжесть, осознанно исказить его оценку. Чем более адекватно осужденный воспринимает сложность и опасность своего состояния, тем более успешно у него формируется новое отношение сначала к самому себе, а затем и к правам и морали [3].

В случае наличия неизлечимого заболевания часто отмечаются склонность к депрессии и пессимизму в восприятии жизненных событий, а также апатия и безразличие к жизни. У таких лиц утрачивается личностная внутренняя безопасность, характеризующаяся состоянием комфорта, ощущением защищенности и уверенности человека в завтрашнем дне, благодаря которой человек может адекватно воспринимать окружающую реальность. Человек осознает приближение своей смерти, он начинает явно ощущать всю временность своего существования [5].

Отмечается проявление внутренних личностных конфликтов, связанных с утратой внутренней безопасности личности. У осужденных с неизлечимыми заболеваниями усиливаются переживания за свою жизнь, страхи, они могут и вовсе утрачивать понимание собственной жизни, отстраняются, полагают, что все произошедшее случайно, постоянно думают о смерти, сомневаются в лечении и отказываются от терапии. Нарушается адаптация к заболеванию: усиливаются соматические проявления заболевания, падает физическая активность, присоединяются сопутствующие заболевания и др. Возможны также развитие негативных состояний в виде тяжелой депрессии или совершение суицидальных действий под влиянием негативного эмоционального фона (после получения информации о тяжелом заболевании).

Среди важнейших аспектов внутренней безопасности личности необходимо выделить следующие: наличие психического здоровья (отсутствие заболеваний, а также факторов, которые могут их вызывать), здоровый образ жизни (отсутствие вредных и деструктивных привычек, личностная направленность на развитие), поддержка близких и окружения, состояние эмоционального комфорта, уверенность в своем будущем (выражается в стабильности, возможности реализовывать запланированное), личностная автономность (самостоятельность в принятии решений и действий) [6].

Применительно к категории осужденных с неизлечимыми заболеваниями отметим, то у них развивается психологическая нестабильность, им крайне сложно справляться со стрессом и жизненными трудностями, сохранять самообладание, доверие к миру, теряется душевное равновесие. Такие лица во многом ощущают лишь отсутствие собственной значимости и утрату контроля над собственной жизнью, воспринимают среду своего пребывания как враждебную, а социальная поддержка представляется им и вовсе недостижимой. У осужденных нет физических сил противостоять вызовам среды.

Вследствие заболевания у таких осужденных развиваются различные психологические проблемы, появляющиеся вследствие перспективы скорой смерти из-за болезни:

- социальная изоляция, в результате которой осужденный оказывается отстраненным от социума, и социум избегает его, вследствие чего утрачиваются социально полезные навыки и социальные связи, что значительно усложняет ресоциализацию таких осужденных;

- утрата контроля над собственной жизнью, когда осужденный полагает, что не может планировать свою жизнь даже на ближайший срок, не может управлять событиями своей жизни;

- ощущение страха перед близкой смертью, которое возникает при постоянных, навязчивых мыслях о смерти, своем заболевании, страданиях, что усиливает негативные психоэмоциональные состояния (тревога, депрессия);

- невозможность принятия решений, что проявляется в резкой самокритике, боязни отвержения со стороны других, зависимости от мнения других.

Осужденные с неизлечимыми заболеваниями переживают собственную незащищенность, не могут сохранить состояние внутренней стабильности, ощущение своей жизненной силы, личностный ресурс утрачивается. Человек не может противостоять давлению ситуаций извне, пространство личности сужается и полностью теряется ощущение личностной свободы, душевное благополучие утрачивается, приводя к негативным изменениям в психоэмоциональной сфере и делая невозможным формирование психологической безопасности [5].

Сама жизнь ставит осужденных с неизлечимым заболеванием перед вопросом смысла жизни и страха смерти. Осужденные с неизлечимыми заболеваниями, находясь в сложной кризисной ситуации, не в состоянии переключаться на какие-то иные дела, вопрос встречи со смертью крайне актуален, человек не может от него отвлечься, и мало того, зачастую им применяются стратегии поведения, лишь усугубляющие его психическое здоровье, – самообвинение, самобичевание, осознание безнадежности и покинутости, подавление эмоций.

Сложное кризисное состояние способно усиливать тревогу и страх перед смертью, вызывать ощущение безысходности и внутреннего разлада. Однако это же состояние может стать отправной точкой для переоценки ценностей, подведения итогов, принятия своего состояния и раскаяния в содеянном, сожаления о произошедшем. Подобный кризис сопровождается мучительным для осужденного переосмыслением произошедшего, а также переосмыслением собственных внутренних изменений, переживанием этого нового понимания в себе.

Ситуация кризиса преобразует отношение к жизни и смерти, при этом направление данных преобразований может во многом зависеть от самой возможности осужденного интегрировать полученный негативный опыт психотравмы, а также отношение к ситуации. Кризис достаточно ярко проявляется через появляющееся чувство тревоги, одиночества, страха, тоски и подавленности, способен вызвать значительный дисбаланс в психической деятельности, ее дезорганизацию.

Неизлечимое заболевание вынуждает осознать конечность существования, и такое осознание ведет к экзистенциальным размышлениям о смысле жизни и смерти. Утраченный контроль над собой, ситуацией, своей судьбой инициирует возникновение целого комплекса эмоций, состоящего из гнева, тоски и смирения. Формируется роль больного, подразумевающая новые эмоции и социальные обязательства. Характер эмоций может

побуждать человека к переоценке ценностей, поиску смысла жизни, стремлению примириться с реальностью и людьми вокруг. Система потребностей таких осужденных значительно сужается, доходя до стремления достичь физиологическое благополучие при утрате самоактуализации личности [7].

В плане отношения к жизни у неизлечимо больных осужденных происходит осознание конечности существования, что сопровождается отчаянием, депрессией, переоценкой своего прошлого, отношения к окружающим в прошлом. Может наблюдаться некоторая попытка компенсации своих деяний позитивным поведением, помощью другим осужденным, активным посильным участием в общественных делах пенитенциарного учреждения.

Во многом такие осужденные погружаются в прошлое, в воспоминания о нем, осуществляют попытки наладить отношения с близкими и осмыслить прожитое, что помогает смягчить чувство одиночества и безысходности, а также обрести смысл и принять ситуацию. Также возможно обращение к религии, которая становится источником надежды и помогает справиться с чувством вины [8].

В становлении отношения осужденного с неизлечимым заболеванием к жизни особую роль играют отношения с окружением – сотрудниками исправительного учреждения, другими осужденными, администрацией. Окружение может стать источником понимания и эмоциональной поддержки, позволить самовыразиться, понять свое место в мире. Это и является механизмом адаптации, который дает возможность справиться с неизбежностью. В условиях пенитенциарной системы поддержка со стороны окружения может быть весьма действенной. Так, установление взаимоотношений может уменьшить эмоциональную подавленность, чувство изоляции, создать ощущение принадлежности к социуму, преодолеть ощущение одиночества, повысить самооценку.

Таким образом, проблема отношения к жизни у неизлечимо больных осужденных представляет собой многоаспектное поле для исследования, она отражает глубинные переживания личности, включает адаптационные механизмы в условиях кризиса, связана с действием предельных характеристик стресса. И здесь важнейшим является отношение осужденного к прошлому, настоящему и будущему. При приближении смерти отмечается особое восприятие времени, заполненное сложным комплексом отчаяния, надежды, ожидания. Условия неизлечимого заболевания определяют те или иные поведенческие модели.

Исследование внутренней безопасности осужденных с неизлечимыми заболеваниями может помочь в разработке механизмов помощи и методов психосоциальной реабилитации осужденных, их адаптации к новым жизненным условиям, а также программ поддержки, направленных на снижение уровня рецидивов преступлений после освобождения среди данной категории осужденных. Создание специализированных психокоррекционных программ для неизлечимо больных осужденных может стать важным шагом в гуманизации пенитенциарной системы и повышении качества психологического сопровождения данной категории осужденных.

Перспективным направлением данного исследования является мониторинг изменений жизненных установок и уровня внутренней безопасности у осужденных в момент постановки диагноза, в процессе адаптации к болезни и на поздних стадиях заболевания. Сравнительный анализ отношения к жизни у неизлечимо больных осужденных и лиц с аналогичным диагнозом на свободе поможет выявить особенности влияния лишения свободы на восприятие жизни и внутреннюю безопасность, а также выявить, какие факторы наиболее влияют на личность осужденных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Статистическая информация // Федеральная служба исполнения наказаний : офиц. сайт. URL: <https://pda.fsin.gov.ru/structure/medicine/statisticheskie-dannye-/index.php> (дата обращения: 03.09.2025).

2. Лебедев И. Б., Евсеева И. Г., Чуманов Ю. В. Психологические особенности представления о смысле жизни осужденными и особенности его формирования // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 2. С. 326–332.
3. Шкуратов В. А., Михайлова О. Ю., Котова Т. А. Проблемы изучения отношения к жизни и смерти в юридической психологии // Российский психологический журнал. 2012. № 2. С. 16–22.
4. Юревич А. В. Психологические аспекты отношения к смерти // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 1. С. 123–132.
5. Субботина Л. Ю. Что понимать под состоянием безопасности личности // Ярославский психологический вестник. 2021. № 3 (51). С. 37–42.
6. Субботина Л. Ю., Чудакова Т. Л. Взаимовлияние безопасности личности и ее свойств // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 2 (119). С. 87–95.
7. Williams B. A., Johnson E. M., West T. D. Chronic medical disease and recidivism in older prisoners // Journal of Aging and Social Policy. 2012. № 3 (24). P. 254–266.
8. Fazel S., Baillargeon J. The health of prisoners // The Lancet. 2011. Vol. 377. № 9769. Pp. 956–965.

REFERENCES

1. Statistical information. *Federal'naya sluzhba ispolneniya nakazanii: ofits. sait* [Federal Penitentiary Service of Russia: official website]. Available at: <https://pda.fsin.gov.ru/structure/medicine/statisticheskie-dannye-/index.php> (In Russ.). (Accessed September 3, 2025).
2. Lebedev I.B., Evseeva I.G., Chumanov Yu.V. Psychological features of the idea of the meaning of life by convicts and the features of its formation. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 2, pp. 326–332. (In Russ.).
3. Shkuratov V.A., Mikhailova O.Yu., Kotova T.A. Problems of studying attitudes to life and death in legal psychology. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian Psychological Journal*, 2012, no. 2, pp. 16–22. (In Russ.).
4. Yurevich A.V. Psychological aspects of the attitude to death. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2018, no. 1, pp. 123–132. (In Russ.).
5. Subbotina L.Yu. What is meant by the state of personal security. *Yaroslavskii psikhologicheskii vestnik = Yaroslavl Psychological Bulletin*, 2021, no. 3 (51), pp. 37–42. (In Russ.).
6. Subbotina L.Yu., Chudakova T.L. Subbotina L. Yu., Chudakova T. L. The mutual influence of personal security and its properties. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2021, no. 2 (119), pp. 87–95. (In Russ.).
7. Williams B.A., Johnson E.M., West T.D. Chronic medical disease and recidivism in older prisoners. *Journal of Aging and Social Policy*, 2012, no. 3 (24), pp. 254–266.
8. Fazel S., Baillargeon J. The health of prisoners. *The Lancet*, 2011, vol. 377, no. 9,769, pp. 956–965.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ЮРИЙ ЮРЬЕВИЧ КУЧКАРЕВ – старший психолог психологической лаборатории Меж-областной больницы № 10 УФСИН России по Вологодской области, Вологда, Россия, kuchkarev_adunktura@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-7194-6037>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

YURII Yu. KUCHKAREV – Senior Psychologist at the Psychological Laboratory of the Interregional Hospital for Convicts No. 10 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Vologda Oblast, Vologda, Russia, kuchkarev_adunktura@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-7194-6037>

Статья поступила 21.09.2025

Научная статья

УДК 159.9

doi 10.46741/sgjournal.2025.19.4.011

Основные недостатки зарубежных теорий полиграфа

ФЕЛИКС КОНСТАНТИНОВИЧ СВОБОДНЫЙ

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева, Москва, Россия, sfk_felix@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные зарубежные теории, объясняющие динамику физиологических процессов человека в условиях исследования с применением полиграфа. Отмечаются присущие данным теориям редукционизм, психофизиологический параллелизм и отсутствие экспериментального подтверждения. Высказывается мнение о принципиальной невозможности создания специальной теории полиграфа. Теоретическое обоснование метода полиграфа предлагается разрабатывать в русле современных достижений психологии и психофизиологии.

Ключевые слова: полиграф; теории полиграфа; психофизиологический параллелизм; психология; психофизиология.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

Для цитирования: Свободный Ф. К. Основные недостатки зарубежных теорий полиграфа // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2025. № 4 (19). С. 84–88. doi 10.46741/sgjournal.2025.19.4.011.

Original article

Key Disadvantages of Foreign Polygraph Theories

FELIKS K. SVOBODNYI

Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, sfk_felix@mail.ru

Abstract. The article discusses key foreign theories justifying the dynamics of human physiological processes in a polygraph study. Reductionism inherent in these theories, psychophysiological parallelism and a lack of experimental confirmation are noted. The opinion is expressed about the fundamental impossibility of creating a special theory of the polygraph. The theoretical justification of the polygraph method is proposed to be developed in line with modern achievements in psychology and psychophysiology.

Key words: polygraph; polygraph theory; psychophysiological parallelism; psychology; psychophysiology.

5.3.9. Legal psychology and accident psychology.

For citation: Svobodnyi F.K. Key disadvantages of foreign polygraph theories. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2025, no. 4 (19), pp. 84–88. doi 10.46741/sgjournal.2025.19.4.011.

Проблемы противодействия преступности в современном мире обуславливают необходимость обоснования, создания и развития эффективных технологий раскрытия преступлений. Примером таких технологий является исследование с применением полиграфа, с одной стороны, имеющее более чем столетнюю историю, а с другой – до сих пор являющееся наиболее проблемным методом, применяющимся при расследовании преступлений.

В данной статье мы попытаемся описать главные, на наш взгляд, теоретические проблемы использования полиграфа в интересах следствия и выявить ориентиры для их успешного разрешения.

Как известно, полиграфом (а точнее «специализированным полиграфом») сейчас называется аппаратный (программно-аппаратный) комплекс, регистрирующий динамические особенности показателей как минимум трех сложных физиологических процессов организма человека: дыхания, сердцебиения и электрической активности кожи. При этом собственно измерительной техникой полиграф не является и как измерительный прибор не сертифицируется.

По нашему мнению, реализация исследования с применением специализированного полиграфа, подразумевающая «предъявление» вербальных или визуальных стимулов и регистрацию динамики физиологических показателей, возникающей «в ответ» на стимулы, строится на основе методологии психологического эксперимента [1], в рамках классической науки, то есть без учета парадигмы активности субъекта, характерной для неклассического и постнеклассического периодов развития науки.

Сегодня в качестве теоретических основ применения полиграфа при расследовании преступлений выступают так называемые теории полиграфа, конкурирующие друг с другом. В самом общем плане под теориями полиграфа понимают научное объяснение феноменологии динамики физиологических процессов человеческого организма во время исследования на полиграфе.

Вышеуказанные теории полиграфа достаточно подробно отражены в соответствующих научных работах [2; 3], поэтому здесь просто перечислим их: «теория угрозы наказания (threat-of-punishment theory)», «теория конфликта (conflict theory)» и «условно-рефлекторная теория (conditioned response theory)», описанная Р. К. Дэвисом [4]; «теория психологической установки (psychological set theory)» К. Бакстера [5]; «когнитивно-бихевиоральная теория» и «теория полиграфного интервьюирования (polygraph interviewing theory)», обозначенные Р. Нельсоном [6]; «теория активации (arousal theory)» Д. Ликкена [7]; «дихотомизационная теория (dichotomization theory)» Г. Бен-Шахапа [8]; «ориентационная теория (orienting theory)» М. Клейнера [9]; «теория выявления следов памяти (revealing of memory traces theory)» А. Крзёцина [10]; «информационные теории» («теория количества информации», «теория возвращения затруднений» и «теория новизны стимула») Р. Хеслгрейва [11]; «теория притяжения релевантной темы (relevant issue gravity)» А. Гинтона [12] и др.

Отметим, что, как видно даже из одних названий теорий, многие авторы при их разработке использовали психологический понятийный аппарат второй половины XX в. При этом, как указывают Е. С. Исайчев и С. А. Исайчев, создатели теорий полиграфа часто опираются на «доминирование и главенствующую роль отдельных высших психических функций, таких как эмоции, внимание, память [13].

Несомненно, что опора в теориях полиграфа именно на психологические феномены является одним из достоинств данных теорий, поскольку предложить более-менее адекватное объяснение феноменологии реагирования человека в ответ на стимулы, доступные восприятию и осознанию, не опираясь при этом на механизмы работы психики (а значит, и на психологию), попросту невозможно. Более того, по нашему мнению, исследование с применением полиграфа является психологическим не только по методу (психологический эксперимент), но и по объекту исследования (человек, его опыт, его память и т. д.), по предмету исследования (особенности содержания опыта, памяти и т. д.), по задачам и выводам (обладает ли информация или нет, какой информацией обладает и т. д.) [14].

Однако обоснование отдельного психического феномена как основного объяснительного «принципа работы полиграфа» является главным недостатком указанных теорий полиграфа, поскольку такой редукционизм противоречит общепсихологическим научным принципам системности, целостности, активности, единства психики и поведения и др.

По мнению А. В. Учаева, большинству вышеуказанных теорий свойственно «описание динамики изменения показателей вегетативной нервной системы через эмоции» [15, с. 51]. Автор выявил взаимные противоречия и «ограничения» данных теорий: «теория угрозы наказания» не объясняет физиологические «реакции на ложь» в ситуации лабораторного «эксперимента с полиграфом», где это «наказание» отсутствует; «условно-рефлекторная теория», наоборот, не может объяснить появление «физиологических реакций» на вопросы, не связанные с ложью; в рамках теорий, где основной акцент понимания принципа «работы полиграфа» делается на фокус внимания, «обусловленного страхом и тревогой обследуемого лица», невозможно объяснить динамику физиологических процессов, наблюдаемую в ситуациях отсутствия страхов и тревог, например при предъявлении так называемого служебного теста «На имя»; сторонники «теории конфликта» «пасуют» перед ситуацией «тестирования на полиграфе», когда внутренний конфликт отсутствует, например при использовании методического приема «молчаливый ответ» (обследуемого просят отвечать на вопрос, не произнося его вслух) [13], и т. д.

Еще одной особенностью описанных выше теорий полиграфа является яркое выражение в них идей психофизиологического параллелизма. Приверженность большинства современных полиграфологов (как теоретиков, так и практиков) «парадигме параллельной динамики психических и физиологических процессов» отмечают и Е. С. Исайчев с соавтором [11], а также М. L. Alonso-Quecuty, полагающая, что в методе полиграфа «анализируются физиологические изменения, *сосуществующие* (coexist) с ложью» [13].

Отметим также, что многие теории полиграфа строятся авторами умозрительно, не основываясь на подтверждающих экспериментах.

На наш взгляд, ситуацию с теоретическим обоснованием исследований с применением полиграфа сейчас можно описать словами 27-го Президента Соединенных Штатов Америки Р. Никсона: «Я не знаю, как работает полиграф, мне неизвестно, на сколько точны его показания, но я знаю, что он работает и что воры боятся его как черт ладана» [16].

За более чем столетнюю историю метода полиграфа не была разработана общепризнанная теоретическая модель (теория полиграфа), которая бы объясняла разнообразные (и подчас противоречивые) феномены, обнаруживаемые при использовании данного метода.

На сегодняшний день существует более 20 конкурирующих друг с другом теорий полиграфа, объясняющих динамику физиологических показателей организма человека, возникающих во время исследования с применением полиграфа.

Большинство теорий полиграфа (часто противореча друг другу) в качестве основной детерминанты указанной динамики выделяют какой-либо отдельный психический процесс (состояние), что противоречит общепсихологическим методологическим принципам системности, целостности, единства психики и поведения и др.

Позволим высказать авторскую точку зрения о том, что все усилия по созданию какой-либо специальной теории полиграфа в русле устаревшей стимульно-реактивной парадигмы изучения психического и изживающего себя психофизиологического параллелизма заранее обречены на провал. Потуги создать общепризнанную теорию полиграфа, объясняющую феноменологию возникновения физиологических реакций в ответ на предъявляемые стимулы, похожи, по нашему мнению, на попытку объяснить возникновение пара над кастрюлей с кипящей водой снятием крышки с этой кастрюли, игнорируя законы термодинамики и механизмы парообразования.

Очевидно, что динамика физиологических процессов – это лишь одно из проявлений активности живого организма, а исследование с применением полиграфа – один из методов регистрации этой активности. Поэтому описывать работу полиграфа необходимо, основываясь на положениях науки, объясняющей всю активность живого организма во всех процессах его взаимодействия со средой.

Представляется, что любая теория полиграфа, которая пытается объяснить динамику проявлений физиологической активности человека только в ситуации исследования на полиграфе, без учета общих детерминант активности живого организма, будет несостоятельна, как оказались несостоятельными в свое время гуморальная теория темперамента Гиппократа, графология Ж. И. Мишона, френология Ф. Й. Галля, теория бессознательного З. Фрейда, нейролингвистическое программирование Р. Бэндлера и Дж. Гриндера, соционика А. Аугустинавичюте, дианетика Л. Р. Хаббарда и т. п.

Общей наукой, позволяющей объяснить активность всех живых организмов (в том числе и человека в ситуации тестирования на полиграфе), является психология, вооруженная современными достижениями одной из своих отраслей – психофизиологии. Об этом, в частности, свидетельствуют указанные выше работы психологов и психофизиологов. Однако обоснование теоретической модели, объясняющей динамику физиологической активности в ситуации исследования с применением полиграфа на основе системной психофизиологии, требует отдельного серьезного исследования, описание которого выходит за рамки данной статьи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Свободный Ф. К. Судебная психофизиологическая экспертиза: сущность и терминология // Юридическая психология. 2019. № 2. С. 16–20.
2. Оглоблин С. И., Молчанов А. Ю. Инструментальная «детекция лжи» (проверки на полиграфе): академический курс. Ярославль, 2004. 464 с.
3. Холодный Ю. И. Опрос с использованием полиграфа и его естественнонаучные основы // Вестник криминалистики. 2005. Вып. 1 (13). С. С. 39–48.
4. Davis R. C. Physiological responses as a means of evaluating information. The manipulation of human behavior. New York, 1961. Pp. 142–168.
5. Krapohl D. J., Show P. K. Fundamentals of polygraph practice. San Diego, 2015. Pp. 201–203.
6. Nelson R. Scientific basis for polygraph testing // Polygraph. 2015. №. 1. Pp. 28–61.
7. Lykken D. T. Psychology and the lie detection industry // American Psychologist. 1974. Vol. 29. Pp. 725–739.
8. Ben-Shakhar G. A further study of the dichotomization theory in detection of deception // Psychophysiology. 1977. Vol. 14. Pp. 408–413.
9. Kleiner M. Physiological detection of deception in psychological perspectives: a theoretical proposal. Handbook of Polygraph Testing. 2002. Pp. 127–182.
10. Krzyoecin A. The debate over polygraph in Poland // Polygraph. 2000. № 3. Pp. 226–236.
11. Heslegrave R. An examination of the psychological mechanisms underlying deception // Psychophysiology. 1982. Vol. 19. Pp. 285–293.
12. Ginton A. Relevant issue gravity (RIG) strength — a new concept in PDD that reframes the notion of psychological set and the role of attention in CQT polygraph examinations // Polygraph. 2009. Vol. 38, № 3. Pp. 204–217.
13. Исайчев Е. С., Исайчев С. А. Методологические аспекты инструментальной «детекции лжи» // Мир психологии. 2016. Т. 4, № 88. С. 202–214.
14. Свободный Ф. К. Психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа или психологическая экспертиза информированности личности: приглашение к дискуссии // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 4 (18). С. 213–216.
15. Учаев А. В. Психофизиологический анализ процесса намеренного сокрытия информации в условиях стресса : дис. ... канд. психол. наук. М., 2024. 209 с.
16. Как работает детектор лжи // Беларусь Сегодня: официальный сайт. URL: <https://www.sb.by/articles/nad-detektorom-vo-lzhi.html> (дата обращения: 10.10.2025).

REFERENCES

1. Svobodnyi F.K. A Forensic psychophysiological examination: the essence and terminology. *Yuridicheskaya psikhologiya = Legal Psychology*, 2019, no. 2, pp. 16–20. (In Russ.).
2. Ogloblin S.I., Molchanov A.Yu. *Instrumental'naya "detektsiya lzhi" (proverki na poligrafe): akademicheskii kurs* [Instrumental "lie detection" (polygraph tests): academic course]. Yaroslavl, 2004. 464 p.
3. Kholodnyi Yu.I. Polygraph survey and its natural science foundations. *Vestnik kriminalistiki = Bulletin of Criminalistics*, 2005, no. 1 (13), pp. 39–48. (In Russ.).
4. Davis R.C. *Physiological responses as a means of evaluating information. The manipulation of human behavior*. New York, 1961. Pp. 142–168.
5. Krapohl D.J., Show P.K. *Fundamentals of polygraph practice*. San Diego. 2015. Pp. 201–203.
6. Nelson R. Scientific basis for polygraph testing. *Polygraph*, 2015, no. 1, pp. 28–61.
7. Lykken D. T. Psychology and the lie detection industry. *American Psychologist*, 1974, vol. 29, pp. 725–739.
8. Ben-Shakhar G. A further study of the dichotomization theory in detection of deception. *Psychophysiology*, 1977, vol. 14, pp. 408–413.
9. Kleiner M. Physiological detection of deception in psychological perspectives: a theoretical proposal. *Handbook of Polygraph Testing*, 2002, pp. 127–182.
10. Krzyoecin A. The debate over polygraph in Poland. *Polygraph*, 2000, no. 3, pp. 226–236.
11. Heslegrave R. An examination of the psychological mechanisms underlying deception. *Psychophysiology*, 1982, vol. 19, pp. 285–293.
12. Ginton A. Relevant issue gravity (RIG) strength — a new concept in PDD that reframes the notion of psychological set and the role of attention in CQT polygraph examinations. *Polygraph*, 2009, vol. 38, no. 3, pp. 204–217.
13. Isaichev E.S., Isaichev S.A. Methodological aspects of instrumental "lie detection". *Mir psikhologii = The World of Psychology*, 2016, vol. 4, no. 88, pp. 202–214.
14. Svobodnyi F.K. Psychophysiological examination using a polygraph or psychological examination of personal awareness: an invitation to discussion. *Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, 2018, no. 4 (18), pp. 213–216. (In Russ.).
15. Uchaev A.V. *Psikhofiziologicheskii analiz protsessa namerennogo sokrytiya informatsii v usloviyakh stressa: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychophysiological analysis of the process of intentional concealment of information under stress: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Moscow, 2024. 209 p.
16. How the lie detector works. *Belarus' Segodnya: ofitsial'nyi sait* [Belarus Today: official website]. Available at: <https://www.sb.by/articles/nad-detektorom-vo-lzhi.html> (In Russ.). (Accessed October 10, 2025).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ФЕЛИКС КОНСТАНТИНОВИЧ СВОБОДНЫЙ – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и управления следственной деятельностью Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева, Москва, Россия, sfk_felix@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

FELIKS K. SVOBODNYI – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, associate professor at the Department of Psychology and Investigative Activity Management of the Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, sfk_felix@mail.ru

Статья поступила 14.10.2025

Научная статья

УДК 165.0

doi 10.46741/sjjournal.2025.19.4.012

Онтогносеологические аспекты феномена игры в контексте философии постмодерна

ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ АГАФОНОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, evgenagafonov@inbox.ru

Аннотация. В статье на основе идей постмодернистской философии определены онтологические и гносеологические аспекты понимания феномена игры. Актуальность темы исследования видится в необходимости выявления познавательного потенциала игры как универсального культурного феномена, претерпевающего значительную трансформацию в современном цифровом мире. Показано, что осмысление социального значения и когнитивных функций игры стало предметом научного интереса лишь в XX в. Так, Й. Хейзинга распространяет антропологический подход в исследовании игры на понимание сущности культуры в целом. Р. Кайуа предлагает социологическую концепцию игры, в которой она предстает как культурно допустимый способ выражения бессознательных влечений. С точки зрения Л. Витгенштейна, любое речевое высказывание, использование языка обретает характер игры, в которой слова изначально не несут смысловой нагрузки, а получают свое значение в зависимости от контекста. Э. Берн понимает психологическую игру как коммуникацию, включающую скрытые послания. По мнению О. Финка, игра связана с миром в модусе символа, соединяющего всеобщую онтологическую тотальность и конечность индивидуального человеческого существования. Ж. Бодрийяр, напротив, утверждает идею тотального господства транскультуры, которая посредством симуляций и игровых модификаций существует внутри отдельных культур. Автором сделан вывод о том, что развитие понимания сущности и онтогносеологического значения игры в философии постмодерна эволюционирует от идеи универсального культурообразующего начала к необходимости осмысления ее как сложного социального феномена современного цифрового общества.

Ключевые слова: игра; познание; бытие; человек играющий; языковая игра; транзакция; символ; симуляция; гиперреальность; транскультура.

5.7.1. Онтология и теория познания.

Для цитирования: Агафонов Е. А. Онтогносеологические аспекты феномена игры в контексте философии постмодерна // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2025. № 4 (19). С. 89–96. doi 10.46741/sjjournal.2025.19.4.012.

Original article

Ontognoseological Aspects of the Play Phenomenon in the Context of Postmodern Philosophy

EVGENII A. AGAFONOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service
of Russia, Vologda, Russia, evgenagafonov@inbox.ru

Abstract. The article defines ontological and epistemological aspects of understanding the phenomenon of play based on the ideas of postmodern philosophy. The research is substantiated by the need to identify the cognitive potential of play as a universal cultural phenomenon undergoing significant transformation in the modern digital world. It is shown that understanding social significance and cognitive functions of play became the subject of scientific interest only in the XX century. Thus, J. Huizinga extends the anthropological approach in the study of play to an understanding of the essence of culture as a whole. R. Caillois offers a sociological concept of play, in which it appears as a culturally acceptable way of expressing unconscious drives. From the point of view of L. Wittgenstein, any speech utterance, the use of language acquires the character of play in which words initially do not carry a semantic load, but receive their meaning depending on the context. E. Bern understands psychological play as communication, including hidden messages. According to Eu. Fink, play is connected with the world in the mode of a symbol connecting the universal ontological totality and the finiteness of individual human existence. J. Baudrillard, on the contrary, asserts the idea of total domination of transculture, which exists within individual cultures through simulations and game modifications. The author concludes that understanding the essence and ontognoseological significance of play in postmodern philosophy evolves from the idea of a universal culture-forming principle to the need to understand it as a complex social phenomenon of modern digital society.

Key words: play; cognition; being; a person playing; language game; transaction; symbol; simulation; hyperreality; transculture.

5.7.1. Ontology and theory of cognition.

For citation: Agafonov E.A. Ontognoseological aspects of the play phenomenon in the context of postmodern philosophy. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2025, no. 4 (19), pp. 89–96. doi 10.46741/sjournal.2025.19.4.012.

В цифровой культуре современного общества существенно видоизменяются многие традиционные формы познания и коммуникации. Так, особую актуальность приобретает дальнейшее исследование познавательного потенциала игры как универсального культурного феномена, с древнейших времен пронизывающего все сферы деятельности человека от начала и до конца его жизни. Неслучайно идея игры становится одной из устойчивых и неоднократно повторяемых метафор, раскрывающих саму специфику человеческого существования. Как фундаментальный гносеологический процесс, обеспечивающий согласованность общественного бытия, игра выявляет «структуры взаимопонимания между людьми в неосознаваемых ими социальных качествах и связях» [1, с. 245], в архетипических образах и устоявшихся моделях индивидуального поведения. Помогая преодолевать, а иногда и намеренно создавая «разрывы» культурного бытия, игра используется не только как инструмент человеческого познания и взаимодействия, но и как средство творческого обновления бытийных связей. Тотальная геймификация различных аспектов существования современного человека, основанием которой стало применение цифровых техноло-

гий, требует не только осмысления тенденций модернизации культурной реальности, но и раскрывает потенциальные возможности прогнозирования будущего человечества. Поэтому следует признать, что сегодня анализ игры должен базироваться на комплексном, междисциплинарном подходе, объединяющем философские, культурологические, антропологические, социологические и психолого-педагогические аспекты.

При этом стоит отметить, что изучение игры как социокультурного и познавательного феномена долгое время не привлекало должного внимания исследователей. В Античности игру рассматривают как косвенное выражение гармонии человека с мирозданием, активный способ бытия в мире [2, с. 67]. Правда, уже у Гераклита игра обретает статус онтологической метафоры, раскрывающей через возникновение и исчезновение отдельных вещей становление мирового целого, недоступного рациональному анализу. В эпоху Средневековья христианские мыслители, порицавшие развлекательный характер массовых игр, имевших языческие корни, впервые признают эффективность использования игр в обучающих целях. Ренессансный гуманизм возвращается к идее познавательной активности, творческого потенциала игры, в которой человек созидает себя и окружающий мир.

Однако осмысление социального значения и когнитивных функций игры стало предметом пристального научного интереса лишь в XX в. Одной из первых фундаментальных работ на эту тему явился опубликованный в 1938 г. знаменитый трактат «*Homo Ludens*». Его автор – нидерландский историк и философ Й. Хёйзинга, намеренно воздерживаясь, по собственному утверждению, от психологической интерпретации игры, распространяет антропологический подход в ее исследовании на понимание сущности культуры в целом. Мыслитель утверждает, что люди не просто реализуют себя через игру, а сама человеческая культура возникает и существует как ее проявление. Так, парадоксальное на первый взгляд утверждение о том, что игра старше самой культуры, он доказывает наличием специфических черт игрового поведения в животном мире. Но уже там игра не сводится к простой физиологической реакции, проявлению инстинкта, биологической воли, а реализуется как «содержательная функция со многими гранями смысла» [3, с. 10]. Своей избыточностью игра ломает границы физического существования, становится проявлением живого духа, творит культуру как второй, искусственно созданный мир.

Таким образом, с точки зрения культурологического подхода социальную функцию игры необходимо рассматривать как содержательную форму деятельности, направленную на выявление смысла, познавательное преобразование действительности. Игра не только предшествует культуре, но и творит ее. Поэтому такие фундаментальные виды деятельности человека, как речь, определены игрой. Так, язык связывает материю мира и человеческий дух, пряча за абстрактным понятием основанный на игре слов метафорический образ. Миф и религиозный культ как формы объяснения бытия, специфического понимания мира также основаны на истинных принципах игры, а в них берут начало такие артефакты, как коммуникация, искусство, материальное производство, образование и наука, порядок и право. При этом подлинная культура требует «благородной игры», познавательно отражающей гуманистические ценности благородства, чести, порядочности, свободы, бескорыстия, гармонии и целостности личности. Анализируя историю развития культуры, Хёйзинга с сожалением приходит к выводу об убывании в ней игрового элемента как таинства, которое нивелирует рационализм индустриального общества. Путь выхода из духовного кризиса он видит лишь через возрождение в культурном сознании первоначальной игры, свободной от утилитарного начала.

Переосмысливая идеи своего предшественника в русле иррационализма, французский социолог Р. Кайуа сформулировал социологическую концепцию понимания игры, в которой она предстает как культурно допустимый способ выражения бессознательных влечений, раскрывающий дологические основания общественного прогресса. По его мнению, главной особенностью игры является непроизводительный характер, так как все соз-

данное в ходе нее не может иметь художественного или практического значения [4, с. 45]. В отличие от идей Хёйзинги, он также утверждает, что основополагающей характеристикой игры выступает не ее таинственная сокрытость, а, напротив, демонстративность и зрелищность. Именно они и определяют социальную роль игры как познавательного способа создания информации, генерации новых смыслов в процессе обмена знаками. В гносеологическом аспекте игра «выполняет функцию творческой мастерской, создающей разнообразные модели, версии жизни» [5, с. 23], которые затем корректируются в сакральной и утилитарной сферах культуры.

Анализ онтогносеологических аспектов феномена игры в философии постмодерна был бы неполным без упоминания Л. Витгенштейна. В рамках лингвистического поворота неклассической философии, основанного, как известно, на критике метафизики сознания, переосмыслении понятия и бытийной роли языка, философ создает ныне широко известную теорию языковых игр. С его точки зрения, игрой в сфере использования языка необходимо признать использование различных коммуникативных систем, выстроенных по определенным ситуативным правилам, на основе межличностного соглашения [6, с. 267]. С них не только начинается исходное приобщение к языку. Они активно используются людьми в качестве упрощенных моделей словоупотребления, последовательное усложнение которых демонстрирует динамику индивидуального прогресса в освоении языка.

Таким образом, любое речевое высказывание, использование языка обретает характер игры, в которой слова изначально не несут смысловой нагрузки, а обретают свое значение в зависимости от контекста. В моделях языковых игр Витгенштейн усматривает сложную сеть больших и малых подобий, которые необходимо рассматривать как общие семейные сходства родственников, проявляющиеся в походке, чертах лица и темпераменте.

Еще один специфический подход к пониманию онтологического статуса и познавательных свойств игры представлен в контексте идей психоанализа и теории транзакционного анализа американским психологом Э. Берном. Исходным пунктом его теории является выявление в структуре Эго трех состояний, определенных им как Родитель, Взрослый и Ребенок. Единицу общения он именуется транзакцией, следовательно, смыслом транзакционного анализа становится понимание социальных взаимодействий между людьми. Смена транзакций зависит от конкретных состояний Эго, которые, в свою очередь, определяются обществом, ситуацией, личностными особенностями.

Психологическая игра, по Берну, есть коммуникация, включающая скрытые послания. Если операцией является единичная транзакция, совершаемая с заранее определенной целью, то игра представляет собой неоднократно повторяющуюся цепочку транзакций, внешне естественных, но содержащих неявную мотивировку [7, с. 44]. Исследователь выявляет несколько типичных категорий экзистенциальных игр в мире взрослых людей. Так, пожизненные игры решают судьбу игроков или становятся призванием. В супружеских играх человек зачастую пытается переложить вину и ответственность за происходящее в его жизни на партнера. Целью типичной игры в компаниях становится стремление к страданию у одного из игроков и демонстрация мудрости взрослого родителя со стороны другого. Игры у психотерапевта проявляют подсознательный настрой клиента на отказ от помощи. «Хорошая» игра позволяет инициатору не только раскрыть себя, но и помочь другим участникам.

Таким образом, игра, по Э. Берну, представляет собой реализацию привычного поведенческого сценария, несущего скрытые, неосознаваемые самим человеком мотивы. Познавательные стереотипы мешают выстраивать эффективные отношения с другими людьми, развиваться, открыть и реализовать свои истинные жизненные цели, но дают людям чувство комфорта и возможность оправдания. В результате самоанализа, приводящего к решению жить по собственным правилам, или работы с психологом индивид может отказаться от типового сценария. Онтогносеологическое значение теории игры Берна видится

в отказе от достижения желаемого и в признании необходимости понимания того, чего человек хочет на самом деле.

Всеобъемлющее философское обоснование онтологической сущности игры дал последователь Э. Гуссерля и оппонент М. Хайдеггера, немецкий феноменолог О. Финк, по мнению которого «игра связана с миром в модусе символа» [8, с. 368]. Мир игры онтологичен, как и любой образ. Он присутствует в реальном мире, сохраняя свою самостоятельность, но через их взаимосвязь для направленного на игру сознания разворачивается возможное многообразие смыслов. Включенный в игровую коммуникацию человек совершает реальные действия, посредством которых бытийно осуществляется некое имманентное ирреальное пространство. Поэтому в отличие от скептика очарованный, увлеченный игрой актер зритель наполняет свою жизнь новым содержанием.

Являясь посредником между ирреальным и действительным, игра обретает двойственность пространства и времени. Так, в нескольких часах разыгрывается целая человеческая жизнь, определяя смысловую наполненность игрового времени. По мнению Финка, имманентное содержание игры даже превосходит значение таких экзистенциальных феноменов, как любовь, смерть или труд, которые чаще всего воспринимаются как необходимые испытания, лишь расходуя жизнь человека впустую. Свободное время, проведенное в пустоте и скуке, также не способствует раскрытию бытийного потенциала. Истинная свобода и самореализация невозможны без творческого наполнения жизни в исконной игре, выводящей субъекта за границы обыденности и демонстрирующей горизонт возможностей.

Философское понимание игры как универсального символа мира, по О. Финку, обусловлено необходимостью объединения всеобщей онтологической тотальности, целостности бытия и конечности индивидуального человеческого существования. В том, что человек, отделяя себя от иного сущего, соотносится не только с действительным, но и возможным мировым целым, философ видит сущностную специфику его бытия, доказывающую отсутствие игры в мире природы. Возможное достижимо лишь на основе фантазии, которой нет у животных. Для субъекта оно является предпосылкой самопознания, осмысления жизненных альтернатив. Человек не просто пребывает в мире, но вопрошает, когнитивно направлен на мир, открыт ему и согласует свой путь с его пониманием. При этом познание не есть отражение, а «превосхождение, трансцендирование... манифестация бытия» [8, с. 372] через постижение истины.

Наука не в силах познать уникальную целостность сущего. Но смысл игры находится в ней самой, доступен лишь на ее условиях и не подвержен логическому анализу. В рамках феноменологического подхода игра как символ не просто имитирует или репрезентирует реальность. Игровая, имиджевая ирреальность и выявляет разрыв реальных смыслов и опосредует переход от действительного к возможному. Экзистенция без привязки к каким-либо утилитарным целям игры дарит человеку ощущение счастья и радости в потоке жизненных забот. Подобные праздность и беззаботность, уводящие от насущных проблем, казалось бы, снижают общественный статус игры, низводят ее до уровня развлечения или детской забавы. А между тем дети, как и древние люди, интуитивно чувствуют приоритетную важность познания целого над необходимостью освоения знаний о конкретных вещах реального мира. Это выявляет связь игры с культом, опосредующим отношения людей с богами в той же извечной попытке познать сущность фундаментальных процессов, свое место и предназначение в бытии. В системе современного научно-потребительского отношения к миру игра становится гносеологической необходимостью, возвращающей потерянную возможность приобщения к всеобщей истине. Двойственность бытия требует символической взаимосвязи действительного и возможного в игре, своим онтологическим статусом определяющей горизонты человеческого существования, продолжающей жизнь в бесконечных смыслах.

Не удивительно, что последующее развитие идей постмодернистской философии привело к феномену тотальной семиотизации бытия, трактовке знаковой сферы как единственной реальности. Так, Ж. Бодрийяр определяет симуляцию как широкомасштабный процесс порождения синтетического продукта, гиперреального при помощи комбинаторных моделей, не имеющих реального истока [9]. Напротив, теперь реальное должно совпадать с моделями симуляции. Таким образом, окончательно уничтожается различие между симуляцией и реальностью, которая может воспроизводиться в бесчисленных вариациях. При этом гносеологическим началом эры симуляции становится устранение взаимной соотнесенности и возможных референтов в структуре знаков. Современная культура, заменяющая познавательные принципы отражения действительности маскировкой ее отсутствия, под лозунгом замещения реальности знаками доходит до стадии отсутствия онтологического обоснования означаемого. Происходит умерщвление соотнесенности, культивация «пустого знака», теряющего свою смысловую ценность.

В симуляции действительность заменяется гиперреальностью, в которой сосуществуют оригинал и копия, «феномены истины, адекватности, реальности перестают восприниматься в качестве онтологически фундированных» [10, с. 564], а предстают явлениями символического порядка. Постмодернизм, таким образом, утверждает идею тотального господства транскультуры, которая посредством игровых модификаций существует внутри отдельных культур. Наступает стадия прозрачности, или «ксерокса культуры». В результате нелинейного, вирусного метастазирования ценностей информация начинает преобладать над смыслом. Она уже не побуждает к коммуникации, не производит смысл, а симулирует, разыгрывает их.

Культура же, не замечая этого, продолжает симуляцию реальности, стремясь через тотальную зрелищность, возвеличивание вторичных истин создать галлюцинацию реального, лишённого субстанции. Так, современное киноискусство движется уже в обратном направлении от фантастического к гиперреалистическому, абсолютизируя правдоподобие банальности. Глобальным механизмом симуляции в области потребления становится гипермаркет как потребительский универсум, социализирующий человека через пространственно-временное единение функций образования, работы, развлечения и медиа.

Известно, что в традиционных культурах игра являлась важнейшим способом накопления и передачи опыта. Народные игры отражали этническую специфику, особенности языка, традиции и обычаи предков, сформировавшиеся в определенной природной среде. Можно сказать, что игра на протяжении тысячелетий приобщала к различным моделям жизни, формировала поведение человека, способствуя передаче жизненного опыта. В процессе социализации игра всегда выполняла функцию механизма безопасного изучения социальных практик в смоделированной среде. Важно, что в процессе игрового освоения деятельности человек не только воспроизводил имеющиеся знания, нормы и ценности, но и творчески развивал их жизненный потенциал.

В мире цифровых технологий появление таких феноменов, как искусственный интеллект, нейросети, виртуальная реальность и метавселенные, создает качественно новые формы игрового взаимодействия. Многопользовательские игры становятся площадками, обеспечивающими коммуникацию транснациональных сообществ со своими специфическими ценностями. Поэтому особое онтологическое значение приобретает категория игрового пространства, которая появляется еще у Й. Хёйзинги и определяется им как заранее обозначенный мир собственного безусловного порядка, ограниченного совершенства среди сумбура жизни [3, с. 20–21]. Сегодня эта специфическая сфера культурного бытия со своими правилами и ограничениями приобретает характер трансмедийного феномена. Так, компьютерные игры, преодолевая развлекательный характер, формируют особую когнитивную среду, форму существования, где реальность и симуляция переплетены до неразличимости.

Таким образом, цифровые трансформации феномена игры создают новую познавательную реальность в культурном опыте постмодерна, которая проявляется также и в сфере художественного творчества. Так, современный театр активно экспериментирует с иммерсивными постановками, в которых зритель является участником уникального игрового художественного взаимодействия [11]. Перформанс, возникающий на стыке театрального, визуального искусств и игровых практик, рождает коммуникацию, в которой случайность и импровизация становятся специфическими познавательными художественными средствами. В инсталляции зритель активно вовлечен в процесс игрового исследования эстетического пространства и совместно с автором формирует художественный замысел. Компьютерные технологии позволяют создавать произведения цифрового искусства в игровом пространстве виртуальной реальности. Можно с уверенностью констатировать, что игра в современном искусстве становится особым гносеологическим приемом, вовлекающим зрителя в процесс критического осмысления действительности через художественное переживание.

Таким образом, развитие понимания сущности и онтогносеологического значения игры в философии постмодерна неслучайно эволюционирует от идеи универсального культурообразующего начала к необходимости осмысления ее как сложного социального феномена современного цифрового общества, наделенного множеством новых функций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кемеров В. Е. Игра // Современный философский словарь. М., 2004. 864 с.
2. Аминов С. Р. Методологические подходы к изучению игры // Система ценностей современного общества. 2009. № 9. С. 67–70.
3. Хёйзинга Й. *Homo Ludens*. В тени завтрашнего дня. М., 1992. 464 с.
4. Кайуа Р. Игры и люди : статьи и эссе по социологии культуры. М., 2007. 504 с.
5. Аликин В. А. Игра в философии Роже Кайуа: между инстинктами и культурой // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7 : Философия. 2016. № 1 (31). С. 21–27.
6. Витгенштейн Л. Философские исследования // Язык как образ мира. М. ; СПб., 2003. С. 220–546.
7. Берн Э. Игры, в которые играют люди: психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры: психология человеческой судьбы. Минск, 2003. 512 с.
8. Прозерский В. Рецензия на книгу Ойгена Финка «PLAY AS SYMBOL OF THE WORLD AND OTHER WRITINGS». Translated with an introduction by I. A. Moor and Ch. Turner, Bloomington: Indiana University Press, 2016. ISBN-0-253-02105-2 // HORIZON. Феноменологические исследования. 2017. № 6 (2). С. 366–375.
9. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М., 2015. 240 с.
10. Грицанов А. А., Кацук Н. Л., Фурс В. В. «Симулякры и симуляция» // Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск, 2007. 816 с.
11. Чернушевич В. А. Народная игра как феномен инкультурации современного ребенка // Психология и право. 2023. № 3. С. 119–134.

REFERENCES

1. Kemerov V.E. Play. In: *Sovremennyyi filosofskii slovar'* [Modern philosophical dictionary]. Moscow, 2004. 864 p. (In Russ.).
2. Aminov S.R. Methodological approaches to the study of play. *Sistema tsennostei sovremennogo obshchestva* = Value System of Modern Society, 2009, no. 9, pp. 67–70. (In Russ.).
3. Huizinga J. *Homo Ludens*. *V teni zavtrashnego dnya* [Homo Ludens. In the shadow of tomorrow]. Moscow, 1992. 464 p.
4. Caillois R. *Igry i lyudi: stat'i i esse po sotsiologii kul'tury* [Play and people: articles and essays on the sociology of culture]. Moscow, 2007. 504 p.

5. Alikin V.A. Game in the philosophy of Roger Kyua: between instincts and cultu. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 7: Filosofiya = Bulletin of Volgograd State University. Series 7: Philosophy*, 2016, no. 1 (31), pp. 21–27. (In Russ.).
6. Wittgenstein L. Philosophical research. In: *Yazyk kak obraz mira* [Language as an image of the world]. Moscow; Saint Petersburg, 2003. Pp. 220–546. (In Russ.).
7. Bern E. *Igry, v kotorye igrayut lyudi: psikhologiya chelovecheskikh vzaimootnoshenii. Lyudi, kotorye igrayut v igry: psikhologiya chelovecheskoi sud'by* [Games played by people: psychology of human relationships. People who play games: the psychology of human destiny]. Minsk, 2003. 512 p.
8. Prozerskii V. Review of Eugen Fink's book "PLAY AS SYMBOL OF THE WORLD AND OTHER WRITINGS". Translated with an introduction by I. A. Moor and Ch. Turner, Bloomington: Indiana University Press, 2016. ISBN-0-253-02105-2. *HORIZON. Fenomenologicheskie issledovaniya = Phenomenological Research*, 2017, no. 6 (2), pp. 366–375. (In Russ.).
9. Baudrillard J. *Simulyakry i simulyatsiya* [Simulacra and simulation]. Moscow, 2015. 240 p.
10. Gritsanov A.A., Katsuk N.L., Furs V.V. Simulacra and simulation. In: *Noveishii filosofskii slovar'. Postmodernizm* [The newest philosophical dictionary. Postmodernism]. Minsk, 2007. 816 p. (In Russ.).
11. Chernushevich V.A. Folk game as a phenomenon of inculturation of a modern child. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023, no. 3, pp. 119–134. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ АГАФОНОВ – кандидат философских наук, доцент, заместитель начальника факультета психологии и пробации Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, evgenagafonov@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

EVGENII A. AGAFONOV – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Deputy Head of the Psychology and Probation Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, evgenagafonov@inbox.ru

Статья поступила 10.11.2025

Научная статья

УДК 165.0

doi 10.46741/sjournal.2025.19.4.013

Эпистемологический аспект знания в искусственном интеллекте

ЭЛЛА ИГОРЕВНА ПОДНЕБЕСНАЯ

Академия ФСИН России, Рязань, Россия, ella.podnebesnaya.8019@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются дифференциальные подходы к определению концепта «знание» сквозь призму эпистемологических и технологических парадигм, указаны существенные различия этих подходов. Так, в рамках классической эпистемологической теории знание представляет собой результат сугубо антропогенного познавательного процесса, который характеризуется существенным отличием от категории «информация». С другой стороны, в контексте современных технологий, особенно в связи с развитием искусственного интеллекта, понятие «знание» интерпретируется преимущественно как структурированная и формализованная информация, предназначенная для автоматизированной обработки когнитивными алгоритмами. В статье подробно исследуются механизмы взаимодействия искусственных интеллектуальных систем с данным типом знаний, включая процедуры его извлечения, анализа и последующего внедрения в практику решения прикладных задач. Показана актуальность теоретико-методологического осмысления природы знания и перспектив его использования в условиях стремительного развития цифровых технологий и широкого распространения методов машинного обучения.

Ключевые слова: знание; эпистемология; искусственный интеллект; технологический подход.

5.7.1. Онтология и теория познания.

Для цитирования: Поднебесная Э. И. Эпистемологический аспект знания в искусственном интеллекте // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2025. № 4 (19). С. 97–102. doi 10.46741/sjournal.2025.19.4.013.

Original article

Epistemological Aspect of Knowledge in Artificial Intelligence

ELLA I. PODNEBESNAYA

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, ella.podnebesnaya.8019@mail.ru

Abstract. The article considers differential approaches to the definition of “knowledge” through the prism of epistemological and technological paradigms, and highlights essential differences between these approaches. Thus, within the framework of classical epistemological theory, knowledge is the result of a purely anthropogenic cognitive

process, which is characterized by a significant difference from the category of “information”. On the other hand, in the context of modern technologies, especially in connection with the development of artificial intelligence, the concept of “knowledge” is interpreted primarily as structured and formalized information intended for automated processing by cognitive algorithms. The article details interaction mechanisms for artificial intelligent systems and this type of knowledge, including procedures for its acquiring, analysis and subsequent implementation in the practice of solving applied problems. The relevance of theoretical and methodological understanding of the nature of knowledge and prospects for its use in the context of rapid development of digital technologies and widespread use of machine learning methods is shown.

Key words: knowledge; epistemology; artificial intelligence; technological approach.

5.7.1. Ontology and theory of cognition.

For citation: Podnebesnaya E.I. Epistemological aspect of knowledge in artificial intelligence. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2025, no. 4 (19), pp. 97–102. doi 10.46741/sgjournal.2025.19.4.013.

Изучение природы знания сохраняет свою значимость как объект традиционного эпистемологического исследования, так и предмет актуальных дискуссий в области искусственного интеллекта. Особый интерес представляет собой перспектива выявления условий, при которых интеллектуальные технологии могли бы обрести способность к формированию автономных познавательных актов, обладающих признаками подлинного знания. Данная проблема пересекается с важнейшими аспектами философии науки и технологической этики, определяющими перспективы развития когнитивных технологий XXI в.

Один из величайших философов Античности, Аристотель, открывает свою знаменитую работу «Метафизика» утверждением, что стремление к знанию присуще человеку изначально. Процесс познания, по его словам, проходит ряд этапов: сначала идут непосредственные чувственные восприятия, затем формируется опыт, основанный на воспоминаниях, далее возникает умение («искусство»), завершающее цепочку мудростью, связанной с пониманием причин явлений. Таким образом, ключом к истинному знанию становится осознание универсалий и принципов, лежащих в основе всех предметов [1, с. 28].

Классическая теория познания, представленная такими выдающимися фигурами, как Ф. Бэкон и Р. Декарт, отводит особое место научному знанию, определяющему пути познания и устанавливающему строгие критерии истинности. Центральным аспектом является вопрос о взаимодействии чувственного опыта и рационального мышления. Сторонники эмпиризма, включая Бэкона, подчеркивали первостепенность наблюдений и экспериментов, считая их единственным надежным источником знаний. Напротив, рационалисты, среди которых выделяется Декарт, настаивали на приоритетности разума, способного самостоятельно достичь глубоких и надежных выводов.

И. Кант внес значительный вклад в обсуждение природы знания, сосредоточившись на поиске оснований, позволяющих получать достоверные сведения. Его философские труды показали, что истина достигается путем сочетания опытных данных и априорных категорий ума, формирующихся независимо от конкретного опыта. По сути, Кантом была создана новая парадигма, объединяющая эмпиризм и рационализм, обеспечивающая целостность человеческого познания [2, с. 55–64].

В рамках неклассической и постнеклассической эпистемологической парадигмы актуальной представляется проблема корреляции объективного и субъективного типов знания. Один из основоположников данной концепции, К. Р. Поппер, подвергает критике традиционные эпистемологические подходы, ориентированные преимущественно на изучение субъективного аспекта знания, характеризующегося принадлежностью конкретному индивидууму. Ученый обосновывает необходимость выделения двух самостоятель-

ных категорий знаний: субъективного, ассоциированного с персональными когнитивными установками и перцептуальными характеристиками субъекта, и объективного, существующего вне зависимости от личных качеств индивида и представленного совокупностью теоретико-методологических конструктов, эмпирически подтвержденных утверждений и аргументативных схем, закрепленных в письменной форме в публикациях, монографиях и иных репрезентативных источниках.

К. Р. Поппер формулирует концепцию «третьего мира», включающего объективное знание, функционирующее вне пределов индивидуального сознания. Данный феноменологический уровень содержит научные теории, исследовательские проблемы, полемики и процедуры критического анализа, доступные для всеобщего осмысления и оценки вне зависимости от персонифицированной принадлежности авторов соответствующих идей. Объективное знание выступает как квазиавтономная структура, способная самостоятельно эволюционировать и трансформироваться в ходе процесса научного поиска и диалога ученых сообществ.

Таким образом, в противоположность субъективному типу знания, обусловленному индивидуальной спецификой восприятия реальности и личного опыта, объективное знание характеризуется собственными закономерностями и структурированностью, позволяющими ему обладать независимым статусом существования и развития, обеспечивая преемственность познавательной деятельности и дифференцирование науки от обыденного мировосприятия личности.

Постнеклассический этап развития эпистемологии характеризуется радикальным сдвигом исследовательского фокуса с традиционного вопроса о возможности субъекта обрести адекватное представление о реальности на вопрос о природе и статусе самого знания вне зависимости от познавательной активности индивида. Данный подход получил теоретическое оформление благодаря концепции К. Поппера о существовании особого «третьего мира».

Этот «третий мир» трактуется как совокупность объективированного содержательно-пространства сознания, охватывающего научные положения, методологические принципы, эстетические артефакты и формализованные системы аргументации. Согласно предложенной модели указанный уровень бытия обладает статусом абсолютной самостоятельности относительно индивидуального сознания конкретных познающих агентов и определяется собственным внутренним устройством и динамическими процессами взаимодействия элементов внутри данной структуры.

Объектом данного уровня выступают концептуально выраженные результаты интеллектуальной деятельности человечества, включая публикации научных статей, монографий и учебников, сохраняющие собственное существование и потенциальную способность оказывать влияние на дальнейшее формирование научного познания вне зависимости от присутствия воспринимающего субъекта. Так, К. Поппер иллюстрирует данную мысль аналогией между книгой и осиным гнездом, подчеркивая, что объект сохраняет свою идентичность независимо от того, эксплуатируется ли он практически либо находится в пассивной форме хранения.

Таким образом, введенная концепция выступает фундаментальной составляющей эволюционного процесса формирования знаний, обеспечивая ретроактивное воздействие на когнитивные процессы индивидуумов и изменение физических объектов через опосредованные механизмы социальной коммуникации и институциональных практик [3, с. 78].

М. Полани, в отличие от К. Поппера, который стремился построить эпистемологию без субъекта, акцентировал внимание на роли познающего субъекта в процессе получения знания. Полани считал, что в каждом акте познания присутствует личностный вклад познающей личности, что делает знание не только объективным, но и личностным.

Полани выделял два типа знания: явное (эксплицитное) и неявное (имплицитное). Явное знание выражается в понятиях и суждениях, тогда как неявное знание включает в себя телесные навыки, схемы восприятия и практическое мастерство, которые не всегда могут быть вербализованы. Неявное знание, по Полани, является личностным, так как оно связано с личным опытом и практикой.

Интенсивное развитие современных информационных технологий и внедрение методов искусственного интеллекта актуализировали проблему фундаментального философского анализа категорий «знание» и «информация». Традиционно в рамках классических эпистемологических подходов понятие «знание» трактуется как итоговый продукт когнитивной активности человека, заключающийся в осмысленном восприятии и рациональной обработке поступающей информации. Знание предстает как исторически обусловленная форма социального и индивидуального опыта, структурирующая реальность посредством ментальных операций рефлексии и понимания объектов окружающей среды.

Категория «информация», напротив, характеризуется отсутствием прямой связи с субъектом познания и отражает объективированный массив сведений, полученных независимо от процесса интерпретации и осознания [4, с. 246]. Знание возникает исключительно благодаря активной мыслительной деятельности индивида, преобразующего нейтральные сведения в качественно новый тип содержания сознания через операции оценки, сопоставления и синтеза информации в конкретные контексты практики и коммуникации. Следовательно, знание выступает комплексным конструктом, объединяющим в себе информацию наряду с процедурами ее переработки и интеграции в структуру личного и общественного опыта.

Л. А. Микешина утверждает, что категории «информация» и «знание» характеризуются отсутствием эквивалентности друг другу. Ученым предложена концептуальная формула различения указанных понятий: «информация есть знание минус субъект познания». Данное утверждение подчеркивает объективную природу информации, представляющей собой совокупность данных, существующих вне зависимости от воспринимающего субъекта и способствующих свободному обмену в социуме [5, с. 365].

Знание, напротив, обладает личностной детерминацией, поскольку формируется посредством когнитивной активности индивида, осуществляющего рефлексивное осмысление и герменевтическое истолкование получаемой информации [5, с. 13]. Информация фиксируется на многообразных материальных носителях и характеризуется всеобщей доступностью, тогда как знание выступает итоговым продуктом ментальной деятельности индивидуума, включающим восприятие, осмысление, классификацию и интерпретацию поступающих сведений. Следовательно, информация служит своего рода первичным ресурсом интеллектуальной переработки, а знание является финальным продуктом познавательной активности субъекта.

Согласно Б. З. Мильнеру, информация есть совокупность фактов и эмпирических данных, характеризующих определенную ситуацию либо проблемную область, тогда как понятие «знание» охватывает осознание механизмов функционирования объектов реальности. Передача знаний возможна лишь посредством их объективации в материальных формах, таких как знаки естественных и искусственных языков, средства производства, техническая инфраструктура и артефакты культуры. Объективация позволяет фиксировать знания вне сознания индивида, обеспечивая условия для хранения и трансляции [6, с. 8–9].

Проблема объективации познания, сформулированная К. Поппером, приобрела особую значимость в свете современных достижений в сфере искусственного интеллекта. Искусственный интеллект традиционно рассматривается как дисциплина, посвященная изучению механизмов представления, извлечения, обработки и последующего применения знаний искусственными системами для выполнения поставленных задач [3, с. 7].

На рубеже 1980-х гг. в исследовательской среде искусственного интеллекта выделилось самостоятельное направление, получившее название «системы, основанные на знаниях» («expert systems»), предназначенные для решения специализированных классов задач путем моделирования компетентности человеческого эксперта. Понятие «инженерия знаний», предложенное Эдвардом Фейгенбаумом, обозначило область деятельности, связанную с проектированием указанных систем. Структурно данные системы характеризуются наличием базы знаний и аппарата логического вывода.

Доктор технических наук Д. А. Поспелов уточняет понятие «знание» применительно к сфере искусственного интеллекта, рассматривая его как специализированную форму репрезентации информационных сущностей в вычислительных машинах, обладающую свойствами внутрисистемной интерпретируемости, четкого структурирования, межэлементной взаимосвязанности, наличия функциональной семантической метрики и активности при обработке данных [7, с. 8].

Е. Н. Баженов, О. В. Шульга рассматривают современные направления эпистемологических подходов к изучению природы и структуры знания в рамках искусственного интеллекта. Особое внимание уделяется развитию методологического инструментария и междисциплинарных связей в изучении феномена искусственного интеллекта [8]. Ю. И. Полищук анализирует теоретико-философские вопросы искусственного интеллекта, включая исследование взаимодействия сознания и машинного интеллекта, границы познавательных возможностей и социальные последствия внедрения интеллектуальных систем [9].

Специалистами в сфере искусственного интеллекта выделяются два фундаментальных вида когнитивного ресурса: декларативный тип («знание-что») и операционный тип («знание-как»). Первый охватывает эмпирически подтвержденные данные и сведения о событиях, второй – алгоритмы деятельности, основанные на обработке актуальной информации. Основной проблемой приобретения знаний в рамках данной дисциплины выступает сложность изучения структурных особенностей экспертного опыта и процесса преобразования имплицитного знания в эксплицитную форму посредством вербального выражения.

При проектировании экспертных систем возникают значительные трудности, обусловленные необходимостью выбора адекватных методов репрезентации когнитивных ресурсов для обеспечения их последующей эффективной обработки и извлечения. К числу наиболее распространенных подходов относятся использование логико-математического аппарата, рамочных конструкций, продуктивных механизмов и сетей семантической природы.

Технологический подход к пониманию категории «знание» характеризуется созданием и исследованием артефактов позитивистской ориентации, таких как семиотические конструкции, моделирующие объекты и компьютерные программы, служащие средством кодирования и трансляции знаний. Ключевые параметры данного направления включают оптимизацию способов репрезентации информации и повышение эффективности разработанных моделей применительно к решению прикладных задач.

Таким образом, термин «знание» имеет двойственное значение: эпистемологическое, подразумевающее результаты познавательной деятельности и осознанные ментальные конструкты индивида, и техническое, обозначающее формально представленные единицы информации и процедуры работы с ними искусственно созданными структурами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аристотель. Метафизика. М., 2006. 232 с.
2. Кант И. Критика чистого разума. М., 1999. 655 с.
3. Поппер К. Объективное знание: эволюционный подход. М., 2002. 384 с.
4. Полани М. Личностное знание: на пути к посткритической философии. М., 1985. 343 с.
5. Микешина Л. А. Философия науки. М., 2005. 464 с.

6. Мильнер Б. З. Управление знаниями в современной экономике // Проблемы теории и практики управления. 2006. № 9. С. 8–13.
7. Поспелов Д. А. Ситуационное управление: теория и практика. М., 1986. 288 с.
8. Баженов Е. Н., Шульга О. В. Эпистемологические подходы к исследованию искусственного интеллекта: современное состояние и тенденции развития. М., 2024. 288 с.
9. Полищук Ю. И. Философские основания теории искусственного интеллекта: когнитивные и эпистемологические аспекты. СПб., 2023. 320 с.

REFERENCES

1. Aristotle. *Metafizika* [Metaphysics]. Moscow, 2006. 232 p.
2. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [The Critique of pure reason]. Moscow, 1999. 655 p.
3. Popper K. *Ob"ektivnoe znanie: evolyutsionnyi podkhod* [Objective knowledge: evolutionary approach]. Moscow, 2002. 384 p.
4. Polani M. *Lichnostnoe znanie: na puti k postkriticheskoj filosofii* [Personal knowledge: on the way to post-critical philosophy]. Moscow, 1985. 343 p.
5. Mikeshina L.A. *Filosofiya nauki* [Philosophy of science]. Moscow, 2005. 464 p.
6. Mil'ner B.Z. Knowledge management in modern economics. *Problemy teorii i praktiki upravleniya = Problems of Theory and Practice of Management*, 2006, no. 9, pp. 8–13. (In Russ.).
7. Pospelov D.A. *Situatsionnoe upravlenie: teoriya i praktika* [Situational management: theory and practice]. Moscow, 1986. 288 p.
8. Bazhenov E.N., Shul'ga O.V. *Epistemologicheskie podkhody k issledovaniyu iskusstvennogo intellekta: sovremennoe sostoyanie i tendentsii razvitiya* [Epistemological approaches to the study of artificial intelligence: current state and development trends]. Moscow, 2024. 288 p.
9. Polishchuk Yu.I. *Filosofskie osnovaniya teorii iskusstvennogo intellekta: kognitivnye i epistemologicheskie aspekty* [Philosophical foundations of the theory of artificial intelligence: cognitive and epistemological aspects]. Saint Petersburg, 2023. 320 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ЭЛЛА ИГОРЕВНА ПОДНЕБЕСНАЯ – кандидат педагогических наук, доцент, магистр психологии, доцент кафедры юридической психологии и педагогики факультета психологии и пробации Академии права и управления ФСИН России, Рязань, Россия, ella.podnebesnaya.8019@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ELLA I. PODNEBESNAYA – Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Master of Psychology, associate professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Psychology and Probation Faculty of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, ella.podnebesnaya.8019@mail.ru

Статья поступила 12.11.2025

Научная статья

УДК 72.03

doi 10.46741/sgjournal.2025.19.4.014

Уникальность наукоградов России в контексте системного подхода

СОФИЯ АЛЕКСЕЕВНА ПОЗНАНСКАЯ

Шуйский филиал Ивановского государственного университета, Шуя,
Россия, goroda.malye@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-9551-6768>

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ТИМОФЕЕВ

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,
timofeev.01@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7914-1567>

Аннотация. В статье с помощью системного подхода в рамках социально-философского дискурса рассматривается феномен наукоградов в современной Российской Федерации как особый тип организации функционирования научных учреждений в городской среде. Концептуализация наукоградов показана через деятельностный и институциональный подходы. Анализируется сложившаяся в СССР модель организации связи науки и производства и ее трансформация в первой четверти XXI в. В качестве концептуальных моделей функционирования научных институций рассматриваются как исторические формы университета и академии, так и современные варианты технополисов в разных странах мира. Базовыми основаниями концепта выступают открытость и закрытость системы. Подчеркивается, что изменение концепта, в качестве которого выступает научная корпорация, приведет к дискредитации наукограда как уникального урбанистического феномена. Приводятся примеры практик, исключающих подобный сценарий.

Ключевые слова: наукоград; технополис; малый город; системный подход.

5.7.7. Социальная и политическая философия.

Для цитирования: Познанская С. А., Тимофеев М. Ю. Уникальность наукоградов России в контексте системного подхода // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2025. № 4 (19). С. 103–110. doi 10.46741/sgjournal.2025.19.4.014.

Original article

Uniqueness of Russian Science Cities in the Context of a Systematic Approach

SOFIYA A. POZNANSKAYA

Shuya Branch of the Ivanovo State University, Shuya, Russia, goroda.malye@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-9551-6768>

MIKHAIL YU. TIMOFEEV

Ivanovo State University, Russia, Ivanovo, timofeev.01@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7914-1567>

Abstract. Using a systematic approach within the framework of socio-philosophical discourse, the article considers a phenomenon of science cities in modern Russia as a special type of organization of the functioning of scientific institutions in an urban environment. Conceptualization of science cities is shown through activity-based and institutional approaches. The article analyzes a model of the organization of communication between science and production in the USSR and its transformation in the first quarter of the XXI century. Both historical forms of the university and the academy, as well as modern variants of research and development cities in different countries of the world, are considered as conceptual models of the functioning of scientific institutions. Basic foundations of the concept are openness and closeness of the system. It is emphasized that changing the scientific corporation concept may cast doubt on science cities as a unique urban phenomenon. Examples of practices that exclude such a scenario are given.

Key words: science city; research and development city; small town; system approach.

5.7.7. Social and political philosophy.

For citation: Pozanskaya S.A., Timofeev M.Yu. Uniqueness of Russian science cities in the context of a systematic approach. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2025, no. 4 (19), pp. 103–110. doi 10.46741/sjjournal.2025.19.4.014.

В современной урбанистике тема городов науки занимает небольшое, но важное место. Наше исследование базовых оснований наукоградов совпало с дискуссией по вопросам принятия управленческих решений на уровне Правительства Российской Федерации. В отечественной традиции, на которую мы в значительной степени будем ориентироваться, наукограды прошли эволюционный путь от наукоориентированных соцгородов конца 1920-х гг. (Жуковский, Королев, Дзержинский), городов-лагерей (конец 1930–1940-х гг.), послевоенных закрытых городов атомного и ракетно-космического проектов (Саров, Снежинск, Железногорск и др.) к позднесоветским центрам фундаментальной науки и образования (новосибирский и красноярский академгородки, Протвино, Черногловка и др.) [1; 2].

Одним из основных вопросов, рассматриваемых на государственном уровне, был и остается вопрос об эффективности функционирования наукоградов. Ориентация на государственной заказ позволяла реализовывать крупные долгосрочные проекты, показала свою уязвимость в период ослабления государства в 1990-е гг. и перехода к новой модели экономики. В настоящее время происходит рост интереса государства к потенциалу разных типов наукоградов. Согласно Федеральному закону от 07.04.1999 № 70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации», соответствующий официальный статус имеют 13 населенных пунктов (Бийск, Дубна, Жуковский, Кольцово, Королев, Мичуринск, Обнинск, Протвино, Пущино, Реутов, Троицк, Фрязино, Черногловка). При этом четыре из них являются де-юре и де-факто частью крупных городов.

В оценке значимости наукоградов для страны доминируют количественные показатели: во-первых, финансовая эффективность экономики города, во-вторых, на уровне собственно академических учреждений, количество научных статей, защищенных диссертаций, патентов и проч. При этом, как, в частности, отмечал Б. Латур, научная деятельность для внешних институций, включая заказчиков исследований, воспринимается как черный ящик, где невозможно произвольно регулировать сроки выполнения работ и порой отсутствует уверенность в получении предполагаемого результата [3]. Симптоматично, что в федеральном законе «О статусе наукограда Российской Федерации» первым из оснований

для досрочного прекращения статуса наукограда является «несоответствие результатов деятельности научно-производственного комплекса наукограда задачам, определенным Правительством Российской Федерации при присвоении муниципальному образованию статуса наукограда».

Мы полагаем, что рассмотрение феномена наукоградов в современной Российской Федерации, являющихся по своей сути особым типом организации функционирования научных учреждений в городской среде, как в контексте сложившейся в СССР модели организации связи науки и производства и ее трансформации в первой четверти XXI в., так и в качестве концептуальных моделей функционирования научных институций в исторических формах университета, академии и современных вариантов технополисов в разных странах мира позволит понять и оценить, насколько обоснованной является существующая модель научного города, каким должен быть оптимальный вариант управления такого рода городскими образованиями, насколько существующая модель жизнеспособна в будущем и какими временными отрезками должны мыслить авторы стратегий в области научно-исследовательских, а также опытно-конструкторских работ (НИОКР).

В связи с этим мы предлагаем для социально-философского исследования феномена наукоградов ориентироваться на системный подход А. И. Умова [4], адаптированный к анализу неформализованных систем И. В. Дмитриевской [5], позволяющий выявить существенные характеристики исследуемого феномена. Суть версии системного подхода этих авторов заключается в том, что «система» характеризуется отношением с заранее фиксированными свойствами, обладающими, в свою очередь, определенным отношением. В заданных для системы трех уровнях организации – концептуальном, структурном и субстратном – системообразующими компонентами являются концепт и структура, а субстрат играет подчиненную роль.

В данной парадигме важными являются выбор и обоснование концепта. Субстанционально сфера науки как дихотомия духовного и материального дает основание рассматривать два варианта концептуализации наукоградов – через деятельностный и институциональный подходы. Именно это деление дано в федеральном законе «О статусе наукограда Российской Федерации», где выделяются «высокий научно-технический потенциал с градообразующим научно-производственным комплексом» [3], но акцент сделан на последнем.

Мы считаем, что, учитывая дуализм исследуемого феномена, уместно в рамках настоящей статьи на уровне его системообразующего свойства (концепта) подробнее рассмотреть деятельностного субъекта – научное сообщество [6]. Именно способность деятелей науки, с одной стороны, к самоорганизации, а с другой – их институциональное выделение и признание властью привели к появлению в XII в. в Европе первых университетов [7], а в XVII в. – к созданию научных академий. В незавершенной работе «Новая Атлантида» Ф. Бэкон описывал модель организации ученого ордена «Дом Соломона», члены которого обладают привилегиями и льготами, получая высокое вознаграждение за свою деятельность. В функции «Дома Соломона» входили инициация научных исследований и работа над техническими изобретениями, результаты которых внедрялись в промышленность, сельское хозяйство, здравоохранение и повседневную жизнь граждан. В основе деятельности научных институций Нового времени лежало три принципа, отстаиваемых и сегодня, – плюрализм, корпоративизм и автономия.

Во второй половине XX в. происходит качественный скачок: наука как институт вступила в фазу большой науки. Как утверждал Д. Дж. де Солла Прайс, расходы на науку растут пропорционально квадрату числа ученых. По мере увеличения объемов исследований увеличивается и текущее необходимое число исследователей, что стимулирует ученых к более высокой зарплате и лучшей материальной базе, что, в свою очередь, увеличивает общие расходы на науку [8, с. 94]. Таким образом, «интеллектуальные работники», в терминологии

автора «Грядущего постиндустриального общества» Д. Белла (1973), или, как Э. Тоффлер их называет в «Метаморфозах власти» (1990), «когнитариат», начинают занимать стратегически важное место не только в структуре сферы знания, но и в структуре производства, в силу роста четвертичного сектора экономики. Описывая структуру общества знания, Д. Белл выделяет три класса: научная элита, средний класс профессоров и пролетариат, состоящий из преподавателей-ассистентов. Все они в разной степени являются выгодоприобретателями новой системы распределения в структуре информационного общества. В 1950–1980 гг. кластеры наукоемких производств возникли в США, Великобритании, Франции и Японии. Представляется важным отметить, что трансформация структуры экономики была заметна не только в странах Запада, в СССР появилось несколько городов науки: в 1956 г. дан старт строительству научного городка АН СССР в Пущино, временно прерванного из-за смены приоритета на развитие науки в Сибири, где началось создание новосибирского Академгородка, а затем по его подобию были реализованы аналоги в Томске (1969), Красноярске (1978) и Иркутске (1988). Несколько раньше возникает научный городок в Дубне, рассматриваемый впоследствии как «образцовый наукоград».

Итак, во второй половине XX в. происходит окончательное формирование «нового класса», существование которого выходит за рамки университетов и академий наук в процессе «смычки» науки и производства. Соответственно, научное сообщество, выступая как активный субъект, системно организует в качестве концепта субстрат среды малых городов и их аналогов под актуальные стандарты обеспечения комфортной жизнедеятельности, где главным является создание оптимальных условий для НИОКР, с анализа которых мы начнем рассмотрение структуры системы как системообразующего отношения. Еще раз обратим внимание, что в данном случае речь в большей степени идет об институциональной стороне системы, хотя деятельность с очевидностью подразумевается. Итак, в статье федерального закона «О статусе наукограда Российской Федерации» структура научно-производственного комплекса включает «совокупность организаций, осуществляющих научную, научно-техническую, инновационную деятельность, экспериментальные разработки, испытания, подготовку кадров в соответствии с приоритетными направлениями научно-технологического развития. Кроме этого, описана инфраструктура наукограда как совокупность организаций, обеспечивающих жизнедеятельность населения наукограда и функционирование его научно-производственного комплекса, но не входящих в этот комплекс.

В случае с урбанизацией деятельности научной корпорации возникают дополнительные аспекты системного анализа, поскольку сфера деятельности ученых остается примерно прежней, если не принимать во внимание более непосредственную связь с практическими областями применения результатов за пределами академической науки и в какой-то степени и ее ориентацию на достижение конкретных результатов за пределами чистой науки. Это «обременение» науки опытно-производственной базой может рассматриваться как расширение лаборатории, о чем мы скажем ниже. В большей степени уникальным для системного анализа является герметизация существования, предельно буквально выраженная в закрытых административно-территориальных (ЗАТО) и менее жестко в иных более открытых городах науки, где сфера повседневной жизни тесно смыкается и в значительной степени подстраивается под запросы градоформирующего субъекта научной деятельности.

Эта особенность субстрата анализируемой системы касается универсальной городской инфраструктуры (сферы здравоохранения, обслуживания, спорта, дошкольного и школьного образования и проч.), иногда внося в него некоторые особенности (как, например, наличие яхт-клуба, конюшни, теннисных кортов и других не повсеместно распространенных спортивных форм досуга в Дубне [9]). Нужно также учесть специфические учреждения, связанные с основным видом деятельности – Дом ученых, конгресс-холл, музей и

др. Немаловажным является и эстетическая сторона формирования городской среды – акцент на современных архитектурных формах, создание декоративных панно на фасадах зданий и в интерьерах общественных пространств. И, конечно, наличие рекреационной зеленой зоны в шаговой доступности и особые требования к жилому фонду, предполагающие особые предпочтения представителям высшего слоя научной корпорации.

Возвращаясь к субъектно-деятельностному аспекту функционирования системы, отметим два момента обозначенной выше Д. Беллом дифференциации интеллектуальных работников. В нашумевшей статье Б. Латура «Дайте мне лабораторию, и я переверну мир», в частности, имеется отсылка к рутинной работе в рамках научных лабораторий вполне заурядных людей, где как бы не происходит ничего экстраординарного, особенно для внешнего наблюдателя [10]. С другой стороны, это идея «нестандартности» ученого [11], увеличивающей вероятность того, что определенные эксперименты ради реализации стремления к безграничному могут оказаться крайне деструктивными. По мнению Д. Дж. де Солла Прайса, реакция на эту нестандартность и взаимодействие внутри науки характеризуют превосходство большой науки над малой, где первая ограничивает и сдерживает самых неординарных исследователей благодаря совместной работе и конкретным целям научных исследований [8, с. 107]. Эти две диаметрально противоположные установки можно спроецировать на повседневные практики акторов в сфере науки, что, с одной стороны, является самостоятельной большой темой для исследований [12], а с другой – фактором, определяющим субстрат наукограда как системы [13].

Последнее важное методологическое основание, необходимое для операционабельности предлагаемого подхода, заключается в том, что базовыми основаниями концепта выступают открытость и закрытость системы, в свою очередь коррелирующими степень автономности в определении стратегий существования. Именно этот аспект существенно отличает отечественную модель от многих успешных современных проектов за рубежом. Являясь в анамнезе порождением государственной системы распределения, российские города науки в статусе наукоградов продолжают регулироваться законодательными актами, вызывающими дискуссии в научном сообществе, что можно обнаружить в архивах Союза развития наукоградов России [14]. Наиболее важной, как нам представляется, проблемой для наукоградов выступает ограниченный горизонт планирования, в рамках которого невозможно создавать сколь либо жизнеспособные научные проекты. В этом отношении государственный заказ не могут заменить частные инвесторы, что актуально не только для российских наукоградов, но и для технополисов в других странах. Поскольку численность работающих в организациях научно-производственного комплекса должна составлять, согласно закону о наукоградах, не менее 15 % численности работающих на территории данного муниципального образования, то этот процент и определяет по существу заявленный нами концепт города этого типа. Это еще один фактор, который не работает без автономии города, способного регулировать на своей территории демографические процессы и девелоперские проекты [15]. Не менее важно для сохранения концепта решение проблемы воспроизводства субъекта, ориентированного на интеллектуальную деятельность [16].

Исследований по теме выхода из кризиса малых городов в целом и наукоградов в частности более чем достаточно, однако основной, заявляемый в официальной практике подход одинаков – диверсификация экономики моногородов путем развития бизнеса, не связанного с градообразующим предприятием [17]. Эта тема актуальна даже для ЗАТО корпорации «Росатом» [18].

Поскольку ЗАТО вот уже более 30 лет находятся в состоянии стагнации, переживают различные кризисные явления – старение населения, маятниковая миграция, резкое снижение интеллектуального потенциала и пр. – в качестве одного из рабочих вариантов практического решения проблемы управления атомными ЗАТО предлагается три модели пост-проектного развития:

1) «hot reboot», то есть перепроектирование, которое подразумевает выработку новой цели проекта национального масштаба без смены проектного направления (Саров, возможно Железногорск);

2) «cold reboot», то есть перепроектирование в рамках смены проектного направления. Может быть реализовано путем вовлечения в ЗАТО помимо ГК «Росатом» иного управляющего субъекта в рамках проекта национального масштаба, например ГК «Ростех» (Новоуральск, Северск и пр.);

3) «reset», то есть депроектирование, в контексте которого город меняет свой проектный статус, перестает быть территорией размещения объекта национального масштаба, теряет статус ЗАТО, формирует собственные локальные цели развития [19; 20].

Оптимистичный сценарий диверсификации экономики моногорода за счет диверсификации деятельности градообразующего предприятия и градообразующего холдинга с возможностью диверсификации экономики моногорода путем развития науки и образования демонстрирует Саров, где планируется создать Национальный центр физики и математики – современный центр фундаментальной науки, подразумевающий строительство фактически нового небольшого города [21]. Кроме этого, имеются планы по созданию в Ханты-Мансийске наукограда гуманитарного профиля [22], что указывает на то, что концепция города науки остается востребованной в рамках современных урбанистических процессов.

В заключение отметим, что именно деятельность научного сообщества позволяет городу функционировать в качестве наукограда. Изменение концепта, в качестве которого выступает научная корпорация, неизбежно приведет де-факто к дискредитации наукограда как уникального урбанистического феномена, а де-юре – к утрате им этого статуса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Агирречу А. А. Наукограды России: история формирования и развития. М., 2009. 192 с.
2. Ревзин Г. И. Наукограды в России: вопросы генезиса // Labyrinth. Теории и практики культуры. 2020. № 4. С. 23–42.
3. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри сообщества / пер. с англ. К. Федоровой ; научн. ред. С. Миляева. СПб., 2013. 414 с.
4. Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. М., 1978. 272 с.
5. Дмитриевская И. В. Текст как система: понимание, сложность, информативность. Иваново, 1985. 87 с.
6. Науменко Т. В. Деятельностный подход как объяснительный принцип современной социальной философии // Credo New. 2013. № 1. С. 5–7.
7. Ван Хааске Л. А. Формирование университетских корпораций и их региональная специфика в Европе эпохи Высокого Средневековья // Вестник Московского государственного гуманитарного университета имени М. А. Шолохова. Серия «История и политология». 2012. № 3. С. 34–41.
8. Price Derek John de Solla. Little Science, Big Science. New York: Columbia University Press, 1963.
9. Сувалко А. Ученые и академический класс будущего: случай наукограда Дубны. М., 2025. 126 с.
10. Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир / пер. с англ. П. Куслий // Логос. 2002. № 5–6 (35). С. 211–242.
11. Graham P. How to be Silicon Valley. URL: <https://www.paulgraham.com/siliconvalley.html> (дата обращения: 08.09.2025).
12. Rogacheva M. A. The private world of soviet scientists from Stalin to Gorbachev. Cambridge ; New-York, 2017. XI, 211 p.
13. Воропаева А. В., Коростелева Л. Ю. Наукограды России и проблемы городской среды // Теория и практика общественного развития. 2023. № 12. С. 80–90.
14. Союз развития наукоградов России. URL: <https://souznaukogradov.ru> (дата обращения: 08.09.2025).

15. Тузкова Д. К. Совершенствование системы сохранения и прекращения статуса наукограда Российской Федерации // Экономика и предпринимательство. 2016. № 12-4 (77). С. 720–723.
16. Коростелева Л. Ю. Университеты наукоградов России в новой современности // Мониторинг правоприменения. 2025. № 2 (55). С. 106–116.
17. Антонова И. С. Теории диверсификации экономики моногорода // Вестник науки Сибири. 2015. № 2 (17). С. 179–193.
18. Беляков Г. П., Белякова Г. Я., Проскурнин С. Д. Разработка концепции преобразования наукоградов и ЗАТО государственной корпорации «Росатом» в наукоград 2.0 : моногр. Новосибирск, 2024. 194 с.
19. Карачков С. М. Управление атомными закрытыми административно-территориальными образованиями на основе проектного подхода : дис. ... д-ра социол. наук. Екатеринбург, 2025. 371 с.
20. Карачков С. М., Зверев А. И. Закрытый «атомный» город. Дух корпоративности и модель управления. М., 2017. 232 с.
21. Файков Д. Ю., Байдаров Д. Ю. «Большой Саров»: о не самых очевидных стратегиях развития моногородов // Проблемы развития территории. 2022. Т. 26, № 1. С. 10–26.
22. Ряшин М. П. Правовая концепция формирования гуманитарного «наукограда» неиндустриального города (на примере г. Ханты-Мансийска) // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2023. Т. 9, № 4 (36). С. 152–169.

REFERENCES

1. Agirrechu A.A. *Naukogrady Rossii: istoriya formirovaniya i razvitiya* [Science cities of Russia: history of formation and development]. Moscow, 2009. 192 p.
2. Revzin G.I. Science cities in Russia: questions of genesis. *Labyrinth. Teorii i praktiki kul'tury = Labyrinth. Theories and practices of culture*, 2020, no. 4, pp. 23–42. (In Russ.).
3. Latour B. *Nauka v deistvii: sleduya za uchenymi i inzhenerami vnutri soobshchestva* [Science in action. How to follow scientists and engineers through society]. Saint Petersburg, 2013. 414 p.
4. Uemov A.I. *Sistemnyi podkhod i obshchaya teoriya system* [System approach and general theory of systems]. Moscow, 1978. 272 p.
5. Dmitrevskaya I.V. *Tekst kak sistema: ponimanie, slozhnost', informativnost'* [Text as a system: understanding, complexity, informativeness]. Ivanovo, 1985. 87 p.
6. Naumenko T.V. The activity approach as an explanatory principle of modern social philosophy. *Credo New = Credo New*, vol. 13, no. 1, pp. 5–7. (In Russ.).
7. Van Khaaske L.A. The formation of university corporations and their regional specifics in Europe of the High Middle Ages. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta imeni M.A. Sholokhova. Seriya "Istoriya i politologiya" = Bulletin of the M. A. Sholokhov Moscow State University for the Humanities. Series "History and Political Science*, 2012, no. 3, pp. 34–41. (In Russ.).
8. Price Derek John de Solla. *Little science, big science*. New York, 1963.
9. Suvalko A. *Uchenye i akademicheskii klass budushchego: sluchai naukograda Dubny* [Scientists and the academic class of the future: the case of the Dubna science city]. Moscow, 2025. 126 p.
10. Latour B. Give me a laboratory, and I'll turn the world upside down. *Logos*, 2002, no. 5–6 (35), pp. 211–242. (In Russ.).
11. Graham P. *How to be Silicon Valley*. Available at: <https://www.paulgraham.com/siliconvalley.html> (accessed September 8, 2025).
12. Rogacheva M.A. *The private world of soviet scientists from Stalin to Gorbachev*. Cambridge; New-York, 2017. 211 p.
13. Voropaeva A.V., Korosteleva L.Yu. Russian science cities and urban environment problems. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2023, no. 12, pp. 80–90. (In Russ.).
14. *Soyuz razvitiya naukogradov Rossii* [System approach and general theory of systems]. Available at: <https://souznaukogradov.ru> (accessed September 8, 2025).
15. Tuzkova D. K. Improving the system of assigning and maintaining the status of science city of the Russian Federation. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship*, 2016, no. 12-4 (77), pp. 720–723. (In Russ.).

16. Korosteleva L.Yu. Universities of Russia's technopoles in the new modern times. *Monitoring pravoprimeneniya = Law Enforcement Monitoring*, 2025, no. 2 (55), pp. 106–116. (In Russ.).
17. Antonova I. S. Theories of diversification of the economy of a single-industry town. *Vestnik nauki Sibiri = Bulletin of Siberian Science*, 2015, no. 2 (17), pp. 179–193. (In Russ.).
18. Belyakov G.P., Belyakova G.Ya., Proskurnin S.D. *Razrabotka kontseptsii preobrazovaniya naukoogradov i ZATO gosudarstvennoi korporatsii "Rosatom" v naukoograd 2.0: monogr.* [Development of the concept of transformation of science cities and enterprises of the Rosatom state corporation into science city 2.0: monograph]. Novosibirsk, 2024. 194 p.
19. Karachkov S.M. *Upravlenie atomnymizakrytymi administrativno-territorial'nymi obrazovaniyami na osnove proektnogo podkhoda: dis. ... d-ra sotsiol. nauk* [Management of nuclear closed administrative-territorial entities based on a project approach: Doctor of Sciences (Sociology) dissertation]. Ekaterinburg, 2025. 371 p.
20. Karachkov S.M., Zverev A.I. *Zakryti "atomnyi" gorod. Dukh korporativnosti i model' upravleniya* [Closed "atomic" city. The spirit of corporatism and the management model]. Moscow, 2017. 232 p.
21. Faikov D.Yu., Baidarov D.Yu. "Big Sarov": Some of the not-so-obvious strategies for the development of single-industry towns. *Problemy razvitiya territorii = Problems of Territory's Development*, 2022, vol. 26, no. 1, pp. 10–26. (In Russ.).
22. Ryashin M.P. The legal concept of the formation of a humanitarian science city of a non-industrial city (on the example of the city of Khanty-Mansiysk). *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya = Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 2023, vol. 9, no. 4 (36), pp. 152–169. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

СОФИЯ АЛЕКСЕЕВНА ПОЗНАНСКАЯ – руководитель Центра исследований малых городов Шуйского филиала Ивановского государственного университета, Шуя, Ивановская область, Россия, goroda.malye@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-9551-6768>

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ТИМОФЕЕВ – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Ивановского государственного университета, Иваново, Россия, timofeev.01@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7914-1567>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

SOFIYA A. POZNANSKAYA – Head of the Center for Small Town Studies of the Shuya Branch of the Ivanovo State University, Shuya, Ivanovo Oblast, Russia, goroda.malye@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-9551-6768>

MIKHAIL YU. TIMOFEEV – Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, professor at the Department of Philosophy of the Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, timofeev.01@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7914-1567>

Статья поступила 01.11.2025

Научная статья

УДК 008:32.019.5

doi 10.46741/sjjournal.2025.19.4.015

Цифровые технологии как инструмент политического участия

БОГДАН ИГОРЕВИЧ СТЕШУК

Вологодский государственный университет, Вологда, Россия,
bogdan353590@gmail.com

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ трансформации форм и содержания политического участия под влиянием развития коммуникационных технологий. Методология исследования строится на сопоставлении классических (доцифровых) и современных цифровых инструментов политического влияния. На примере исторического кейса Социал-демократической партии Германии демонстрируется, что традиционные формы участия способствовали созданию устойчивых организационных структур, превращавших разовые акции в системное представительство интересов. В противовес этому цифровые платформы, упраздняя пространственные барьеры и порождая информационную перегрузку, фокусируются на привлечении внимания к частным проблемам. Делается вывод, что подобные инструменты, несмотря на свою эффективность в решении локальных задач, препятствуют формированию долгосрочных политических субъектов, подменяют институты и несут риски деградации системы публичной приоритизации проблем.

Ключевые слова: политическое участие; цифровые технологии; коммуникационные технологии; цифровые платформы; устойчивые социальные структуры; публичная приоритизация проблем; онлайн-петиции.

5.7.7. Социальная и политическая философия.

Для цитирования: Стешук Б. И. Цифровые технологии как инструмент политического участия // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2025. № 4 (19). С. 111–119. doi 10.46741/sjjournal.2025.19.4.015.

Original article

Digital Technologies as a Tool for Political Participation

BOGDAN I. STESHUK

Vologda State University, Vologda, Russia, bogdan353590@gmail.com

Abstract. The article provides a comparative analysis of the transformation of the forms and content of political participation due to development of communication technologies. The research methodology is based on the comparison of classical (pre-digital) and modern digital tools of political influence. Using the historical case of the Social Democratic Party of Germany as an example, the author demonstrates that traditional forms of participation contributed to the creation of stable organizational structures that turned one-time actions into systematic representation of interests. In contrast, digital

platforms, by eliminating spatial barriers and generating information overload, focus on drawing attention to particular problems. It is concluded that such tools, despite their effectiveness in solving local problems, hinder the formation of long-term political actors, replace institutions and carry risks of degradation of the system of public prioritization of problems.

Keywords: political participation; digital technologies; communication technologies; digital platforms; sustainable social structures; public prioritization of issues; online petitions.

5.7.7. Social and political philosophy.

For citation: Steshuk B.I. Digital technologies as a tool for political participation. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2025, no. 4 (19), pp. 111–119. doi 10.46741/sjournal.2025.19.4.015.

В российских и зарубежных публикациях содержится огромное количество определений понятия «политическое участие», каждое из которых отражает как научно-отраслевую специфику, так и конкретный вектор исследований отдельных авторов [1].

Социологический подход к пониманию политического участия предложил П. Бурдьё [2], который рассматривал его как часть более широких социальных практик, связанных с борьбой за власть и ресурсы. По его мнению, участие в политике – это не только формальные действия, такие как голосование, но и неформальные взаимодействия, которые формируют социальные структуры. Роберт Дал, один из основоположников теории демократии, рассматривает политическое участие как «возможность граждан влиять на принятие решений в рамках политической системы» [3]. Он подчеркивает важность электорального участия и активной гражданской позиции как основополагающих элементов демократического процесса. Согласно С. М. Липсету, политическое участие включает в себя широкий спектр действий — от голосования до активного участия в протестах и движениях. Он акцентирует внимание на том, что уровень участия зависит от социальных, экономических и культурных факторов, влияющих на граждан [4].

В рамках данной работы мы будем использовать определение, выработанное Д. Г. Нагелем, который понимал под политическим участием действия, посредством которых рядовые члены любой политической системы влияют или пытаются влиять на результаты ее деятельности [5]. Данное определение не зависит от содержания самих действий (некоторые наиболее популярные определения подразумевают под действиями сугубо легальные или электоральные способы участия), а делает акцент на рядовых членах политической системы, то есть всех, не входящих в категорию элит. Механизмы политического участия последних, на наш взгляд, принципиально отличаются от массового политического участия и требуют отдельного исследования.

Ключевой проблемой, рассматриваемой в данной статье, является взаимосвязь форм политического участия с их содержанием в контексте появления цифровых политических платформ. Для ее рассмотрения мы обратимся к сопоставлению и анализу инструментов политического участия доцифровой и цифровой эпох. В этой связи полезно обратиться к той линии анализа, которую развивал Ю. Хабермас [6], подчеркивая, что публичная сфера не сводится к простому каналу циркуляции информации, а представляет собой пространство нормативного взаимопризнания, в котором коммуникативные действия обретают форму рационально ориентированного согласования позиций. В его интерпретации публичность – это не только структурное условие демократического участия, но и особый способ конституирования социальности через практику аргументированного обмена суждениями. Поэтому трансформация медиальных условий коммуникации неизбежно изменяет саму онтологию публичного действия, поскольку переводит процессы согласования

из пространства устойчивых институтов в пространство мгновенных, фрагментарных и слабо структурированных потоков коммуникации.

Наш главный тезис заключается в том, что содержание политического участия во многом определяется теми инструментами, которые используют рядовые акторы для оказания влияния на деятельность политической системы. Цифровизация, помимо прочего, порождает новые инструменты политического участия, поэтому осмысление их влияния является важной задачей, так как последнее будет определять рамки общества, в котором нам предстоит жить.

Для начала рассмотрим классические, то есть появившиеся до эпохи бума цифровых технологий, инструменты политического участия. Их разнообразие весьма велико: от участия в выборах и агитации до политических стачек, бойкотов и даже политического насилия [7]. На первый взгляд между столь различными формами участия нет ничего общего, кроме того факта, что они появились до эпохи Интернета и широкого распространения средств коммуникации. Однако эта общность существует, и она проявляется в двух аспектах: в создании устойчивых организационных структур и, как следствие, длительном характере политического участия. В учении Х. Арендт [8] действие становится политическим не благодаря интенсивности отдельных актов, а благодаря способности укореняться в относительно стабильных формах общественного бытия, обеспечивающих воспроизводимость общей сцены явленности. Поэтому классические инструменты участия не просто позволяли координировать поведение акторов, но формировали специфическую онтологию публичного, в которой общность поддерживает себя через институционализованные формы памяти и ответственности.

Чтобы пояснить данный тезис, рассмотрим один из наиболее ярких примеров доцифрового политического участия. Речь пойдет о создании Социал-демократической партии Германии (СДПГ), которая успешно функционирует более 160 лет и является результатом смены ряда форм политического участия. Предтечей партии стали профессиональные объединения рабочих, которые боролись за свои трудовые права. От эпизодических забастовок и борьбы на отдельных предприятиях профсоюзы, несмотря на запрет рабочих объединений со стороны властей Германии, перешли к созданию общенемецких постоянно действующих профсоюзов. Например, в 1865 г. появился Всеобщий союз печатников, объединивший профсоюзы работников типографий из различных городов Германии [9]. Профсоюзы не ограничились защитой сугубо экономических прав работников, а перешли к полноценной политической борьбе, и в 1869 г. они организовали Социал-демократическую рабочую партию Германии [10]. В 1876 г. выходит первый номер партийной газеты «Vorwärts», а спустя несколько месяцев, в 1877 г., партия получает чуть больше 9 % голосов избирателей Германии и становится четвертой политической силой в стране по количеству мест в парламенте.

Серьезные препятствия вроде репрессивного «Закона о социалистах» [11] и обвинения в преступлении, предъявленные видным деятелям социал-демократического движения, не смогли помешать. Партия смогла сохранить свою популярность, а уже в 1890 г. на очередных выборах в Рейхстаг она получает 20 % голосов и становится крупнейшей партией парламента по числу проголосовавших за нее избирателей. Две мировые войны, диктатура нацистов, разделение и объединение Германии не смогли помешать Социал-демократической партии Германии быть одним из наиболее популярных политических объединений среди немцев. Даже краткое изложение истории СДПГ не позволяет обойти стороной роль интеллектуалов-социалистов К. Маркса, Ф. Энгельса, Р. Люксембург, В. Либкнехта и других, которые разрабатывали теоретическую базу первых политических объединений рабочих, играли важнейшую роль в координации различных профессиональных союзов, занимались выпуском газет и брошюр, а также агитировали интеллектуалов Германии и

других стран за необходимость формирования политического представительства рабочего класса.

Пример формирования и развития СДПГ демонстрирует, прежде всего, смену форм политического участия (от одиночных профсоюзов к национальным объединениям рабочих и от последних к политической организации и парламентской партии), при этом каждая смена формы сопровождалась увеличением уровня политического участия. Изначальная борьба отдельных коллективов за собственные экономические и социальные права переросла в политическое представительство рабочего класса и участие его выдвинутых в формировании национальной политики.

Если рассматривать данную динамику в веберовской перспективе, то можно увидеть, что рационализация действий коллективных субъектов постепенно формирует предсказуемые, институционализированные механизмы политического влияния. М. Вебер [12] подчеркивал, что устойчивость социального порядка опирается на способность превращать разовые, экспрессивные проявления социального воздействия в стабильные формы нормативно ориентированного действия. В этом смысле история СДПГ демонстрирует не только институционализацию интересов рабочего класса, но и превращение эпизодического действия в долговременную структуру коллективной ответственности и представительской рациональности.

Кроме того, история СДПГ показывает, что классические формы политического участия создают или способствуют созданию устойчивых организационных форм (партий, профсоюзов, касс взаимопомощи, редакций газет и т. д.), которые превращают разовые, хотя зачастую и крайне важные, политические акты в форму постоянного политического участия. Хрестоматийными примерами могут служить профсоюзы, которые превращают эпизодические забастовки и стачки в постоянно действующую организацию по защите и представительству своих членов, а также политические партии, которые замещают отдельные акты социального недовольства постоянным представительством и участием в выработке политических решений.

То, что подобные структуры оказываются устойчивыми, хорошо согласуется с наблюдением А. де Токвиля [13] о фундаментальной роли ассоциаций в демократическом обществе. Он отмечал, что именно ассоциации превращают частные стремления в коллективно артикулируемые требования, создавая пространство, где индивидуальные инициативы обретают форму длительного и рационально организованного действия. В этом контексте профсоюзы и партии могут рассматриваться как механизмы, обеспечивающие перевод индивидуальных интересов в политические формы, способные сохранять свою идентичность вне зависимости от смены поколений и контекстов.

Очевидно, что при сравнении классических форм политического участия с цифровыми потребуется постановка вопроса о причинах изменения форм. Чрезвычайно многое изменилось с момента создания СДПГ до периода появления Интернета и бума цифровых технологий, но в рамках нашего исследования, как следует из названия, мы сосредоточимся на изменениях в коммуникации между людьми, потому что Интернет и сопутствующие ему технологии в первую очередь совершили революцию в коммуникации. Именно в изменении коммуникационных возможностей мы и усматриваем причину трансформации форм политического участия со всеми вытекающими из этого последствиями. Таким образом, сопоставление форм политического участия фактически будет представлять из себя сопоставление форм коммуникации в контексте социальных отношений.

Какой была коммуникация до появления развитых средств связи? Крайне привязанной к месту проживания человека. Рассмотрим, для примера, средневековую окситанскую деревню Монтайю XIII–XIV вв., столь скрупулезно изученную Эммануэль Ле Руа Ладюри [14]. Основываясь на записях допросов инквизиции (практически все жители деревни были допрошены по подозрению в ереси), он достаточно подробно воспроизвел многие аспекты

деревенской жизни того периода, в том числе вопросы коммуникации. Как и в большинстве населенных пунктов Средневековья, жизнь обитателей Монтайю была связана в первую очередь с людьми, которые жили по соседству. Этому способствовали как неразвитость средств коммуникации (информация попадала в деревню с пастухами, перегонявшими стада на большие расстояния, а также от странников-катаров, переносящих с собой свои идеи и элементы книжной культуры), так и отсутствие необходимости в широкой коммуникации с внешним миром (натуральное хозяйство мало способствовало интенсивным контактам с соседними населенными пунктами).

Такое положение вещей делало любое политическое действие сугубо локальным, ограниченным рамками той или иной общины. Отсюда коммунальное движение X–XIII вв., затронувшее как города, так и деревни. Мы уделяем так много внимания средневековым населенным пунктам, чтобы продемонстрировать, насколько уровень развития средств коммуникаций влияет на формы политического участия. Средневековье – это мир отдельных коммун, жителей которых волнуют сугубо локальные проблемы. Во-первых, потому что жителей различных коммун редко что-то связывало из-за крайней локальности всех видов связей, в том числе информационных; во-вторых, информация о проблемах других территорий поступала крайне редко; в-третьих, даже потенциальное желание объединиться наталкивалось на крайнюю сложность и дороговизну коммуникации, которая делала координацию усилий невозможной или крайне неэффективной. Из этого правила есть исключения, и связаны они в том числе со средствами коммуникации. Наиболее успешный союз средневековых городов – Ганзейский союз (Ганза), объединявший около 150 городов, 100 из которых были портовыми, а многие остальные стояли на крупных реках, впадающих в море [15]. Вне всяких сомнений, ключевым объединяющим фактором этого союза служил общий интерес – защита торговли и поддержание монопольного положения городов Северной Европы в торговле на Балтике и Северном море, но подобная координация действий стала возможной благодаря наличию дешевого и безопасного (по сравнению с наземным транспортом) средства коммуникации – водного транспорта, который позволял относительно быстро добираться и передавать сообщения как до прибрежных городов, так и городов, связанных с морем посредством крупных судоходных рек.

Обратная ситуация наблюдается в современном мире, дешевизна и эффективность средств коммуникаций которого, по выражению Герберта Маршалла Маклюэна, сделала его «глобальной деревней» [16]. Интернет и телефония фактически упразднили пространство в качестве препятствия для передачи сообщений. Однако такое устранение границ, помимо очевидных выгод, также принесло разрушение пространства как фактора, определяющего набор политических проблем человека. Ограниченность средств коммуникации приводила к ограниченности информационного поля, в котором жил человек. Он мог знать и преимущественно знал о проблемах, так или иначе связанных с его непосредственным местом жительства, городом, регионом или на высшем этапе развития средств доцифровой информации государством. Знать о других проблемах он просто не мог, и если бы даже смог, то вряд ли был бы способен на эффективную координацию действий с другими людьми, которые были заинтересованы в их решении. Д. Белл называл этот феномен утратой изолирующего пространства [17], отмечая, что политическое насилие в Европе, в отличие от США, происходило вблизи политических центров, что позволяло ему иметь решающее значение в ходе различных событий. Вспомним давление санкюотов Парижа на Законодательное собрание и Конвент Франции, заседавших в непосредственной близости от столицы во время Великой французской революции. В США же (во многом в силу размера страны) акции политического неповиновения смогли оказывать существенное воздействие на национальную политику только после появления развитых средств коммуникации и средств массовой информации.

Таким образом, развитие средств коммуникации устранило локальность информационного поля, а вместе с ним и локальность набора политических проблем, с которыми сталкивается человек. Избыток информации, ставящий во главу угла привлечение внимания, вкупе с практически моментальным доступом к ней привели к появлению цифровых инструментов политического участия, речь о которых пойдет дальше.

Как справедливо отмечает М. Кастельс [18], в условиях сетевой организации общества власть перестает быть свойством конкретных институтов и проявляется как способность структурировать потоки информации. Следовательно, изменение медиальных условий неизбежно влечет за собой трансформацию самой логики социальности: субъект политического действия все чаще формируется не как часть устойчивой группы, а как временная конфигурация участников, включенных в один и тот же информационный поток. Тем самым цифровое политическое участие приобретает характер событийной синхронизации, не требующей устойчивых форм коллективной идентичности.

Революция в средствах коммуникации, массовая компьютеризация и появление Интернета радикально увеличили коммуникационную способность отдельного человека. Рамки локального больше не ограничивают его информационное и коммуникационное поле. Отсутствие географических, а зачастую и многих других ограничений на распространение сообщений порождает информационный избыток в условиях ограниченного человеческого внимания и когнитивного потенциала. Кроме того, простота коммуникации и выбора предмета приложения собственных политических усилий позволяет также легко прервать коммуникацию и менять объект собственного внимания. Цифровые платформы как инструменты политического участия не способствуют появлению устойчивых социальных структур и организационных форм, которые превращали бы политическое участие из отдельных проявлений активизма в системное отстаивание интересов и координацию общих усилий.

Для примера рассмотрим российские цифровые платформы, выполняющие функции инструментов политического участия: портал «Госуслуги» (включая сервисы фиксации проблем и механизм общественного обсуждения), «Активный гражданин» и «Российская общественная инициатива» (РОИ). Их общая черта – высокая технологическая простота политических действий, не требующих коллективной координации или формирования устойчивых групп интересов.

Так, сервисы обратной связи и территориальной проблематики («Инцидент-менеджмент», «Госуслуги. Решаем вместе», региональные платформы обратной связи) позволяют гражданину оперативно зафиксировать конкретную проблему: нарушение благоустройства, отсутствие инфраструктурных решений, локальные экологические инциденты. Популярность таких обращений объясняется, прежде всего, низкими транзакционными издержками: гражданину достаточно нескольких минут и минимального набора аргументации, чтобы инициировать коммуникационный процесс. Эта механика стимулирует внимание к сугубо частным, микро-локальным проблемам, что соответствует логике цифровых интерфейсов, ориентированных на непосредственную, а не на политически опосредованную обратную связь.

Платформа «Активный гражданин» действует по аналогичной логике: вовлечение основывается на быстрой реакции, удобстве интерфейса и заранее структурированной модели выбора. В такой конфигурации гражданин выступает не как субъект, формирующий коллективную волю, а как участник управленческой процедуры, где предпочтения запрашиваются в стандартизированном виде и не предполагают последующих устойчивых форм взаимодействия между участниками. С философской точки зрения подобные платформы создают эффект «формальной публичности»: коллективность присутствует лишь как суммирование индивидуальных решений, но не как пространство выработки совместных смыслов и требований.

Платформа РОИ представляет собой более политизированный инструмент, однако ее механика также опирается преимущественно на привлечение внимания и количественное подтверждение поддержки инициативы. От пользователя требуется минимальная активность – регистрация, ознакомление и выражение согласия. Подобная модель делает участие эпизодическим и транзакционным: усилие прикладывается к отдельной проблеме, но не приводит к формированию устойчивых групп давления или горизонтальных сетей координации. Более того, отсутствие необходимости коммуникации между пользователями создает эффект «распыления солидарности», когда единичные акты выражения поддержки не трансформируются в коллективную субъектность.

В результате цифровые платформы акцентируют внимание на привлекательности конкретного кейса, что в условиях информационного избытка выдвигает на первый план борьбу за внимание, а не за институциональное закрепление интересов. Модель отбора проблем становится зависимой от визуальной и эмоциональной выразительности, что повышает риск манипулятивных практик. Платформы фактически подменяют собой институты политического участия, позволяя решать отдельные проблемы, но не стимулируя переход от частных требований к формированию механизмов долгосрочного коллективного представительства.

Наш анализ показал, что развитие средств коммуникации оказывает не только техническое, но и глубоко структурное влияние на формы и характер политического участия. Изменение способов передачи информации влечет за собой трансформацию самой логики политичности: от процессов, требующих длительных усилий, коллективного осмысления и устойчивых институтов, к формам, основанным на кратковременных актах выражения внимания и индивидуализированного реагирования.

Цифровые технологии, упразднив пространственные ограничения, одновременно разрушили то, что можно обозначить как «социально-конституирующее пространство», ту среду, в которой ранее возникали и укреплялись устойчивые формы коллективного действия. Преодоление расстояния сняло необходимость длительной координации и последовательной артикуляции общих требований, заменив их мгновенной и почти автоматизированной коммуникацией. Тем самым была разорвана связь между выражением политической воли и формированием субъектности, без которой политическое участие превращается в цепь разрозненных событий, а не в устойчивую практику совместного действия.

Удобство цифровых платформ способствует тому, что участие приобретает характер «единичной политичности»: отдельные акты активности не выстраиваются в единую линию, не организуют коллективной идентичности и не создают структур, необходимых для долговременного политического присутствия. Цифровые инструменты берут на себя роль посредника между гражданином и государством, но, выполняя функцию упрощения коммуникации, они фактически подменяют собой институты политического участия, лишая последних их формирующей роли. Возникает парадокс: чем проще становится выразить индивидуальную позицию, тем сложнее оказывается сформировать коллективную волю.

В результате складывается ситуация, которую можно определить как «деинституционализация публичности»: публичное поле наполняется многочисленными, но недолго живущими актами выражения интересов, которые конкурируют за внимание, но не способны стать основанием для устойчивых изменений. Борьба за внимание вытесняет борьбу за институциональное оформление требований, а приоритизация проблем становится функцией информационного шума, а не коллективного обсуждения.

Таким образом, цифровые платформы, обладая очевидной эффективностью в решении частных вопросов, несут в себе риск фрагментации политического пространства и ослабления механизмов коллективного представительства. Они оказывают влияние не только на формы участия, но и на само понимание политического как сферы длительных, коллективно воспроизводимых практик. В этом смысле цифровизация не просто изменяет

институциональную архитектуру участия – она трансформирует саму антропологию политического действия, переводя политическое участие из области устойчивых социальных структур в область мгновенных коммуникативных реакций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пфетцер С. А. Теоретико-методологические основания анализа проблемы политического участия // СибСкрипт. 2013. № 4 (56). С. 103–109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-osnovaniya-analiza-problemy-politicheskogo-uchastiya> (дата обращения: 22.08.2025).
2. Бурдьё П. Социология политики / пер. с фр. ; сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М., 1993. 336 с.
3. Dahl R. A. *Polyarchy: Participation and Opposition*. New Haven ; London, 1971. 257 p.
4. Lipset S. M. *Political Man: The Social Bases of Politics*. Baltimore, 1981. 586 p.
5. Nagel J. H. *Participation*. Englewood Cliffs, 1987. 341 p.
6. Хабермас Ю. Структурные изменения публичной сферы / пер. с нем. ; под ред. А. А. Карамурзы. М., 2018. 376 с.
7. Селиванова А. О. Формы политического участия: проблема типологизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2017. Т. 17, № 3. С. 339–343. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-politicheskogo-uchastiya-problema-tipologizatsii> (дата обращения: 22.08.2025).
8. Арендт Х. Состояние человека / пер. с англ. ; под ред. Д. М. Носова. М., 2017. 384 с.
9. Бровко Л. Н. Социал-демократическая партия Германии // Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/5677289 (дата обращения: 22.08.2025).
10. Варнке Г. Очерк истории профсоюзного движения в Германии / пер. с нем. ; ред. Л. З. Полякова. М., 1956. 184 с.
11. Ольховская О. В. «Исключительный закон о социалистах» 1878 года и партия «Центр» // Вестник Брянского государственного университета. 2010. № 2. С. 35–38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/isklyuchitelnyy-zakon-o-sotsialistah-1878-goda-i-partiya-tsentr> (дата обращения: 22.08.2025).
12. Вебер М. Хозяйство и общество: Очерки понимающей социологии / пер. с нем. ; под ред. П. П. Гайденко. М., 2016. 1520 с.
13. Токвиль А. де. Демократия в Америке / пер. с фр. ; под ред. Ю. А. Нисневича. М., 2020. 864 с.
14. Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294–1324) / пер. с фр. В. А. Бабинцева, Я. Ю. Старцева. Екатеринбург, 2001. 544 с.
15. Доллингер Ф. Ганза / пер. с нем. Л. А. Игоревского ; под ред. Л. И. Глебовской. М., 2025. 511 с.
16. Мак-Люэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. Киев, 2004. 432 с.
17. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. ; под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. 956 с.
18. Кастельс М. Власть коммуникации / пер. с англ. ; под ред. А. В. Сморгунова. М., 2016. 564 с.

REFERENCES

1. Pfetser S.A. Theoretical and methodological bases of analyzing the problem of political participation. *SibSkript=SibScript*, 2013, no. 4 (56), pp. 103–109. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-osnovaniya-analiza-problemy-politicheskogo-uchastiya> (In Russ.). (Accessed August 22, 2025).
2. Bourdieu P. *Sotsiologiya politiki* [Sociology of Politics]. Moscow, 1993. 336 p.
3. Dahl R.A. *Polyarchy: participation and opposition*. New Haven; London, 1971. 257 p.
4. Lipset S.M. *Political man: the social bases of politics*. Baltimore, 1981. 586 p.
5. Nagel J.H. *Participation*. Englewood Cliffs, 1987. 341 p.
6. Habermas Yu. *Strukturnye izmeneniya publichnoi sfery* [Structural changes in the public sphere]. Moscow, 2018. 376 p.

7. Selivanova A.O. Forms of political participation: the problem of typology. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya = Izv. Saratov Univ. (N.S.). Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, no. 3, pp. 339–343. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-politicheskogo-uchastiya-problema-tipologizatsii> (In Russ.). (Accessed August 22, 2025).
8. Arendt H. *Sostoyanie cheloveka* [The human condition]. Moscow, 2017. 384 p.
9. Brovko L.N. The Social Democratic Party of Germany. In: *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya* [The Great Russian Encyclopedia]. Available at: https://old.bigenc.ru/world_history/text/5677289 (In Russ.). (Accessed August 22, 2025).
10. Warnke G. *Ocherk istorii profsoyuznogo dvizheniya v Germanii* [An essay on the history of the trade union movement in Germany]. Moscow, 1956. 184 p.
11. Ol'khovskaya O.V. "The exceptional law on socialists" of 1878 and the Center Party. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Bryansk State University*, 2010, no. 2, pp. 35–38. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/isklyuchitelnyy-zakon-o-sotsialistah-1878-goda-i-partiya-tsentra> (In Russ.). (Accessed August 22, 2025).
12. Weber M. *Khozyaistvo i obshchestvo: Ocherki ponimayushchei sotsiologii* [Economy and society: Essays on understanding sociology]. Moscow, 2016. 1,520 p.
13. Tocqueville A. de. *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America]. Moscow, 2020. 864 p.
14. Le Roy Ladurie E. *Montaiyu, oksitanskaya derevnya (1294–1324)* [Montailloux, Occitan village (1294-1324)]. Ekaterinburg, 2001. 544 p.
15. Dollinger F. *Ganza* [Hansa]. Moscow, 2025. 511 p.
16. McLuhan M. *Galaktika Gutenberga: Sotvorenie cheloveka pechatnoi kul'tury* [Gutenberg's Galaxy: Creation of human print culture]. Kiev, 2004. 432 p.
17. Bell D. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [The coming post-industrial society. Experience of social forecasting]. Moscow, 1999. 956 p.
18. Castells M. *Vlast' kommunikatsii* [The power of communication]. Moscow, 2016. 564 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

БОГДАН ИГОРЕВИЧ СТЕШУК – аспирант Института социальных и гуманитарных наук Вологодского государственного университета, Вологда, Россия, bogdan353590@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

BOGDAN I. STESHUK – Postgraduate Student at the Institute of Social Sciences and Humanities of the Vologda State University, Vologda, Russia, bogdan353590@gmail.com

Статья поступила 22.08.2025